

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 2

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

ЭЛЬЧИН. Голова . Роман (Окончание)	3
Мустафа ЧЕМЕНЛИ. Мубариз . Документальная повесть	81
Рафик ГАШИМОВ. <i>Рассказы</i>	105
Алексей САПРЫКИН. <i>Рассказы</i>	123
Пярвиз ГУСЕЙНОВ. Записки кукольного мастера . Эссе	129

ПОЭЗИЯ

Красин ХИМИРСКИЙ. <i>Стихи</i>	70
Наиля БАННАЕВА. <i>Стихи</i>	100
Марат ШАФИЕВ. <i>Иронические миниатюры</i>	132

ПУБЛИЦИСТИКА

Вахид ГАЗИ. Фильм «Ад»	77
Тарлан ДЖАФАРОВ. Уильям Шекспир и Мирза Алекпер Сабир	112

2017

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аксакал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz@box.az

Тел: 493-75-81

Сдано в печать 24.01.2017г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2017 г.

ЭЛЬЧИН

Г О Л О В А

Роман*

Перевод Азера МУСТАФА-ЗАДЕ

* * *

На этой тесной и безлюдной улице ощущалась кавказская аура, она напоминала одну из улиц тифлисского квартала Шайтан-Базар, но узкий тротуар этой улицы был покрыт киром¹, а кир – означал нефть, и, конечно же, это была одна из улочек Бакинской крепости.

Речные камни, устилавшие её, словно тосковали в эту утреннюю рань о человеческих шагах.

Вдалеке, по самой середине улицы, шла собака. Весь вид этой празднующейся, приближающейся собаки свидетельствовал о таких же, как эта улица, одиночестве и бесприютности.

И вдруг ЕМУ почудилось, что эта собака, медленно бредущая по тесной, устланной речным камнем улице в поисках чем бы поживиться, на самом деле, это ОН сам...

...Вот так, не собака, медленно бредущая по улице, а ОН сам...

Но это внезапно родившееся чувство растаяло, исчезло в той бестелесности и невесомости ЕГО субстанции...

12

Письмо маркизы Натали де Лафонжен.

«Тифлис.

Его сиятельству, князю П.Д.Цицианову.

Князь, садясь за это второе, вероятно, последнее письмо, я трепещу, быть может, не меньше, чем в ту ночь, семнадцать лет тому назад, когда я призналась Вам в своей любви.

Князь!

Вчера Вашему сыну Михаилу – Мишелю де Лафонжену – исполнилось 16 лет.

Это не описка, князь.

Мишель де Лафонжен – Ваш сын.

До сих пор об этом на свете знали только Создатель и я, грешная, падшая женщина.

Теперь это знаете и Вы.

Уже шестнадцать лет, всякий раз прижимая к груди Мишеля, я переживаю нравственные муки из-за своего предательства по отношению к мужу, Жерару де Лафонжену.

* Окончание. Начало см. № 1, 2017г.

¹ Кир – подобие асфальта.

Да, я любила Вас, князь, эта любовь была подобна урагану, началась и в течение месяца завершилась.

Не входя в подробности этой любви и этой разлуки, я не хочу заново расстраивать Вас, равно как и себя.

Вы и сегодня дороги мне, как настоящий отец моего единственного сына, но это несколько не умаляет переживаемых мной многие годы нравственных мук и страданий. Вдобавок к ним, по мере взросления Мишеля, наблюдая за его успехами, я переживаю ещё большие душевные муки и за Вас: отчего Вы не должны знать, что у Вас есть такой сын? Ведь грешна я, а в чём вина Ваша? Я разбудила этот ураган, я и должна носить в себе эту боль.

Маркиз Жерар безумно любит своего сына, с той же страстью Мишель любит своего отца Жерара де Лафонжена, гордится им, во всём стремится подражать ему.

Вы, конечно же, понимаете меня.

На днях мы переезжаем во Францию.

Не знаю, простит ли меня Господь или нет, мне остаётся лишь день и ночь молить Его об этом, но зная Ваше сердце, князь, во мне теплится хоть небольшая, но все же надежда, что и Вы простите меня.

Эта надежда придала мне смелости, и я написала Вам правду.

Когда я думаю, какие чувства станете переживать Вы по получению этого письма, меня охватывает ужас, но у меня не было иного выхода.

Князь, мне известно Ваше благородство, и я знаю, что Вы бросите в огонь, сожжёте это письмо, точно так, как сожгли моё первое, написанное семнадцать лет назад письмо.

Кроме нас – Вас и меня – эту тайну будет знать только Всевышний.

Прощайте.

Всегда помнящая и обречённая до конца жизни помнить Вас,

Маркиза Натали де Лафонжен.

16 марта 1805 года.

Санкт-Петербург»

13

В те последние осенние дни – был ноябрь 1805 года, князь Цицианов, собираясь в поход на Баку, избрал местом стоянки очередного военного лагеря эту равнину, где сливались Кура и Аракс. И несмотря на слабость, озноб и раздражение, вызванные лихорадкой, что не отпускала его который день, ему нравилось журчание воды, доносящееся со стороны Куры, казалось, это журчание приносило ему умиротворение.

В первый день прибытия в Тифлис Кура напомнила ему родную Неву, тогда князь пережил странное чувство: словно то, что Кура напоминала ему Неву, имело необъяснимый и неприятный оттенок, и это его раздражало.

Не обращая внимания на мольбу своего адъютанта полковника Грендфальда: – «Нельзя, ваше сиятельство! В этом состоянии вам не следует выходить наружу! Я прошу вас!..», – он в это морозное, рассветное утро вышел, чтобы лично всё обойти, самому проверить положение в лагере, и то, что накануне похода в Баку, которому он придавал особое значение, его подхватила эта подлая хворь, после очередной мучительной ночи сказывалось на всём его настрое с той минуты, что он проснулся.

Когда начинался озноб, полковник Грендфальд или второй адъютант – подполковник князь Эристов накрывали его изготовленным азербайджанцами, набитым толстой шерстью, стёганым одеялом. Затем его бросало в жар, прошибал такой пот, что становились влажными не только ночная рубашка, но даже матрац и одеяло. Через какое-то время озноб снова возвращался, и князю Цицианову хотелось именно в этот короткий промежуток между жаром и ознобом самому обойти лагерь.

Он знал лично многих офицеров, иногда даже некоторых рядовых, и на сей раз уже издали узнал старослужащего – капитана Сухарева: вместе с каким-то поручиком они вели куда-то кавказца со связанными за спиной руками.

– Сухарев! – крикнул явно ослабевшим от лихорадки голосом князь.

Сухарев и поручик придержали шаг, обернулись и, увидев в предрассветной мгле главнокомандующего, вытянулись во фронт.

Князь Цицианов вместе с полковником Грендфальдом подошли к ним, кавказец, поняв, что приблизившийся человек – кто-то из имеющих высокий чин, устремил на князя полные страха и любопытства глаза.

– Что случилось? – спросил князь Цицианов, скользнув взглядом по кавказцу.

– Ваше сиятельство, этот туземец пытался угнать коня поручика!

Ещё больше вытянувшись, поручик представился:

– Поручик Глушков!

Ослабевшие, обессиленные после мучительной ночи глаза князя Цицианова сверкнули гневом, посмотрев на всё ещё глядящего на него с интересом кавказца, спросил: – Он что, хотел угнать коня из лагеря? – затем, уставившись прямо в глаза кавказца, добавил: – Откуда такой он явился?

Под гневным взглядом князя кавказец будто съёжился, стал даже казаться меньше ростом, явно осознав, что дела его совсем плохи.

– Видимо, из села Сумахлы, тут рядом, ваше сиятельство. Поручик услышал какие-то шорохи, схватил его, – ответил Сухарев.

– А как он проник в лагерь? – уже в ярости спросил Цицианов.

Всё также вытянувшийся во фронт Сухарев промолчал.

Цицианов, не оборачиваясь к Грендфальду, бросил:

– Разберитесь, доложите мне!

В свою очередь, фон Грендфальд, также вытянувшись, с немецкой чёткостью выпалил:

– Слушаюсь, ваше сиятельство!

Глядя с презрением на кавказца, будто перед ним было нечто отвратное, грязное, князь спросил:

– Куда вы его ведёте?

– С вашего позволения хотим вздёрнуть его перед всем лагерем. Пусть это станет уроком и для других туземцев!.. – ответил Сухарев.

То, что какой-то прощелыга, конокрад, смог запросто пробраться в военный лагерь, в его лагерь, окончательно вывело главнокомандующего из себя, к тому же он чувствовал, что вот-вот снова подступит озноб.

– Нет! – приказал он, – снимите с него всё это тряпье, спустите штаны ниже пояса, привяжите крепче к ослу и отпустите! Пусть в дом, куда он хотел привести коня, его голышом приведёт осёл!

Наступила тишина, не знающий русского кавказец, и оттого не ведающий о своей будущей судьбе, с явным испугом и страхом переводил взгляд с Цицианова на

фон Грендфальда, затем с Сухарева на поручика, в это время неожиданно капитан Сухарев сказал:

– С кавказцами так поступать нельзя, ваше сиятельство! Их можно повесить, расстрелять, но так унижать нельзя!

Цицианов поражённо посмотрел на Сухарева: жалкий, безродный капитанишка осмеливается в подобной форме обсуждать приказ главнокомандующего, учит, как ему обращаться с кавказцами!

И в это время, совершенно неожиданно, перед его глазами ожило озабоченное лицо его друга, впрочем, вовсе не друга, если был на свете некто, кого он мог назвать другом, это был Коля – Николай Тимофеев-Богоявленский, впрочем и «друг» – понятие условное, придуманное людьми – просто хороший знакомый, приятель – барон Фёдор Уолтфилд.

Барон Уолтфилд, одно время герой аристократических салонов Петербурга, умер почти двадцать лет тому назад от инфлюэнции. За эти двадцать лет на памяти князя Цицианова не было ни разу дня, чтобы он так внезапно вспомнил барона Уолтфилда, всегда весёлого, слывшего душой общества. Но сейчас растроенное лицо барона вдруг ожило перед глазами Цицианова. Это был тот самый день, когда весь Петербург с поздравлениями стекался в поместье барона на берегу Невы. За день до этого, после нескольких лет бездетности, на свет появилось первое чадо барона, и тогда Уолтфилд с фужером шампанского в одной руке, а другой взяв под руку Цицианова – отчего именно Цицианова, а не кого-то другого? – отвёл его чуть в сторону и с печалью в голосе, которую всячески хотел скрыть от всех, сказал:

– Мы не знаем – мальчик это или девочка.

Князь Цицианов удивлённо глянул на него:

– Я вас не понял, барон...

– Лучше вам и не понимать, князь...Губерман говорит... – Уолтфилд глубоко вздохнул, помолчал, затем добавил: – Губерман утверждает, что ребёнок гермафродит...

Получивший образование в Гейдельбергском университете, приглашённый в Россию ещё во времена Екатерины II, доктор Натан Соломонович Губерман слыл самым известным и авторитетным гинекологом Петербурга. Ставить под сомнение его диагноз, говорить что-то – было бы ложным утешением, поэтому Цицианов лишь коснулся фужером с шампанским фужера барона.

После внезапной кончины барона Уолтфилда его вдова вернулась на свою родину, в Пруссию, а как сложилась или не сложилась судьба их ребёнка-гермафродита – знал лишь Всевышний, хотя, видимо, изначально именно так была определена судьба младенца, но это было делом самого Всевышнего, вмешиваться в Его дела не следовало.

Отчего вдруг ему вспомнилось это событие? Бледное от болезни лицо Цицианова покраснело – после слов безродного капитана он почувствовал себя чем-то вроде национального гермафродита, – что это? – отчего подобные глупые мысли приходят ему в голову?

Эти ненужные и бессмысленные воспоминания и мысли, и его собственная память настолько огорчили Цицианова, к тому же еще и то, что раскраснелся на глазах офицеров от подступающей лихорадки, он окинул капитана Сухарева суровым взглядом, словно причиной его огорчения был не он сам, князь, а служивый капитан, и, сам того не ожидая, крикнул:

– Свинья, я не нуждаюсь в твоих советах!

По лицу адъютанта фон Грендфальда, хорошо знакомого с подобными вспышками гнева главнокомандующего, скользнула еле заметная улыбка – своей приплюснутой физиономией капитан Сухарев на самом деле напоминал свинью, и вообще, в тот день, вопреки немецкой сдержанности – никогда не выдавать свои чувства, полковник Грендфальд был явно в приподнятом настроении: его восьмилетняя дочь Изольда впервые в жизни самостоятельно написала отцу письмо, и получивший прошлым вечером это письмо полковник Грендфальд прочёл его, ощущая чувство большой гордости и удовлетворения, в этом первом своем письме, написанном Изольдой на немецком языке, не было ни одной грамматической ошибки.

Саркастическая полуулыбка на губах фон Грендфальда не осталась незамеченной Сухаревым: генерал, туземец по происхождению, вместе с этим «фоном» вот так оскорбляют русского офицера.

С той же яростью в голосе главнокомандующий приказал не капитану Сухареву, а Глушкову:

– Поручик, выполняйте приказ и доложите мне лично!

Всё это время не осмеливаясь даже пикнуть, вытянувшийся во фронт поручик Глушков, видимо, желая освободиться от напряжения, торопливо выпалил:

– Слушаюсь, ваше сиятельство!

– Можете идти! – сказал князь Цицианов.

С трудом подавляя готовую выплеснуться наружу разрывающую всего его ненависть, капитан Сухарев вместе с поручиком Глушковым и трясущимся за свою жизнь кавказцем ушли прочь.

Глядевший вслед им полковник Грендфальд, хорошо зная, что даже в лихорадке князь через какое-то время потребует к себе поручика, лично спросит, исполнен ли приказ, подумал, что лучше, на всякий случай, самому проконтролировать исполнение приказа – раздеть догола кавказца ниже пояса и отправить его восвояси, привязав к спине осла.

* * *

В том видимом измерении маленькая Наташа крикнула: «Папá приехал!..Папá приехал!..»

Никогда ОН не видел в детстве Наташу – маркизу Наталью Аркадьевну де Лафонжен, но это была Натали, пяти лет от роду, она гуляла в том прекрасном саду меж кустов раскрывшихся алых роз, и с той же счастливой радостью в голосе, крича: «Папá приехал!», бросилась к отцу...

...Граф Аркадий Ефимович Разумовский, прижимая к груди дочь, приговаривал: «Моя Наташка!.. Знаешь, как я по тебе соскучился!..»

* * *

Военный атташе посольства Франции в России молодой маркиз Жерар де Лафонжен надевал на палец невесты кольцо.

Той невестой была девятнадцатилетняя Натали.

Затем они, Жерар де Лафонжен и теперь уже Натали де Лафонжен, коснулись друг друга губами.

Волны радости, счастья, рождённые этим поцелуем, разлились вокруг в том

видимом измерении, но приглашённые на церемонию бракосочетания Жерара и Натали де Лафонжен гости не почувствовали разлившихся вокруг тех волн радости и счастья.

Но ОН ясно видел те волны радости и счастья, и только ОН слышал идущие от сердца слова, что горячо шептала на ухо Жерара де Лафонжена Натали: «Мой любимый!.. Нас может разлучить лишь смерть!..»

* * *

Те волны радости и счастья, растаяв, исчезли.

И в ночной темноте, окутавшей то видимое измерение, сидя в пеньюаре с расстёгнутым воротом за столиком, при свете свечи, Натали де Лафонжен взволнованно писала письмо, и так же взволнованно дыша, нанизывала на бумаге строки, а её белеющие при свете свечи полные груди, казалось, не умещались в ночную рубашку, были готовы вырваться наружу...

ОН снова перечёл написанное прекрасным почерком Натали де Лафонжен то самое письмо:

... «Я люблю Вас, князь. Я не могу совладать со своими чувствами, они сильнее моей воли, я не в силах обуздать их. Закрывая глаза, я вижу только и только, князь, Ваш пламенный взгляд. Не знаю, быть может, Господь испытывает меня, не знаю... Пусть! Пусть будет – что будет! Я знаю, даже убеждена, что это испытание может иметь страшные последствия, моя любовь ведёт меня к греху, но, князь, это меня не пугает, подобная смелость охватывает страшным изумлением всё моё существо. Только благодаря Вам, князь, моей любви к Вам, я в силах вынести это неодолимое потрясение. Все эти бессонные, мучительные ночи я думаю, осмелюсь ли довести до Вас эти чувства. Нет, рассуждаю я, моя гордость, моё достоинство, моя честь не позволят сделать это. Но эта любовь настолько правит мной, что у меня не хватает сил, нет, не обуздать, а напротив, не открыться Вам. И я думаю: неужели любовь столь предосудительна, что я вынуждена переживать столько страданий? Скрывать эту любовь от человека, которого люблю? Князь, я люблю Вас, я могу скрыть эту страсть от всех окружающих, но только не от Вас. Если Господь дозволил, чтобы эта любовь проникла в мою душу, отчего я должна скрывать это от Вас? И я, со всей страстью, что выплёскивается из моей души, говорю: я люблю Вас, князь!..»

И Натали подписала письмо не «маркиза де Лафонжен», а просто «Натали...»

* * *

...Натали – маркиза де Лафонжен, в прозрачном пеньюаре, просвечивающем её белые плечи, груди, целуя волосатую грудь обнажённого князя Цицианова, говорила: «Мой дорогой!.. Мой любимый!.. Моя жизнь!..»

И пока она говорила эти слова, целуя ЕГО волосатую грудь, в том видимом измерении разливались волны радости и счастья, страстные влюблённые были внутри радости и счастья того видимого измерения, которое они считали реальностью.

Натали де Лафонжен стонала от страсти, и в эти мгновения, вдохновлённый стоном маркизы, желая слышать ещё более страстный стон этой прекрасной женщины, князь Цицианов с упоением целовал её белые, влажные от жара груди, шею...

* * *

...Четырех-пятiletний Мишель, крича: «Папá приехал!.. Папá приехал!..», бросился с площадки перед особняком к Жерару де Лафонжену.

Маркиз с любовью и гордостью в душе, приговаривая: «Мой любимый сыночек!..» – приподняв, прижал Мишеля к груди. И ОН почувствовал, что ЕГО бесплотную, невесомую субстанцию вновь легко коснулась чуждая, никак не согласующаяся с ЕГО бесплотностью и невесомостью легкая забота: отчего столько лицемерия, предательства и фальши проникло в это видимое измерение?

Отчего эти лицемерие, предательство и фальшь облачены в одеяния истины, отчего они столь легко подменяют реальность?

... Затем та самая забота, легко коснувшаяся ЕГО бесплотной, невесомой субстанции, так же легко рассталась с НИМ, исчезла...

* * *

...ЕГО пробудившаяся память не знала никаких границ, и эпизоды таким образом сменяли друг друга.

...Казалось, ЕГО пробудившаяся память словно решила мстить кому-то, отчего-то, за что-то...

* * *

... Прошедшее время сделало Натали де Лафонжен ещё более любимой, её оголённое тело, казалось, вобрало в себя всю страсть, жизнерадостность и привлекательность того видимого измерения...

И обнажённая Натали де Лафонжен, страстно целуя гладкую, без единого волоска грудь лежащего на просторном ложе Николая, говорила: «Я никогда, никого так не любила, как тебя, Коля, мой любимый, мой дорогой!.. Всю свою жизнь я ждала только тебя!.. Откуда ты явился? Я знаю, тебя прислали ко мне мои девичьи грёзы!..»

В том видимом измерении в состоянии полного равнодушия и отстранённости он глядел на ещё не раненого, здорового – Николая Ивановича Тимофеева-Богоявленского.

А Натали де Лафонжен, с той же страстью целую Николая, говорила: «Я боюсь, Коля, мой дорогой, моя жизнь!.. Ты отправляешься на войну с Бонапартом, говорят, он исчадие ада ... Дитя не Создателя, а Дьявола... Я боюсь, Коля, очень боюсь... Я день и ночь буду молиться за тебя... Всевышний услышит меня... Но я боюсь... Очень боюсь...»

* * *

Престарелый граф Аркадий Евдокимович Разумовский, помахивая трясущейся от волнения рукой, провожал выезжающую из ворот его поместья карету, она увозила в далёкую Францию маркизу Натали де Лафонжен вместе с сыном и мужем.

Шестнадцатилетний Мишель, глядя назад из приоткрытой дверцы кареты, кричал:

– До встречи, дедушка!.. Пока!..

Старый граф всё так же махал дрожащей рукой, шепча: «Прощайте!.. Прощайте!..»

**Письмо князя П.Д.Цицианова
графу Н.И.Тимофееву-Богоявленскому**

«Санкт-Петербург,
Его Превосходительству
Графу Н.И.Тимофееву-Богоявленскому.

Николай, мой дорогой друг детства и юности!
Как хорошо, что ты есть!

Как славно, что я могу поделиться мыслями с тобой – моим единственным на свете другом.

Это первое письмо, что я пишу тебе в завершающийся четвертый месяц 1804 года, но события этих четырёх месяцев в Закавказье не вместить даже в четыре года.

Сейчас ночь. Весь Тифлис спит. Не рвутся снаряды, не свистят пули, не слышны даже стоны раненых. Слышен лишь плеск текущей вблизи Куры. А из моего окна виднеются лишь одинокие фонари тифлиских улиц.

Кажется, я стал ударяться в лирику, но, дорогой друг, это не результат жажды спокойствия, что скопилась во мне – того спокойствия, что нам никогда не обрести.

Сегодня один из редких дней моей жизни, когда я дышу счастьем. Спеша разделить эту огромную радость, я, конечно же, отправил его величеству императору поздравительное письмо, второе письмо я пишу тебе, поздравляю и тебя, потому что хорошо знаю, ты всегда живёшь интересами нашей родины – Великой России, и так будет всегда.

Сегодня, наконец-то, двуличный и продажный царь Имеретии Соломон II был вынужден принять российское подданство, в торжественной форме дал клятву и подписал договор, что считает себя и всех своих потомков вечными и верными слугами Российской империи. Желание же у него было одно: чтобы в рамках автономии за ним, его сыном – принцем Константином, а также их наследниками сохранился царский статус, и я дал на это согласие. Конечно же, ты понимаешь, что это временная договоренность, через год-другой следует вышвырнуть Соломона и всех этих принцев из Имеретии, и я сделаю это. Гурийский князь – Вахтанг Гуриэли тоже принял российское подданство, и таким образом, дорогой Николай, мы добились, что вся Грузия – от Кахетии до Мингрелии, а также соседние азербайджанские султанаты – Казах, Борчалы, Шамшеддин и Пембек вошли в состав России!

Ты знаешь, я ненавижу ложную скромность, так что без ложной патетики заявляю, что это никакая не моя, а историческая победа Великой Российской державы, его величества императора Александра!

Как и всякая победа, досталась она нам не просто. Бесчисленные грузинские принцы, князья, дадиани – мингрельские правители – все породнены друг с другом, невозможно определить, кто кому кум или кузен, кто на чьей дочери женат, кто за кого выдал дочь, кто кому бабушка или дед, но всех их объединяет одна особенность: все они враги друг другу, кто-то строит интриги по отношению к другому, кто-то держит в заложниках чьего-то сына, тайно или явно они ведут войны друг с другом, и представь, Николай, им даже не претит в борьбе друг с другом действовать рука об руку с османами или каджарами.

Стамбул считает земли Северного Кавказа и все, находившиеся прежде под протекторатом Крымского ханства, а также Южный Кавказ, своими. Турки до сих пор не могут примириться с потерей Крыма. При любой возможности стараются поднять против нас черкесов, чеченцев, лезгин, аварцев, осетин, кабардинцев, кумыков, балкар – это народы Северного Кавказа – всех не упомнишь. Эти народы различаются друг от друга по языку, но их сыновья уже с 14-15 лет носят на поясе кинжалы, и эти кинжалы, поверь мне, Николай, не предметы бутафории, не декорации.

Бесконечные войны между Имеретией и Мингрелией никак не кончались, теперь, когда они превратились в наши провинции, войнам, конечно же, будет положен конец и люди заживут спокойно. Вражда между имеретинскими царями и дадианами, правителями Мингрелии, останется в истории, но я вспоминаю манифест её величества Екатерины – да будет пухом ей земля – помнишь, Коля, желая стереть из истории России восстание негодяя Емельки, она переименовала Яицкий городок и реку Яик. Сегодня, если спросить у нашего двадцатипятилетнего молодого человека, как прежде звалась река Урал, он удивится, разве река Урал не была всегда Уралом? И мы тоже должны стереть из их памяти историю грузинских царств и азербайджанских ханств. Пусть в Закавказье, да и на всём Кавказе, люди живут спокойно, но и к этому вопросу мы должны отнестись внимательно и осторожно, ибо их добрососедское проживание означает будущее единение, что тоже нам не на пользу. В соответствии с интересами нашей державы, при необходимых случаях, мы должны уметь использовать их взаимную рознь и вражду, и теперь, достаточно хорошо зная Кавказ, считаю, что это важный для нас момент.

Мы дали слово до времени сохранить полномочия внутреннего управления кавказским царькам, ханам, князьям, султанам, но всё это на бумаге, когда придёт срок, думаю, в самое ближайшее время, будет положен конец этим полномочиям и местечковым титулам. Сознаю, что эти мои суждения далеки от тех ценностей, что мы называем гуманизмом, но здесь, на Южном Кавказе, да и в целом на Кавказе, мысль чего-то добиться принципами гуманизма – пустая утопия.

Самая первая большая победа этого года – взятие в ночь со 2-го на 3-е января Гянджи, и ты, конечно, уже прочёл об этом в газетах нашего родного Петербурга. Тот день был одним из счастливейших в моей жизни, и меня самого поражает, что в течение этих четырёх месяцев я дважды пережил подобное счастье! Что это означает, неужто Создатель вознамерился превратить меня в счастливого человека?

Ни в какой другой стране не встретишь такого числа поэтов, как в Азербайджане. Спрашиваешь о каком-либо известном беке, помещике, аристократе, просто образованном человеке, выясняется, что он к тому же и поэт. Их известные в прошлом правители, полководцы одновременно были поэтами. Одним словом, Коленька, перо для них нечто родное и дорогое, но это не мешает азербайджанским ханам быть искусными интриганами, обнимаясь и целуясь, предавать друг друга. Эти мелкие сатрапы управляют своими ханствами, исходя не из интересов подданных, а своего трона, личного благосостояния.

Гянджинский Джавад-хан отличался от ханов этого типа. Он был из рода Каджаров и единственный старался сохранить свою независимость. Я неоднократно писал ему, предлагал принять российское подданство, сдаться, открыть ворота Гянджинской крепости, причём старался заверить, что ему будут сохранены титул и право на внутреннее управление, но всякий раз он посылал мне оскорбительные ответы. Погляди, что он мне писал: «Видимо, несчастная доля привела вас сюда из Петер-

бурга, здесь вы не избежите смертельного удара судьбы!»

Но судьба сама нанесла ему смертельный удар.

Гянджа была одним из самых важных и авторитетных ханств не только Азербайджана, но и всего Закавказья, и её усмирение было для нас важно не только стратегически, оно послужило уроком для всех – больших и малых закавказских правителей, они осознали, что с Российской империей шутки плохи, что ложью, хитростью, маневрами ничего не добиться. Такова воля Создателя: все они без всяких предварительных условий должны войти в состав России, и эта воля Создателя вечна и неизменна. А Джавад-хан выступил против воли Всевышнего, и я был вынужден штурмовать Гянджу. Джавад-хан, словно Дон Кихот, взявшись за оружие, стал сражаться против славной русской армии, он сам и его сын погибли в этой битве.

Я устал уговаривать его, в своём последнем обращении, в восточном стиле, даже написал: «Сколько времени орёл должен вести переговоры с муравьём?» Но должен признать, Николай, что Джавад-хан доказал, что он не муравей, а личность. Верно, чем меньше в этих краях подобных личностей, тем для нас выгодней, но он был достойным противником, и я сожалею о его вместе с сыном гибели. Я приказал, чтобы он был с почестью погребен во дворе пятничной мечети мусульман Елизаветполя, и я думаю, что это, лишний раз продемонстрировав благородство и милосердие России, оказало большое впечатление на аборигенов.

Жена Джавад-хана и его десятилетняя дочь попали к нам в руки. К тому же она оказалась сестрой шекинского Мухаммед Гасан-хана, тот попросил меня освободить и разрешить ей вместе с дочерью переехать к нему. Я дал согласие и на это, и их отправили в Шеки.

Николай, я бесконечно рад, что один из древнейших городов не только Азербайджана, но и всего Востока, центр древней культуры и науки, ныне носит имя её величества, что сейчас на карте мира нет города под названием Гянджа, есть город Елизаветполь, и это навечно. Кто через сто лет вспомнит название Гянджа? Никто, кроме историков. А Гянджинское ханство ликвидировано навсегда, превратилось в провинцию России – пусть и другие ханы увидят и задумаются, чем кончаются попытки противиться нам.

Но всё это в сравнении с нашими прежними мечтами видится такой малостью. Коленька, мой дорогой друг, помнишь, как мы, двое юных подпоручика – ты и я – в своих прекрасных грезах шагали по улицам Константинополя, освободив его от османских захватчиков? Мы – то есть русская армия! Предельно жаль, что и после стольких лет мы можем шагать по улицам Константинополя только в мечтах.

Ты знаешь, покойный генералиссимус¹ составил обстоятельный план разгрома Османской империи, и если бы план был претворён в жизнь, одно только это свершение прославило бы Россию на всю последующую историю человечества, так как народы, находящиеся под игом кровожадных и мерзких турок, обрели бы, наконец свободу. Ясно, что Османская империя – наш самый опасный соперник на Юге, и Александр Васильевич, да упокоит Бог его душу, во всех подробностях расписал, как следует вести войну с ними, но, к сожалению, наши чинуши не смогли по достоинству оценить этот план, и он не был претворен в жизнь.

Я все чаще размышляю об этом. Используя все возможности, восстановить на карте мира вместо Стамбула название Константинополь, ещё больше расширив пределы России, создать Восточно-Римскую империю. Это не мечта и не химера, а со-

¹ Имеется в виду А.В.Суворов.

вершенно реальное желание: Османы уже не те, что прежде, они значительно ослабли, и у меня нет сомнений, что XIX век – век конца их истории. Я уверен: подобно тому, как каждый человек имеет свою миссию в жизни, именно такая величественная миссия выпала на долю России.

Но мы подчас запаздываем, слово «подчас» я пишу ради утешения. Мы запятовали идеи графа Ростопчина¹: раздробить Турцию, присоединить к России Румынию, Болгарию и Молдавию, а Грецию обратить в самостоятельное государство под нашим протекторатом.

Кажется, меня заносит слишком далеко, но сегодня Бонапарт превратил всю Европу в кипящий котёл, и для России создалась благоприятная ситуация для претворения этих идей в жизнь, просто необходимы воля, смелость и доблесть, подобные воля и смелость присущи его величеству императору, а доблести русскому солдату не занимать. Но наши чиновники...

Когда ещё выпадет подобная возможность? Не знаю... Лишь бы образовалось... Лишь бы Создатель не лишил нас этого шанса. Я убеждён, что его величество снова призовет Ростопчина – этого государственного деятеля, любящего Россию и императора. Будущее нашей родины – в претворении в жизнь его идей. Время идёт, и только-только начавшийся век пролетит столь же стремительно, наступит XX век, и я, как всегда, денно и нощно молю Всевышнего, чтобы Россия – от Аляски до Константинополя – была предметом нашей гордости как самая большая, самая культурная, самая мощная страна в мире.

Но ясно и это – молитвы молитвами, однако надо делать и дело. Понимают ли наши чиновники, какое значение для нас имеет та же Аляска? Пять лет назад мы присоединили её к себе. Но что до сих пор мы предприняли там во имя России? Какие перспективы могут открыться перед нами, если эта территория наша только на бумаге? Думают ли они об этом?

Уроки истории учат нас, что самые неожиданные события происходят, когда их не ждёшь. Вот после шаха Надира, в Иране, в Закавказье, воцарился настоящий хаос, но мы не воспользовались этим, и скопец Ага Мухаммед Каджар-хан, благодаря уму, таланту и жестокости, смог подчинить себе весь Иран и Южный Азербайджан, создал государство Каджаров и произвёл себя в шахи.

Маршруты, ведущие через Босфор и Дарданеллы к тёплым морям, пролегают по границам Османов и Каджаров, и мы, чтобы с честью одолеть этот путь, должны разжигать огонь вражды этих явных и скрытых, но вечных соперников.

Но предпринимает ли мы что-то? Нет, мой дорогой друг, ничего не делаем. Стамбул, Тегеран, Исфаган кишмя кишат английскими, французскими, прусскими миссионерами. Их страны сегодня увлечены войной друг с другом, но Бог никому не дарует вечность, Бонапарт тоже не вечен, а что произойдёт, когда завтра Европа умиротворится? Наши некоторые, облачённые полномочиями чиновники не видят или не хотят видеть дальше своего носа, у них на это нет ни времени, ни желания, а часть их – в этом я не сомневаюсь – снюхавшись с нашими врагами, работают против России.

С географической точки зрения Закавказье – уникальное пространство, оно словно распахнутые перед Каджарами и Османами ворота, и, присоединив к России

¹ Ростопчин Ф.В. – российский государственный деятель, при императоре Павле министр иностранных дел, впоследствии назначенный Александром генерал-губернатором Москвы. Организатор знаменитых «московских пожаров» в 1812 году.

Северный Кавказ, мы не можем оставить на волю Аллаха Кавказ Южный. Его величество это прекрасно понимает, но, к сожалению, этого не скажешь о большинстве чиновников, протирающих штаны в Петербурге. Ты поразишься, узнав, с какими бюрократическими препонами я сталкиваюсь, стараясь обеспечить войска провиантом, снаряжением, оружием. Нельзя же по каждому поводу обращаться к его величеству, да это и не было бы правильно.

Кажется, с годами я становлюсь ворчлив, оттого это письмо по столь радостному событию оказалось столь длинным, бессвязным и полным жалоб.

Утешает одно, описывая всё это, я как бы выплескиваю душу, потому что хорошо знаю: всё это ты не сочтёшь неинтересным и бессмысленным – судьба отчизны для тебя прежде всего.

Николенька, дорогой друг, всякий раз, когда думаю о тебе, я переживаю душевные страдания, вражеский осколок уложил тебя в постель, одно утешает – осколок турецкого снаряда задел твой позвоночник, но славные воины России разгромили турок, и впереди их ждёт ещё больший разгром. И ещё, я хорошо знаю, что твоя верная и милая супруга – Ольга Михайловна, заслужившая уважение и любовь всех нас, твоих друзей, с самоотверженностью, присущей только нашим, русским женщинам, ухаживает за тобой, и чудо случится – ты обязательно встанешь на ноги.

Мои молитвы всегда с тобой.

Обнимаю тебя, жму руки.

Целую ручки Ольги Михайловны.

Твой Павел Цицианов.

25 апреля 1804 г.

Тифлис»

* * *

...Громыхали пушки, пехотинцы стреляли друг в друга, бросались врукопашную, кавалеристы рубили друг друга саблями, палашами.

Шла смертельная схватка между наседавшими друг на друга двумя армиями. Одни кричали: «За Родину!», другие: «Вперёд!.. Только вперёд!»

И там, в том видимом измерении было столько стран и велось столько сражений, чтоб захватить или защитить их, и в это время то самое видимое измерение словно от начала до конца являлось лишь ареной ожесточенных битв.

Всё, что ОН видел в том видимом измерении, невозможно было перекроить, во что-то вмешаться, потому что всё видимое ИМ было отражением абсолютной обречённости – ОН, наконец, понял это, и само подобное желание было чуждо ЕГО бесплотной и невесомой субстанции.

Бесплотность и невесомость ЕГО субстанции в том видимом измерении стояли лицом к лицу с безусловностью, абсолютностью событий, и по сути ЕГО бесплотная и невесомая субстанция не имела желаний во что-то вмешиваться, что-то изменить в том, что ОН видел.

А желание, охватившее ЕГО субстанцию, было уйти, улететь, но как ни старался, ОН не мог оторваться от событий прошлого, сегодняшнего и будущего того видимого измерения, словно то видимое измерение было не в силах отпустить ЕГО...

ЕГО бесплотная и невесомая субстанция желала улететь в какую-то далёкую от этого видимого измерения сферу, в какой-то чистейший свод, и в ЕГО бесплотной и

*невесомой субстанции не было никакого сомнения в предельной чистоте этого свода, ЕГО субстанция, состоящая только из чувств, говорила, что подобная сфера, свод имеются, ОН должен улететь и улетит в ту сферу, но уйти, улететь ОН не мог ...
И внезапно ОН увидел майора Лисаневича...*

15

Солнце ещё не взошло, но начавший алеть горизонт окрасил кучевые облака, и ночные стражи военного лагеря, позёывая, глядели на эти облака, алые кучевые облака словно окрасили в цвет крови только-только занимающееся зимнее утро.

Аббас Мирза лежал как всегда на спине, заложив руки под голову, и словно весть о наступающем рассвете легкой рябью произвольной волны скользнула по лицу Принца, может, именно в то мгновение этот молодой человек видел прекраснейший, столь далёкий от кроваво-трагических дел этого света сон. Всё ещё в полусне, улыбнувшись доброй улыбкой, он выпростал руки из-под головы, повернувшись к Дочери Рыжего Чабана, прижался щекой к плечу девушки, протянув, положил руку на её гладкую, крепкую, как речной камень, но тёплую грудь.

Весь шатёр был устан коврами Гаджи Мухтара, а ближе к выходу, в большой железной печи всю ночь горели поленья, ныне превратившиеся в угли, в шатре не было тепло, но после любовных услад Принца и Дочери Рыжего Чабана, затянувшихся почти до полуночи и совершенно лишивших их сил, они провалились в глубокий сон; усталость понемногу таяла в новой страсти, они оба, пиная ногами, скинули на пол шерстяную шаль, прижавшись друг к другу, лежали совершенно голые на просторном ложе – тахте, сработанной знаменитым столяром – мастером Мешади Сулейманом из Ардебиля, по особому заказу Евнуха Абдул Рахмана, человека неопределённого возраста, завезённого неизвестно из каких далёких краёв, оскотлённого ещё во времена Надир-шаха.

Уже почти месяц любвеобильный, чувственный Аббас Мирза, несмотря на войну за ханства Северного Азербайджана с прибывшими на Кавказ русскими войсками, несмотря на взаимные, нескончаемые столкновения, провокации и стычки, длящиеся подчас все двадцать четыре часа в сутки, проводил все ночи, забыв прежних наложниц и рабынь, с чувственной и любвеобильной, даже больше, чем он сам, Дочерью Рыжего Чабана.

Уже с четырнадцати-пятнадцати лет ставший любимчиком дворцовых красоток-наложниц, служанок, рабынь, а позже и собственного гарема, Аббас Мирза впервые встретил столь страстную, желанную девушку, и каждую ночь почти до утра не выпускал её из своих объятий. Служанки перед еженочными встречами Дочери Рыжего Чабана с Наследником готовили различные благовония, но в них не было нужды, тело девушки пахло совершенно незнакомым дворцам запахом степей, и в нём была такая далёкая от дьявольских игр этого мира чистота, что всякий раз, вдыхая в себя эти запахи, Аббас Мирза с ещё большей страстью и любовью прижимал к своей груди Дочь Рыжего Чабана, целовал её пухлые эфиопские губы, отвечающие ему той же страстью и любовью.

Как в ту первую ночь, когда Принц лишил её девственности, она с яростью дикой кошки царапалась и кусалась, пытаясь вырваться из его объятий, так и теперь Дочь Рыжего Чабана, с той же неистовостью дикой кошки, прижималась к груди Аббаса Мирзы. Каждый раз, когда Аббас Мирза, лаская её крепкие груди, сжимал меж

пальцев её ещё не потемневшие, оранжево-розовые, тотчас оживающие в ответ соски, Дочь Рыжего Чабана, ещё шире раскрыв свои серые глаза, с безумной страстью, которую она не пыталась скрыть, и с бесстыдством, на которое не могли осмелиться наложницы – обитательницы дворцовых гаремов, засовывала руку меж ног Принца, играясь его причинным местом, при этом так стонала, что этот стон, доносящийся из шатра, по-настоящему отзывался эхом в ночной тишине лагеря.

Сидя в небольшой келье напротив того шатра, уже в который раз перечитывая при свете свечи написанную на азербайджанском языке поэму Мухаммеда Физули «Лейли и Меджнун», часто отрывая глаза от переписанной стилем «насталиг» – одной из форм арабского письма – Сеидом Мир Багиром Шабрани рукописи, Евнух Абдул Рахман, не желая, чтобы окружавшая в три ряда шатёр стража слышала страстные стоны этой сучки, то громко откашливался, то, выходя из кельи, покрикивал:

– Эй, ребята! Ничего тревожного?..

Евнух Абдул Рахман, давно и хорошо усвоивший, что означает осторожность во дворце, совсем не опасался, что его крик разбудит спящих в шатре и тем самым вызовет гнев Принца, опыт многих лет явно подсказывал: эта сучка – Дочь Рыжего Чабана – за ночь вытворяла такое, что даже грохот русских мортир не мог разбудить Наследника.

По гладкому, будто вылепленному из кофейного цвета воска лицу скопца скользнула улыбка, и в его напоминающих кошачьи зелёно-жёлтых глазах мелькнул мгновенный блеск: ну и дура...очень уверена...надеется, так будет всегда...

Евнух Абдул Рахман пользовался при Фатали-шахе привилегиями почти на уровне визиря. Принц также был доволен этим его особым положением, и влияние скопца на властвующих отца и сына было не меньше его постоянного страха накликать на себя гнев правящих особ. Скопец являлся свидетелем, но никак ни участником дворцовых интриг и провокаций, и всё подмечающие его пронизательные глаза, и всё усекающие уши ревностно служили, в первую очередь, Фатали-шаху, во-вторых – Наследнику, и его хозяева всегда ценили это усердие.

Поэму «Лейли и Меджнун», которую читал скопец, переписал по личному указанию Ага Мухаммед-шаха Каджара, работая целый год, дворцовый каллиграф Сеид Мир Багир Шабрани, и эта прекрасная рукопись, украшенная миниатюрами известного художника Абдуллы Ширвани, принадлежала Дворцовой библиотеке в Тегеране. Дворцовая библиотека была знаменита рукописями не только на турецком, фарси и арабском языках, в ней содержались рукописи на латыни, греческом и китайском языках, а в последнее время, по указанию старшей жены Фатали-шаха – её величества Агабегим, для Дворцовой библиотеки также стали приобретать книги на английском, французском и русском языках. Абдул Рахман питал особое уважение и любовь к жестокому Ага Мухаммед-шаху Каджару, причина этого уважения и любви, вероятно, крылась и в схожести звёзд их судеб.¹ Евнух был одним из немногих придворных, что пользовался правом брать для чтения книги и, что особенно важно, рукописи из Дворцовой библиотеки. И всякий раз, беря в руки изящную рукопись «Лейли и Меджнуна» в разбитом Аббасом Мирзой военном лагере на равнине Харамии, он молил об упокоении не Мухаммеда Физули, не Сеида Мир Багира Шабрани, или миниатюриста Абдуллы Ширвани, а Ага Мухаммед-шаха Каджара.

Стоящие на посту сарбазы – солдаты, особенно те, что располагались в ближ-

¹ Ага Мухаммед-шах Каджар ещё в детстве был оскоплен.

нем к шатру кольце – несмотря на все ухищрения Евнуха Абдул Рахмана, слышали стоны изнемогающей от страсти той Дочери Рыжего Чабана. Даже шум, доносящийся со стороны бурно текущей по дну ущелья реки Гиласлы, и дружное кваканье лягушек чуть поодаль от шатра не могли заглушить стоны той сучки, но эти стоны не особо занимали сарбазов, месяцами не знавших женщин, ибо все хорошо знали: каждую минуту внезапно могли появиться, воспользовавшись темнью ещё не ушедшей ночи, русские солдаты. Конечно, стража, как и все сарбазы, уже слышала о покушении на жестокого русского Наместника людьми Гусейнгулу-хана, но с русскими солдатами шутки плохи, наоборот, убийство Наместника может ещё больше подстегнуть их гнев. И не только русские, а также наемные убийцы османов, азербайджанских ханов, грузинской знати, слоняющиеся здесь под разными личинами и предложениями шпионы европейских стран заставляли охрану Принца быть предельно бдительной. На этой стороне Аракса чёрт ногу сломит, после убийства Ага Мухаммед-шаха Каджара личная охрана Фатали-шаха и Принца проходила особую проверку, она должна была быть начеку день и ночь.

Аббас Мирза был черноглаз, белокож, где-то даже женственен, но когда брался за дела, исчезал даже намёк на теплоту или страсть – будто в его нежном теле обитал ледянящий холод, а порой почти змеиный взгляд его глаз заставлял вздрагивать приближённых, даже такого кровопийцу – одного из военачальников, коменданта лагеря по прозвищу Гурд Керим, то есть Волк Керим. Фатали-шах объявил своим наследником не старшего Мамедали – сына от наложницы грузинки, а второго – Аббаса Мирзу, чьей матерью была дочь хана Девали – его тоже звали Фатали – Асябегим, причина не только в чистоте происхождения, желании сохранить истинно тюркское начало династии, причиной судьбоносного решения был тот ледянящий холод в глазах Принца, от которого при случае окружающих бросало в дрожь.

Рассветало, и понемногу затихало кваканье лягушек, доносящееся со стороны реки Гиласлы.

Видимо, Аббас Мирза непроизвольно почувствовал под рукой страсть, заставившую налиться грудь Дочери Рыжего Чабана, и от воздействия этого или чего-то увиденного во сне, сжал её грудь, а Дочь Рыжего Чобана, приняв это за прекрасный зов, повернулась лицом к Аббасу Мирзе, застонала, прижавшись грудями, пупком, животом к его волосатой груди, переплела ляжками его ноги. Аббас Мирза ясно почувствовал жар упругого, скользкого, как рыба, тела Дочери Рыжего Чобана, и его молодое и здоровое тело тоже встрепенулось, ожило.

И в этот ранний утренний час, когда огромный красный диск солнца ещё не поднялся на небосклон, внезапно в шатёр в волнении вошёл Евнух Абдул Рахман, быстрыми шагами подошёл к ложу, и, хотя ковры заглушали его шаги, Аббас Мирза, всё ещё не открывая глаз, почувствовав какое-то движение, машинально сунул руку под подушку, чтобы достать подаренный ему прибывшим из Англии майором Смитом пистолет, но, открыв глаза, увидел скопца, понял, что ничего опасного нет, лишь произошло какое-то чрезвычайное событие, получена какая-то срочная весть.

Разумеется, верность – категория относительная, но как бы там ни было, во всяком случае, скопец – человек, верный династии, и Аббас Мирза знал, что Евнух Абдул Рахман – глаза и уши Фатали-шаха: он приглядывал за Принцем, поэтому часто перебирался на этот берег Аракса, чтобы обслуживать Принца и одновременно, посредством тайных агентов, переправлять шаху необходимые по его мнению сведения. Фатали-шах любил Аббаса Мирзу истинно отцовской любовью, нисколько не сомне-

вался, что и сын любит, питает к нему те же чувства, гордился им, с ним он не тревожился за будущее династии, но Фатали-шах знал и то, что притягательность, магнетизм власти не ниже самой высокой любви и почитания. Эпохи и династии сменяют друг друга, но остаётся неизменной главная особенность дворцов – склонившись в подобострастном поклоне, всяк божится, клянётся, что готов отдать жизнь ради правителя, однако Фатали-шах отлично знал, что во дворце, вне зависимости от близости или отдалённости отношений, не сыщешь альтруистов, готовых всерьёз отдать жизнь ради монарха – так было всегда, так будет и в будущем, но и Аббас Мирза тоже хорошо знал, что не только дворцовые стены Тегерана, но и купола походных шатров имеют свои уши.

Отстранив от себя Дочь Рыжего Чабана, Принц приподнялся, присел на край тахты и, протирая глаза, с явным недовольством и тревогой спросил:

– Что случилось?

Дочь Рыжего Чабана тоже окончательно проснулась, совершенно не стесняясь скопца, даже не пытаясь хотя бы прикрыть срамные места, лежала совершенно обнажённая на тахте, с явной ненавистью устремив взгляд своих серых глаз на встревоженное лицо Евнуха Абдул Рахмана, взорвавшего прекрасную ауру шатра. Лицо и шея Дочери Рыжего Чабана, что провела в горах и в степях всю предыдущую, допринцевскую жизнь, потемнели под солнцем, и этот загар делал совершенно белое оголённое тело девушки ещё более желанным, – оранжево-розовые соски её грудей торчали под золотистыми, рассыпанными на груди волосами. Зимой и летом, подрастая, проводя дни на склонах гор, в степях и на равнинах, она носила только материнские обноски, теперь же, когда судьба свела её с Аббасом Мирзой, она наслаждалась своей наготой, и в этой наготе считала себя самым свободным и независимым существом на свете.

Евнух Абдул Рахман, прежде чем сообщить Принцу только что полученную важную весть, бросил про себя в адрес Дочери Рыжего Чабана: «стерва!..», выругался не приличествующим его возрасту и положению площадным матом, затем наклонившись, что-то прошептал на ухо Наследнику.

Большие, чёрные глаза Аббаса Мирзы внезапно округлились, поражённый, он воскликнул:

– Что?!

Евнух Абдул Рахман, снова наклонившись, видимо, повторил на ухо Наследнику сказанное, Аббас Мирза поспешно поднялся, накинул на плечи зелёный халат, шитый из шекинского шёлка мастером Шукюром Гарабаги. Именно в эти минуты Дочь Рыжего Чабана охватило какое-то неприятное ощущение, неопределённое беспокойство, и оно, это беспокойство, было связано не только с тем, что прошептал на ухо Наследнику этот ворвавшийся в шатёр негодяй, и не с тем, как округлились глаза встревоженного Аббаса Мирзы, но куда больше с ней самой – её жизнью, судьбой.

– Уходишь? – взволнованно спросила Дочь Рыжего Чабана, и в тревоге, заключённой в этом вопросе, было и другое: мне снова ждать тебя, будут ли у нас ещё ночи, принадлежащие только нам двоим?

То, как внезапно в шатёр ворвался этот каналья с зелёно-жёлтыми кошачьими глазами и мясистым телом, не сулило ей ничего хорошего.

Аббас Мирза глянул на лежащую на тахте совершенно обнажённую Дочь Рыжего Чабана, на мгновение вспомнил тот день, когда впервые увидев, обменял её на пятёрку чистокровных рысаков...

...Месяц назад Аббас Мирза, в очередной раз встретившись в Тегеране с Фатали-шахом и обсудив ведение кампании, в сопровождении сторожевого отряда перребрался через Аракс, погоняя своего, с пятном на лбу, гнедого к военному лагерю, как вдруг им преградило дорогу большое стадо овец. Два чабана – один впереди, второй – замыкая, поняв по виду всадников, что это не простые люди, войдя в центр отары, с криками: «О-гей! О-гей!» стали разгонять овец, открывая проход.

И в это время один из чабанов приблизился к гнедому, по тембру голоса и походке Аббас Мирза понял, что перед ним девушка, наклонившись к шее гнедого, золотым концом своего украшенного дорогими камнями кнута он сбил с неё косматую барашковую папаху. Отливающие на солнце золотом её пшеничного цвета волосы рассыпались по плечам, она уставилась своими большими серыми глазами в глаза Аббаса Мирзы. В её взгляде не было и намёка на растерянность, гнев или ненависть, был откровенный призыв, вызов, и Принц в тот же миг понял, что эта красивая девушка – сгусток огня.

Подошёл и второй чабан, этот рыжебородый мужчина, тоже в мохнатой барашковой папаше, прежде всего взглянул на сверкающую под лучами солнца рукоятку кнута, затем округлившимися от блеска драгоценных камней и страха глазами глянул на всадника.

– Твоя дочь? – спросил Наследник.

– Да, – ответил Рыжий Чабан.

– Отдашь её мне?

– А кто ты?

– Аббас Мирза. Слышал?

– Как не слышать?! – ответил чабан и, скривив глаза, оценивающе посмотрел на молодого принца.

Лёгкая улыбка тронула губы Аббаса Мирзы, он снова спросил:

– Отдаёшь?

Рыжий Чабан, всё также оценивающе глядя снизу вверх на седока, сказал:

– А у меня есть другой выход?

– Нет! – отрезал Аббас Мирза. – Другого выхода у тебя нет!

Рыжий чабан, сдвинув рукой папаху на глаза, почёсывая затылок, спросил:

– А что взамен мне дашь ты?

– Чего хочешь?

Рыжий Чабан толкнул рукой папаху обратно на затылок, указал пальцем на гнедого с белым пятном на лбу:

– Пятёрку таких рысаков...

... И в тот рассветный час, когда Евнух Абдул Рахман внезапно ворвался в этот наряженный коврами, шёлком и кумачом прекрасный шатёр, Дочь Рыжего Чабана с той же тревогой в голосе повторила:

– Уходишь?

Аббас Мирза перевёл взгляд с лежащей на тахте совершенно обнажённой Дочери Рыжего Чабана на Евнуха Абдул Рахмана, и снова обострённое за многие годы жизни во дворце чувство подсказало скопцу: то, что он прошептал на ухо Принцу, вырвало его из дрящегося уже который день любовного угара с этой бесстыжей сучкой. Словно и наследный принц прочёл то, что пронеслось в голове скопца, и он легко кивнул головой в знак согласия.

Евнух Абдул Рахман поднял лежащий в углу шатра на табуретке длиннополый тулуп, накинул его на плечи Аббаса Мирзы, и Принц, не сказав ни слова Дочери Рыжего Чабана, стремительно покинул шатёр.

Ненавистный скопец улыбнулся, глянув на Дочь Рыжего Чабана, та непроизвольно прикрыла руками грудь и срамные места.

Евнух Абдул Рахман вслед за Аббасом Мирзой торопливо выбрался из шатра наружу.

* * *

...Сколько времени прошло в том видимом измерении? – это не имело никакого значения.

ОН знал, что, держа над головой саблю, стараясь перекричать раздающуюся канонаду пушек, призывает своих солдат: «Вперёд к победе, вперёд!..» юный капитан Мишель, тот самый Мишель, которого ОН никогда не видел, но сразу узнал – Мишель де Лафонжен.

И ещё ОН уже знал, что Мишель – Мишель де Лафонжен – Мишель Цицианов – офицер наполеоновской армии, предпринявшей нашествие на Россию. Идёт сражение вблизи того села¹, рядом с Москвой-рекой, между французскими и русскими армиями, и юный французский офицер, маркиз Мишель де Лафонжен – Мишель Цицианов вдохновляет своих бойцов на бой с российской армией.

И первого попавшего ему навстречу русского солдата сразил саблей он, Мишель де Лафонжен – Мишель Цицианов...

...И в ЕГО бесплотной и невесомой субстанции впервые возникло чувство, способное замутив эту бесплотность: что это было? боль, горечь, огорчение, гнев?

Но ЕГО бесплотная и невесомая субстанция изгнала, свела на нет это чувство, которое никак не вязалось с этим высоким моментом...

* * *

...Нет, это уже не Москва-река, это река Салге, и бежавший вдоль берега реки, подняв над головой саблю, крича: «Вперёд!... Во славу императрицы!.. Уничтожим поганых турок!..», вел за собой солдат на Измаил не Мишель де Лафонжен, а ОН – молодой полковник Цицианов.

Россия сражалась с османами за Измаил, вот они нанесли поражение Гасанпаше, сорвали в Измаиле с флагштока флаг Османской империи, а тот, кто воздвиг на флагшток уже знамя Российской империи, был ОН – молодой полковник Цицианов...

16

Капитан Фёдор Митрофанович Сухарев вошёл в свою походную палатку, зло швырнул фуражку на койку, грузин-туземец посмел оскорбить русского воина – ветерана русской армии с тридцатилетним послужным списком, истинного – кровью и плотью хозяина русской земли, и русскому по рождению Сухареву не дано право ответить этому кавказскому выродку, но виноват не выродок – кавказец, а те, кто назначили его главнокомандующим русской армией.

¹ Имеется в виду село Бородино.

Армия уже перешла на зимнюю форму одежды, и Фёдор Митрофанович, всё так же не умея совладать со своим гневом, скинул с себя шинель и, не снимая грязных сапог, лёг на койку. Железные пружины походной койки заскрипели под тяжестью, и этот скрип словно был стоном гнева, пронзившего всего его вплоть до мозга костей.

«Свинья!»

Этот безродный туземец обзывает его «свиньёй», а его адъютант – фон...фон...Тьфу! Русскому человеку эту фамилию и не упомянуть!

Конечно, в глазах главнокомандующего русский солдат мог быть только свиньёй!

Если он, капитан Сухарев, не был бы свиньёй, этот выродок – туземец, никогда не стал бы главнокомандующим. И ещё его адъютант – этот «фон!..»

Сухарев уже тридцать лет воевал на различных фронтах, на самых передовых позициях с турками, шведами, с кем только не приходилось за эти годы сражаться во славу России? – теперь бился с кавказскими туземцами, и за эти три десятка лет дослужился лишь до капитана, ведь он не был из тех «фонов», что правили в России, не был ни бароном, ни маркизом, ни князем, чьи родословные упирались одним концом едва ли не в Чингиз-хана или в евреев, не был и белоручкой, дворянским баблом, витавшим в облаках, он был сыном простого русского кузнеца.

Сухарев гордился этим, гордился, что у него чистая русская кровь, она ни с кем не смешана, не разбавлена, ну и что с того? – кому сегодня нужна чистая русская кровь, кому необходим российский дух?

Если ты не «фон», если твоя родословная не тянется в Европу, если ты хотя бы не крещёный татарин, а чистокровный русак, славянин, в таком случае, кому ты нужен в этой стране? – никому! Россия не может быть матерью своих детей, у России отнято право ценить собственных детей. Лефевр, возвысившийся от рядового солдата до маршала – сын мельника, отец Ожерона был слугой, поэтому Наполеон способен сегодня заливать кровью всю Европу.

Сухарев не был тем, кто зовется солдафоном, лишённый в детстве и юности возможности получить образование, грамоте выучился сам, уже в армии – с тех пор чтение газет, журналов, книг превратилось у него в такой же смысл жизни, как пуля и штык. Он сознавал, что Европа развита, она оставила Россию позади в науке, культуре, в вооружении, даже в мореплавании. Но Сухарев был совершенно убеждён, что Создатель одарил русский народ такими человеческими ценностями, которые Европе и не снились. Ждать наличия русского духа от человека, что не слышал бабушкиных сказок, не наслаждался частушками, не спал на русской печи – не приходится.

Видя, как на Кавказе – в этом диком краю – гибнут от туземных пуль, туземных сабель храбрые русские юноши, в чьих венах струилась русская кровь, Сухареву хотелось с болью в сердце крикнуть: глядите, найдёте ли вы среди тех, кто убит, хоть одного сынка барона, или избалованного отпрыска «фонов»? Нет! Погибать должен простой русский, а отдавать приказы – всё те же бароны, графы, «фоны», даже порой кто-то из тех же туземцев!

Сухарев заёрзал на койке, походная койка вновь заскрипела под тяжестью этого человека, словно подтверждая скрипом мысли капитана.

Русские князья, графы – многие из них, как и Цицианов, не являются чистокровными русскими – где ваши наследники, почему их нет среди тех юношей, что отдают жизни в этом диком краю во славу матушки России? В то время, когда молодые

русские солдаты гибнут здесь во славу России, ваши отпрыски танцуют в аристократических салонах Петербурга и Москвы с такими же, называющими себя русскими, но считающими зазорным говорить по-русски, барышнями. Знаете отчего? Потому что до России вам никакого дела нет. Потому что приглашённые, специально выписанные из Европы гувернантки и гувернёры – немцы или французы – нет разницы, воспитали в вас людей, чуждых России. Потому что вы не слышали колыбельных великой русской матери. Потому что знаете: вне зависимости, достойны или нет, вас ждут высокие чины и награды, но с этими чинами и наградами вы не принесёте матушке-России пользы даже на копейку, потому что вас это не волнует.

Екатерина II в одночасье произвела своего очередного фаворита, двадцатидвухлетнего прапорщика Платона Зубова, в генерал-фельдтцехмейстеры. Такие звания учреждают, что русскому человеку и не выговорить, назначила его командующим всей русской артиллерией. Платон стал флигель-адъютантом, потому что проявлял особые доблести в покоях императрицы, видимо, пушечные ядра в постели точно попадали в цель.

Она же назначила брата Платона – двадцатипятилетнего Валериана – командующим армией, отправленной на Кавказ, и этот мальчишка должен был бодаться с таким львом, кровопийцей, как Ага Мухаммед-шах Каджар...

Сухарев и тогда служил в кавказской армии, и своим пронзительным крестьянским умом сознавал, что Европа только тогда признает Россию, даже примирится с ней, если она превратится в страну-гегемон, а это станет возможным, как только она пробьётся к тёплым морям, к Индийскому океану, и капитан Сухарев знал, что в этом случае южно-кавказская кампания станет важным этапом, затем необходимо одолеть вечно находящийся в смуте и анархии Иран, позже – Стамбул, проливы.

По мысли Сухарева, взятие Стамбула – христианский долг русского народа перед Всевышним, необходимо вернуть православный крест в Собор Святой Софии, и когда Сухарев думал об этом, волна протеста обжигала всё его существо: что можно совершить с этими фаворитами, кноррингами, вползшими, словно глисты, в тело матушки-России, стоящими на страже интересов, нет, не России, а личного процветания, этими властолюбцами, карьеристами – немцами, татарами, тайными или явными евреями, даже – вот оно! – с расплодившимися кавказскими туземцами. Как произвести Михаилу Илларионовичу¹, да и просто русскому человеку имена всех этих барклаев, беннигсенов, витценгеров² ...тьфу! Что можно совершить в окружении витценгеров? И сколько их – десяток, другой? Пётр заставил бояр отстричь бороды, и чем это отозвалось? Не имеющие родины, не знающие, что такое мать-земля, эти люди, хлынув из Европы, расползлись, словно клопы, по телу матушки-России, многие из них, ни на что не годные в собственных странах, направились в Россию, с её открытой душой, и здесь сделали карьеру. Наследники обедневших европейских дворянских семей – графов, баронов, маркизов, прикрываясь высокими титулами, стали уважаемыми людьми, даже предметом зависти, русские мужики водят их кареты, чистят им сапоги, колют дрова для их каминов, русские женщины стирают и гладят им нижнее бельё, производят от них незаконнорожденных детей. В Европе, пожалуй, не осталось безбожников, развратных авантюристов, все они хлынули в Россию.

И капитан Сухарев с болью в сердце думал, что вскоре России не станет места

¹ Имеется в виду генерал-фельдмаршал М.И.Кутузов.

² Имеются в виду Барклай де Толли – русский военачальник немецко-голландского происхождения; генерал кавалерии немецкого происхождения Л.Л.Бенningсен; генерал кавалерии немецкого происхождения Г.Г.Витцингероде.

и в самой России. Пётр слепо подражал Европе, разрушил все русские обычаи и традиции, а сам, женившись на прибалтийской шлюхе без роду и племени, чья национальность даже неведома, сделал её императрицей России¹. Может ли иноземец, к примеру, немец, татарин или русский, стать королём Англии? Да ему сунут в жопу кол, потому что англичане, французы, немцы не такие дураки, не простаки, как мы, у них даже любовь к кресту ниже любви к самому себе.

Всё это проносилось в мыслях простого русского солдата, чья душа была полна боли и горечи, и капитан Сухарев в сердцах казнил себя за то, что порой клянёт, ругает собственный народ, но эта ругань, по сути, была выражением бесконечной любви к тому самому народу, бескорыстной любви, впитавшейся вместе с кровью, жаростно пульсирующей в его венах.

Даже и сейчас в народе бытует версия, что когда молодой Пётр в составе «Великого посольства» в качестве простого русского отправился в Европу, его там подменили, тот, кто вернулся через два года, не был настоящим Петром. Конечно, капитан Сухарев не верил подобным измышлениям, хотя от Европы можно ожидать чего угодно, но дело в том, что Пётр хотел насильно вытравить из России истинно русский дух, поэтому в среде простых людей и рождались подобные легенды.

Павел терпеть не мог собственную мать, делал всё наперекор тому, что делала она, поэтому, оказавшись на троне, первым делом отозвал войска с Кавказа.

Капитан Сухарев был совершенно убеждён, что десять лет тому назад, когда Павел отозвал армию, Кавказ стал жертвой семейных дряг в императорском дворце, Сухарев и тогда, и сейчас страдал от мысли: как можно столь бездумно относиться к судьбам государства, чтоб в одночасье отказаться от такого благословенного края, богатой земли, каким является Южный Кавказ, и в подобной благоприятной ситуации из-за семейных интриг выпустить его из рук матери-России?

Не будь такого, если б в то время не была отозвана армия, не осталось бы и следа от дьявольских происков грузинских царей и князьков, от каналов – азербайджанских ханов, и этот край уже давно превратился бы в губернию матери-России, а жизнь стольких русских юношей была бы для России сохранена.

Сегодня России необходим новый Иван Грозный – русский кровью и душой, капитан Сухарев решительно придерживался мысли, что пока российский престол не займёт подобный человек, то есть русский по происхождению, в чьих жилах нет ни капли замаранной крови, такие чужаки, как Цицианов, будут продолжать называть русского солдата «свиньёй», русский воин-ветеран будет унижен, а фон грен...грэнд...грэндфальды станут наслаждаться, улыбаясь из-под щеточки усов.

Емельян Пугачёв, ясное дело, не был Петром Третьим, но являлся истинно православным, настоящим донским казаком, русским мужиком, проявил храбрость в войне с турками, его ошибкой было то, что он собрал вокруг себя татар, башкир, калмыков, мордву, чувашей, и ещё Бог знает, какую шваль, Пугачёва облепили те самые негодяи, кто мучил, обижал простой народ. Емельян Иванович должен был создать армию лишь из русских православных патриотов, пригласить профессиональных русских военных, офицеров, расправляться только с разжиревшими дворянами, самодовольными чиновниками-взяточниками, с различными «фонами», расползшимися по телу русского народа. Емельян Пугачёв не имел образования, да и где ему – простому донскому казаку – было получить образование? – он и имени своего начеркать не мог, но вот его отпрыск был бы чистым и образованным русским, и кровь в его

¹ Имеется в виду императрица Екатерина I.

венах подвигла бы служению России, но много ли осталось в крови Романовых от покойного Михаила Фёдоровича? – ничегошеньки.

Капитан Сухарев в сотый раз повторял про себя: Россия только тогда станет истинной Россией, когда ею будет править русский дух, на русском троне станет сидеть истинно русский, пусть и он будет таким же образованным, как Александр, чтобы мог разбираться в хитросплетениях, в дьявольских играх этой жизни, пусть будет суров, жесток, но будет русским не только по имени, но и чистотой крови.

Павел вроде бы хотел служить простому русскому народу, но называл именем своей любовницы¹ русские корабли, вписывал её имя в гвардейские стяги. Те самые дворяне – продажные князья, графы, бароны, готовые целовать ноги Павлу, сговорившись, прежде избив, придушили его, в своих кулуарных беседах они называли его «русским Гамлетом», а тот же Наполеон – «русским Дон Кихотом», но Павел просто был человеком, совершенно далёким от русскости, чья национальность была неизвестна.

На российском троне должен воссесть не Гамлет, не Дон Кихот, в мечтах Сухарев представлял его кем-то вроде Бонапарта, но только российского происхождения.

Мать Павла, да, она была известна – ненависть и враждебность заставили капитана Сухарева запомнить её длинное имя – Ангальт София Августа Фредерика², а кто отец? Претендентов на отцовство достаточно, этого, кроме Создателя, точно никто не знал, чаще называли Салтыкова³ – Сухарев улыбнулся: добро, если так, как никак, Иван Петрович – русский, смелый человек, но какое теперь это имеет значение? И Екатерина, и её сын уже ушли в иной мир, а страдает, мучается Россия, оскорбляют русского человека, и «свиньёй» обзывают русского солдата.

Все знают, что авантюрист Платон – тот самый фаворит Екатерины – забавляется артиллерийской стрельбой уже в постели Елизаветы Алексеевны – супруги Александра.

Тут капитан Сухарев озлился на самого себя – ты это видел собственными глазами? Держал свечку? Откуда знаешь, что это так? Народ, он напридумает всякое – хотя дыма без огня не бывает, ладно, тебе-то какое дело? Проходимец Платон наслаждается с немецкой девушкой, ты-то чего сердишься? Ведь вопрос не в этом...

Сухарев на сей раз прошептал сам себе эти последние слова:

– Ведь вопрос не в этом...

Да, вопрос был не в этом, вопрос в том, что Россию-матушку возглавляют такие люди – носители подобной нравственности, вот он, результат «европеизации» Петра. Убили деда Александра – Петра III, задушили его отца – Павла, но это было трагедией не одной династии Романовых, а всей России: во-первых, почему эти люди, у которых ни капли русской крови, чуждые русскому духу, должны править Россией? Во-вторых, не для того ли они и довели страну до такого состояния, чтоб стало проще простого устраивать заговоры, казнить государей, а потом официально утверждать результат? В какую эпоху мы живём? Снова возвращаемся во времена Смуты? Уже наступил девятнадцатый век! Неужели мать-Россия – какая-то дикая восточная страна, где сын участвует в заговоре против отца⁴, а затем занимает его престол? Капитану Сухареву вспомнился когда-то давно прочитанный «Гамлет»: неужели трагедия Гам-

¹ Фавориткой Павла была Анна Лопухина, в переводе с древнееврейского это имя означало «благодать»

² Настоящее имя немки по происхождению Екатерины II..

³ Салтыков И.П. – русский военачальник, генерал-фельдмаршал.

⁴ Существует версия, что Александр I знал о готовящемся покушении на своего отца – Павла I.

лета, выйдя из Европы, приходит в Россию?

А теперь Александр вознамерился освободить Европу от Бонапарта...

Несчастливая Россия!..

Европейские страны ведут борьбу друг с другом, но все они против России, каждая из них, как государство, хочет укрепиться, стать мощнее, при этом постоянно пытаются ослабить Россию, отрезать её от путей, ведущих в такие плодородные и богатые земли, как Индия, использовать Россию в своих интересах. Европа – хищная, как британский лев, пронырливая, как французская лиса, каждую минуту, подобно Иуде, готова к предательству, а русский медведь, находясь под пятой чужаков, не найдя добычи, питается травой.

Александр должен освобождать не Европу – пусть они там изводят, изничтожают друг друга – а Россию. Он должен освободить Россию от семейственности, кумовства, чванливых дворян, чиновников-взяточников, от унижения мужиков помещиками, крестьян от рабства, а матушку-Россию – от баронов, маркизов, графов-распутников. Но Александр может совершить это только в грезах, причём не в своих, а в наших.

Пусть и в России произойдет такая же, как во Франции, революция, не беда, пусть прольётся кровь, лишь бы на арену в России тоже вышел наш, свой Бонапарт, только чтоб не был неграмотным и невежественным, как Емелька Пугачёв, считал бы сбережение России не только долгом, но и выражением бесконечной любви к России, чтоб Россия была для него матерью не на словах, чтоб рос он на русских колыбельных, чтоб русские частушки, сказки, песни – были для него роднее родных, будучи вдалеке, тосковал по этим песням, а родным языком в его семье был русский.

Угодливый Цицианов переименовал Гянджу в Елизаветполь, но, по всему, стоило назвать этот город Луизамарияавгустаполь¹.

Капитан Сухарев знал, что после гибели Джавад-хана, решившего потягаться с Россией, и взятия Гянджи император учредил медаль «За труд и доблесть при взятии Гянджи». Эти медали из настоящего серебра давно присланы главнокомандующему, чтобы вручить их владельцам – русским солдатам, но до сих пор об этих наградах ни слуху, ни духу, видимо, Цицианову приглянулось серебро...

Капитан Сухарев снова улыбнулся: кавказцы не только конокрады...

Капитан Сухарев был русским солдатом – старослужащим, а русский солдат всегда резал правду-матку, да, верно, Цицианов способен нести груз главнокомандующего на этом диком Кавказе, в этом вероломном и двуличном Закавказье, он не пуглив, не труслив, едва прибыв на Кавказ, резко сменил тактику Кнорринга – уважительное, предупредительное отношение к туземным царькам Грузии, ханам Азербайджана, переговоры с ними, как с равными, умасливание их различными подарками, а перешёл в наступление, обуздал Грузию, указал на место Джаро-Белоканскому джамаату, прежде заливавшему кровью Грузию и соседние ханства, так что теперь они даже дышать не смеют, от страха их мошонка упёрлась в живот, благодаря воинской силе, жёсткому характеру стёр с лица земли Гянджинское ханство, фактически присоединил к России Карабах, Шеки, Ширван, не сегодня-завтра захватит и Бакинское ханство – Сухарев нисколько в этом не сомневался – да, всё это так, но если завтра всё пойдёт вспять, а объединённая Грузия объявит себя независимым царством, этот самый Цицианов – русский генерал – с радостью займёт грузинский

¹ Супруга Александра I – Елизавета Алексеевна была по национальности немкой. Настоящее имя этой Гессен-Дармштадской принцессы – Луиза Мария Августа. Выйдя замуж, приняла православие.

престол, не только не станет горевать о распавшейся России, а если понадобится, войдя в союз с европейцами, повернёт оружие против русских.

Говорят, в кругу близких к себе различных «фонов», людей, чьё происхождение, родословная неизвестны, Цицианов иногда любит рассказывать анекдот: в одной деревне некая крестьянка после долгих родов произвела на свет сразу семилетнего мальчика, и первыми словами новорожденного были: «Дай мне водку!» Говорят, рассказывая этот анекдот, Цицианов так заходился в смехе, что у него почти прерывалось дыхание.

Вот тебе и русский генерал! Главнокомандующий русской армии!

Русского солдата можно отдать под военный трибунал, можно расстрелять, но оскорблять нельзя, настоящий русский генерал никогда не станет обижать русского солдата, необходимо наказать – накажет, причём сурово, но никогда не оскорбит, не унизит.

Если какой-то генерал столь хладнокровно оскорбляет русского офицера, унижает его, называя «свиньёй», то в этом генерале нет русского начала, от него можно ждать всё, что угодно.

Ты знаешь, что стоит за бесстрашием и принципиальностью Цицианова? С одной стороны, верно, он безжалостен к туземцам, с другой – тонко продуманными ходами поднимает свой авторитет в их глазах. Жена и дочь этого разбойника Джавад-хана оказались у нас в руках, но ради укрепления авторитета, нет, не государства – а собственного, освободил ханшу и её дочь, отправил их в карете в Шеки, к брату. Джавад-хан поднял руку на Россию, проливал кровь русских солдат, русских офицеров, а по какому праву ты, Цицианов, генерал русской армии, главнокомандующий, хоронишь, как героя, этого негодяя во дворе их же мечети? Потому что ты душой и телом не русский, истинно русский генерал изрубил бы его на куски, пролившего столько крови русских солдат, превратил бы в корм для птиц и зверей и только после этого успокоился, а дух храбрых русских солдат был бы отмщён.

Истинно русский генерал лично бы расстрелял, повесил перед штабом туземца, проникшего в лагерь, осмелившегося увести коня русского офицера, но никогда не унизил бы его достоинство, не оскорбил в глазах семьи, земляков, не обратил в такого врага, что его многочисленные сыновья, братья, даже дочери стали бы ждать удобного случая, чтобы вонзить нам в грудь кинжал.

Ещё во времена Кнорринга в Грузии стала распространяться чума, едва прибыв, Цицианов поднял на ноги всех, нагнал из Петербурга, Москвы, Европы врачей, смог остановить эпидемию – хорошо, это-то понять можно, чума могла перекинуться и на войска, но вот дороги в России в таком бедственном состоянии – хуже некуда – колёса повозок, доставляющих армии провиант, ломаются, не проехав и ста вёрст, но здесь, в своем родительском краю, Цицианов стал ремонтировать дороги, проложил дорогу от Сурамской крепости до Кутаиса, учредил в Тифлисе гимназию, вроде делал всё ради повышения авторитета России и императора, а на деле, это его кровь не даёт ему покоя, сколько бы ни жил в России, сколько бы ни ел русский хлеб, ни бил себя в грудь, я – русский генерал! – это не в счёт – ему чужд русский дух, потому что в его венах течёт туземная кровь, и это закон природы.

Устав от этих мыслей, Сухарев махнул рукой, прошептал:

– А что ты можешь поделать?..

И когда он махнул рукой, пружины его походной койки вновь слегка заскрипели, и Сухарев подумал, что большая часть его жизни – жизни русского солдата –

проходит на такой вот походной койке.

А тот конокрад был азербайджанцем, и еще не зрелый, наивный поручик Глушков, впавший в экстаз от одной мысли, что главнокомандующий отдал приказ ему непосредственно, раздобыл где-то плешивого осла, заставил раздеть этого азербайджанца ниже пояса, в таком виде привязать его на спину животного, пнув, отогнал осла от штаба, побежал лично докладывать главнокомандующему исполнение приказа: подобная честь – общаться с высоким начальством – даётся не каждому поручику.

Следовало возвести перед штабом виселицу и вздёрнуть на ней азербайджанца, но подвергать его подобному позору – было не к лицу русскому генералу.

Капитан Сухарев поднялся, сел на край койки и железные пружины койки вновь жалостно заскрипели.

* * *

...Внезапно показавшиеся Кавказские горы словно ветром прошли по ЕГО памяти, породили какое-то буйство, и ЕГО бесплотная и невесомая субстанция даже будто вздрогнула от этого буйства...

Но всё это произошло совершенно мгновенно, и так же мгновенно исчезло, ушло.

Пролетели годы, но в горах Кавказа всё еще шла война, и поседевший капитан Сухарев и юный солдат, стараясь защититься от града пуль, укрылись за большим осколком разбитой скалы, внезапно тот юный солдат выскочил из укрытия, выпрямившись во весь рост, стреляя, перезаряжая на ходу ружье, кричал: «Получайте! Получайте! Я перебью вас, кавказских дикарей!»

Едва слышным от свиста пуль и грохота разрывающихся ядер голосом капитан Сухарев заорал: «Ты что творишь? Ложись!.. Ты что, ополоумел? О себе не думаешь, чёрт с тобой! А что, у тебя матери нет? Сколько тебе лет?»

А юный солдат, прижимая к груди ружье, продолжая стрелять, иступлённо кричал: «Семнадцать! Перестреляю!.. Перестреляю всех этих кавказских дикарей!.. Всех перебью!..»

И в тот же миг капитан Сухарев крикнул: «Наклонись, дурень!.. Наклонись!», затем, на мгновение опередив ядро, разорвавшееся перед скалой, рванулся вперёд, броском свалил солдата на землю, накрыл его собой.

После того, как улеглись пыль и дым от взрыва, солдат вытянул из-под тела Сухарева свою окровавленную руку, затем, отвалив в сторону лежащего на нём Сухарева, присел за скалой, испуганно, торопливо ощупал грудь, живот, поняв, что не ранен, всё так же в страхе шепча: «Дядя!.. Дядя!..», перевернул капитана Сухарева на спину.

Осколок ядра разорвал Сухареву грудь, и капитан глядел застывшими глазами не на солдата, а на НЕГО, будто хотел о чём-то спросить ЕГО...

* * *

...В том видимом измерении был небольшой, аккуратный посёлок, в том посёлке, чуть в стороне от ворот, ведущих на улицу, сидел на лавочке его адъютант – полковник, дослужившийся до генерал-лейтенанта – фон Грендфальд, со спадающими почти до плеч поредевшими седыми волосами – рядом его сиделка.

Сиделка кормила его с ложки, ворча: «Не проливайте на себя!.. Будьте аккуратны! Снова пролили всё на грудь! – порой откладывала тарелку на скамейку, протирала платком повязанный на груди генерала фартук, спрашивала: «Вы хотите в туалет? Смотрите!.. Снова перепачкаете брюки!.. Ведь вы генерал!..»

Фон Грендфальд же глядел только на тарелку, не говоря ни слова, открывал рот навстречу ложке, произнося нечленораздельное «Угы-ы-ы...Угы-ы-ы», просил еды.

В том видимом измерении генерал-лейтенанта фон Грендфальда не интересовало ничего, кроме супа в тарелке.

Открылась калитка в воротах, и со двора вышла женщина – ОН сразу понял, что это Изольда, дочь фон Грендфальда – глянув в сторону отца, спросила: «Ну, что он?»

– Снова просит еды, – ответила сиделка.

– Достаточно! – раздражённо сказала женщина. – Переест, снова испачкает брюки! – она отняла у сиделки тарелку, прикрикнула на фон Грендфальда: «Достаточно! Слышишь? Достаточно!» – и с тарелкой в руке вернулась во двор.

Из широко раскрытого рта на фартук стекала слюна, а фон Грендфальд, вытянув шею, глядел вслед женщине, продолжая произносить нечленораздельное: «Угы-ы-ы...Угы-ы-ы...».

– Хватит есть!.. – говорила сиделка. – Не сердите фрау Изольду!.. Вы что, хотите снова надуть в брюки?! Ведь вы – генерал! Нехорошо!.. Теперь сидите и дышите воздухом. Видите, какая прекрасная погода?!»

А фон Грендфальд, не обращая внимания на слова сиделки, вытянув шею, смотрел в сторону калитки, издавая всё те же нечленораздельные звуки: «Угы-ы-ы...Угы-ы-ы...».

* * *

По мере того, как в том видимом измерении сменяли друг друга эпизоды, воспоминания, ЕГО бесплотную и невесомую субстанцию стало охватывать какое-то непостижимое чувство, и самым удивительным, поразительным оказалось то, что ЕГО бесплотная и невесомая субстанция была словно совершенно равнодушна тому непостижимому чувству, что никак не согласовывалось, не сочеталось с этой бесплотностью и невесомостью, никак не сопротивлялась этому чувству, не хотела отвергнуть, отдалить от себя это чувство.

Более того, в НЁМ родилось такое ощущение, что эта бесплотность и невесомость уже не могли совладать с тем непостижимым чувством, и постепенно эта непостижимость явно переходила в поиск какого-то значения.

ОН пытался осознать смысл тех миссий, видений, событий, воспоминаний, эпизодов, сменяющих друг друга в том видимом измерении, но всякий раз это приводило ЕГО к потрясающей бессмыслице...

17

Евнух Абдул Рахман прошептал на ухо Наследника лишь три слова: «Привезли голову Наместника», и эти три слова потрясли Аббаса Мирзу, заставили встряхнуться, пробудиться от замечательного сна этой жизни, что звался Дочерью Рыжего Чабана.

Между небольшой палаткой казначейства и вместительной палаткой Принца

было 250-300 сажень, и когда Аббас Мирза в сопровождении личной охраны широкими шагами шёл, утопая по щиколотку в хрустящем под ногами снегу, к палатке казначейства, он уже знал, что Гусейнгулу-хан отрубил голову генералу Цицианову и приказал доставить её, эту Голову, в Тегеран – Фатали-шаху, а по дороге предъявить её и наследному принцу.

Бежавший вприпрыжку, чтобы не отстать от наследника, Евнух Абдул Рахман, задыхаясь, говорил:

– Ваше величество, с ними прибыл еще и один аксакал. Он тоже просит принять его.

– Кто таков? – спросил Аббас Мирза.

– Его зовут Молла Музаффар.

– Молла, вот пусть и займётся своими молитвами! Я же сказал, чтоб там был только бек – племянник Гусейнгулу-хана. Какие у моллы там дела?

– На этой стороне Аракса он почитаемый человек.

– Ну и что? – сузив глаза, Аббас Мирза окинул скопца мгновенным ледяным взглядом, мол, что за настойчивость после того, как я высказал решение?

Как всегда в подобных ситуациях, а Евнух Абдул Рахман старался, чтобы их было как можно меньше, но когда подобное все же случилось, скопцу казалось, что глазами наследного принца глядит его родной дядя – Ага Мухаммед-шах Каджар. И холод этого взгляда заставлял скопца содрогнуться, как заставляет человека содрогнуться холод змеиных глаз даже в самую жаркую погоду.

Принц ещё больше ускорил шаг.

Казалось, в степи Харамы больше не осталось чёрных ворон, все они ещё утром, подлетев, каркая, окружили шатры, где готовили еду для сарбазов, вероятно, ни один ворон в этих краях прежде не мог поживиться таким количеством выброшенных на пустырь остатков еды. Казалось, именно эти чёрные вороны, каркая, разнесли по лагерю весть о том, что привезли отрубленную голову русского Наместника, как бы там ни было, весь лагерь уже знал об этом, и сарбазы, проснувшись, торопливо одеваясь, выходили из шатров.

Когда Аббас Мирза впереди, а за ним, задыхаясь, Евнух Абдул Рахман, приблизились к шатру казначейству, пятеро стражников-сарбазов схватились с фыркающим, упирающимся, словно бык, верзилой Лал Гафароглу, но никак справиться с ним не могли. Увидев Принца, сарбазы словно обрели дополнительную силу и наконец поволокли ревущего немного подальше от шатра.

Стало известно, что один из сопровождавших Голову из Баку, а именно Лал Гафароглу, никак не реагировал на предупреждения, рвался в шатёр, чтобы лично обеспечить охрану Головы.

Глядя вслед Лал Гафароглу, всё еще пытавшемуся вырваться из рук охранников, Аббас Мирза сказал:

– Отвесьте ему тридцать плетей, может, поумнеет! Здесь ему не убогий дворец Гусейнгулу!

Когда Аббас Мирза, Евнух Абдул Рахман и телохранители вошли в шатёр казначейства, комендант лагеря Гурд Керим, отвесив поклон, вытянулся в ожидании, стоявший рядом Махмуд-бек также почтительно поклонился, но, казалось, Принц даже не заметил его.

Голова была поставлена на серебряный поднос на небольшом круглом столе посреди шатра, накрыта зелёным шелковым платком. Аббас Мирза окинул не поте-

плевшим даже в шатре холодным взглядом Махмуд-бека, вытянувшегося Гурд Керима, затем скопца, кивнул в сторону Головы:

– Евнух!..

Абдул Рахман тотчас шагнул вперёд, снял с Головы платок, и при свете свечей в шатре казначейства Каджаров в это холодное зимнее утро голова князя Цицианова оказалась лицом к лицу с Аббасом Мирзой.

Один глаз Головы был вытарашен, словно готовился вырваться из орбиты, другой, съёжившись, уменьшился, и оттого, что шатёр был невелик, дыхание заполнивших его людей заставляло колебаться и подрагивать свет свечей в серебряных подсвечниках, и это колебание отражалось также в застывших зрачках Головы, глядевшей на Аббаса Мирзу. Видимо, в результате усилий сальянского врача Салахаддина кровь с ещё не искривлённой шеи свернулась, как бы приклеив Голову к серебряному подносу, отчего она выглядела вызывающе.

В шатре царила тишина.

В это время вдруг Гурд Керим плюнул в лицо Головы, Евнух Абдул Рахман от этого неожиданного поступка вздрогнул, а тот, сказав на азербайджанском: «Сукин сын!..», горделиво глянул на Аббаса Мирзу.

Смачный плевок Гурд Керима стекал со лба Головы на бровь, глаза, затем на поднос.

На тишину, окутавшую шатёр, осел страх, и по мере того, как длилась тишина, этот страх стремительно наполнил всё существо Гурд Керима, он понял, что против своего желания вызвал гнев Наследника.

По настоящему огорчённый столь явным равнодушием к его персоне со стороны Аббаса Мирзы, Махмуд-бек посмотрел на Принца, на Гурд Керима, затем на густой плевок, стекающий со лба Головы.

Эту наполненную страхом тишину нарушил Аббас Мирза, шагнув к Гурд Кериму, стоящему рядом, отвесил ему увесистую пощёчину, сказав на фарси: – Сучье отродье! – затем добавил на азербайджанском: – Ни на что, кроме как плевать, не годитесь!

Горящие при дрожащем свете свечей гневом большие, чёрные глаза Аббаса Мирзы буквально буравили Гурд Керима, и тому, многие годы служившему своим мечом дяде Аббаса Мирзы – Ага Мухаммед-шаху Каджару, показалось, что он столкнулся не со взглядом Наследника, которого знал с молодых ногтей, а с пронзительным взглядом кровопийцы Ага Мухаммед-шаха Каджара, вонзившимся в сердце, словно острый кинжал, от которого можно было содрогнуться даже во сне.

Проявляя доблесть на полях сражений, верой и правдой служа двум правителям – Ага Мухаммед-шаху Каджару и Фатали-шаху, Гурд Керим, столкнувшись с яростью Наследника, почувствовал, что от волнения и напряжения дрожат уголки его губ, крепко сжав их, он старался, чтобы никто не видел, не почувствовал эту дрожь.

Крепко сжатые губы и дрожь не прошли мимо взгляда Аббаса Мирзы, эту дрожь в свое время улавливали лишь серые глаза Ага Мухаммед-шаха Каджара, и Принц, протянув длинный тонкий палец в сторону Головы, тихо прошептал:

– Сотри!.. – в этом шёпоте словно была такая магнетическая сила, что не приказ, а именно этот шёпот заставил Гурд Керима – этого уродливого верзилу – опуститься на колени и полой своей зелёной шёлковой чохи аккуратно вытереть щеки и нос Головы.

Аббас Мирза устремил взгляд на Голову, а всё ещё не осмеливающийся подняться с колен Гурд Керим в наступившей тишине мучительно думал о том, чем завершится эта история с плевком? За свою жизнь он видел на полях сражений столько смертей, столько казней, когда слетали отрубленные головы, что прежде воспринимал их как обыденность, но с годами этот нескладный здоровенный человек, одно имя которого наводило ужас, стал страшиться собственной смерти. А после того, как Фатали-шах прикомандировал его к Наследнику, даже небольшое недовольство Принца, особенно в последнее время, повергало Гурд Керима в трепет и ужас. Он хорошо знал, что можно ожидать всего, что угодно, как от гнева, так и милосердия Каджаров – грань между гневом и прощением очень тонка, хрупка – Гурд Керим не раз бывал свидетелем внезапных страшных решений и приказов правителей, а иногда и сам был исполнителем этих страшных решений и приказов.

Аббас Мирза ещё не был правителем – только Наследником, но Гурд Керим, чьи руки были в крови сотен и сотен людей, яснее ясного чувствовал, что когда Принц вознесётся на иранский престол, возложит на голову корону Ирана, он в своём гневе и прощении, пожалуй, оставит позади и отца – Фатали-шаха, и даже своего дядю – Ага Мухаммед-шаха Каджара, и в минуты, когда наступала подобная гнетущая тишина, ему приходило на ум, что кровь в теле Принца холодна, как лёд, но одновременно его озадачивала, поражала влага, выступающая в глазах наследника, когда тот слушал шушинского ханенде – Худаверди Ахсана, поющего «Карабахскую шикесте», или газели на мелодии мугама Говси Тебризи, игру на сазе тебризского Слепого Ашуга Мадата; в подобные минуты слёзы на глазах будущего самодержца сообщали лишь о прекрасных поворотах жизни, состоящей от начала до конца из милосердия и всепрощения.

Когда глава провинции Хой Джафаргулу-хан, понадеявшись на русские войска, вступившие на Кавказ, поднялся против Каджаров, Фатали-шах направил против него Аббаса Мирзу, тогда Гурд Керим тоже был рядом с Принцем. Аббас Мирза – этот, по сути, юнец – заманив в хитрую западню, наголову разбил старого лиса Джафаргулу-хана, и Гурд Керим, человек, вся жизнь которого прошла в военных походах, со всей очевидностью уяснил себе: если Аллах дарует Наследнику занять трон – тот может переплюнуть даже самого Надир-шаха.

Когда Джафаргулу-хан, пытаясь спасти свою жизнь, бежал, Аббас Мирза послал ему вдогонку отряд Гурд Керима, хану не удалось скрыться, Гурд Керим настиг его вблизи Урмии, перестрелял, перебил остатки его людей, а самого, захватив в плен, приволок к Аббасу Мирзе. И когда враг, упав на колени, пытаясь схватить за ногу Аббаса Мирзу, молил о пощаде, Наследник, глянув на Гурд Керима, выражением глаз поблагодарил его, но Гурд Керим не стал обольщаться, он хорошо знал: между благодарностью и гневом правителя непреодолимой границы нет.

Аббас Мирза, отведя взгляд от Головы, глянул на Гурд Керима: то, что его военачальник подобным образом опустился на колени перед Головой, как бы отвешивая Голове поклон, увело Наследника в мир слышанных в детстве от воспитателей и наставников сказок, жадно проглатываемых ещё подростком книг, по его губам скользнула и улетучилась ироническая улыбка, и в тот же миг Гурд Керим понял, что опасность миновала, так как холод в глазах Наследника исчез, прищуренные чёрные глаза стали задумчивы и озабочены.

По знаку руки Наследника Гурд Керим медленно поднялся с колен, и Аббас Мирза, глядя на него в упор, сказал:

– Иди, собери своих людей, подготовься, – затем, указав пальцем на Голову, добавил: – её в Тегеран отвезёшь ты!

– Слушаюсь, – выпалил Гурд Керим, ощутив явную, нескрываемую гордость от того, что ему поручено столь ответственное задание.

– Ответишь головой! – добавил Аббас Мирза.

– Его высочество может быть уверено! – сказал Гурд Керим, и тон его голоса подтверждал эту убеждённость.

Затем Принц обернулся к Евнуху Абдул Рахману:

– Ты станешь сопровождать их!

Как правило всегда говоривший на азербайджанском, видимо, осознав важность, напряжённость момента, скопец ответил на фарси:

– Бе чешим!.. Бе чешим!..¹

Затем Аббас Мирза внимательно и с некоторой долей интереса глянул на Махмуд-бека: Наследник уже имел информацию об этом человеке, знал, что этот бек – истинный виновник столь незавидной судьбы Наместника Цицианова.

– А ты, – сказал Принц, – можешь возвращаться в Баку.

Не скрывающий своего огорчения, более того, не желающий скрывать это, Махмуд-бек сказал:

– Ваше высочество, мне поручено лично отвезти Голову шаху.

Аббас Мирза, продолжая глядеть на Голову, бросил:

– Здесь поручения отдаю я!

– Я должен лично вручить письмо Гусейнгулу-хана шаху, – уже чуть запальчиво сказал Махмуд-бек.

Кивком головы Аббас Мирза указал на скопца – Евнуха Абдул Рахмана:

– Передай письмо ему.

– Я должен увидеть шаха, – с ещё большей настойчивостью произнёс Махмуд-бек. – У меня есть что ему сказать.

– Ты уже сказал всё, что мог, – Аббас Мирза указал пальцем на Голову. Затем кивнул Гурд Кериму: – Вы оба можете идти.

Гурд Керим поклонился, пятясь, вышел из шатра.

Махмуд-бек не двинулся с места.

– Ваше высочество, в таком случае, хотя бы выслушайте меня, прошу вас! – но в его обращении было больше гневной требовательности, нежели просьбы.

Глядя на этого прибывшего из Баку молодого человека, Абдул Рахман подумал, что несмотря на пригожесть и дерзость, в эти минуты бек напоминает волка, у которого увели из-под носа, отняли добычу, и теперь оставшегося в растерянности, не знающего, что предпринять.

Аббас Мирза глянул на своих телохранителей, и они придвинулись к Махмуд-беку, намереваясь вывести его из шатра. Махмуд-бек попытался отстраниться от охраны, чтобы хотя бы сказать несколько слов:

– Ваше высочество, и я, и вы – турки! – почти прокричал он. – Вы должны выслушать меня. Выслушайте меня! Мы должны протянуть друг другу руки! Объединившись с Османским султанатом, мы должны создать большое тюркское государство! Все турки на земле должны объединиться, иначе и у Османов, и у вас будет незавидный конец! Мы все погибнем! За нами никого, кроме нас самих, нет! В одиночку вы не справитесь с русской армией!

¹ Бе чешим!(фарс.) – повинуюсь.

Наследник, прищуриив глаза, внимательно слушал Махмуд-бека, а охрана не знала, что предпринять: схватить приезжего и вывести из шатра, или оставить, пока принц выслушает этого молодого человека до конца.

Но страстный монолог Махмуд-бека длился недолго. Аббас Мирза с явной насмешкой улыбнулся и с холодной, не оставляющей места надежде властностью произнёс:

– Выбросьте его вон!

От огорчения щёки Махмуд бека покраснелись, он пытался ещё что-то сказать, но, перехватив холодное выражение глаз Принца, уверился, что смысла что-то говорить, протестовать – нет, оказав сопротивление, он может только быть выброшенным с позором наружу, подавив свою злость и упрямство, вышел из шатра.

Обернувшись, Аббас Мирза сказал скопцу:

– Ты тоже можешь идти. – И когда Евнух Абдул Рахман, обеспокоенно глядя на Голову, будто опасаясь, что Голова может нанести вред Наследнику, выходил из шатра, Принц добавил: – Ты там присмотри, чтоб этого бека не обижали. И его, и его людей, и того, как ты говорил, моллу, что ли, отпустите, пусть убираются восвосяи. Только пусть обязательно возвращаются в свои бакинские трущобы, но если надумают перебраться на южную сторону Аракса, остановить.

Евнух Абдул Рахман был настолько близок к шаху и Наследнику, столь часто общался с ними, что порой забывал в соответствии с церемонией отвешивать им поклоны. И все – и шах, и наследник престола, даже свита – не обращали на это внимания, но непосредственное лицемерие Головы создало такую напряжённость, что скопец на сей раз вышел из шатра, тоже пятясь, произвольно отвешивая поклоны.

Принц подал знак телохранителям, и они покинули шатёр.

Аббас Мирза остался один на один с Головой.

Голова видного полководца великой Российской империи словно свидетельствовала об убожестве вынужденной жизни в атмосфере вездущихся месяцами, годами сражений, бессонных ночей, жажды власти, битв за землю, необходимости неделями, даже месяцами проживать в разбитых в голой степи палатках, ущельях, холмах. Даже то, что иногда, перед сном он представлял себя на отцовском троне и проваливался в сон, счастье этой лучезарной картины сейчас для Принца, стоявшего лицом к лицу с Головой, показалось самой никчемной иллюзией жизни. А что станет потом? Рано или поздно умрёшь, исчезнешь и ты. Ничего от тебя не останется. Что останется? Государство? Со времени зарождения Земли на свете было образовано столько государств, но все они ушли в небытие... Тот бек – бакинец, что минуту назад вышел из шатра, грезит об объединении всех тюрков, создании великого тюркского государства. Недалёкий человек! Урод, мечтающий о тюркском единстве! Разве ты не видишь, что творят по отношению друг к другу эти карликовые азербайджанские ханства? Такой полководец, как Ага Мухаммед-шах Каджар, стремился объединить все азербайджанские ханства, а чем всё это кончилось? Кто организовал его убийство в Шуше? В своём невежественном, больном воображении ты выстраиваешь великое тюркское государство! Твой тюркизм такой же изъян, как волокитство, пьянство, разведение голубей, дурак и сын дурака!

Пока Аббас Мирза стоял лицом к лицу с Головой, внутри шатра возникла духота, а запах горящих свечей привнёс в эту духоту какую-то дополнительную спёртость.

И вдруг Наследник вспомнил своего второго дядю по отцу – Муртазагулу-хана.

Муртазагулу-хан, мечтая о троне, ввязался в борьбу со своим же братом – Ага Мухаммед-шахом, поначалу примкнул к персам из Занда, затем вступил в союз с русскими гяурами, потерпев в конце концов поражение, бежал в Петербург, проживал там, на чужбине, пока семь-восемь лет назад его не призвал к себе Аллах.

Аббас Мирза при жизни не видел Муртазагулу-хана, не знал, что это за человек, но он тягался с таким братом, как Ага Мухаммед-шах Каджар, тот был любимым дядей Аббаса Мирзы, он им гордился и хотел во всем ему подражать.

Племянник Надир-шаха – Али Адиль-шах, взойдя на престол, желая застраховаться от будущих претендентов, приказал оскотить шестилетнего Ага Мухаммеда: какой-то скопец не сможет стать шахом – но Ага Мухаммед Каджар не был «каким-то», за десять лет до того, как Наполеон во Франции сам водрузил на свою голову корону, Ага Мухаммед-шах благодаря уму и мечу тоже водрузил венец на собственную голову.

Власть Адиль-шаха длилась недолго – всего год, Аллах сам покарал его за изверство над шестилетним ребёнком: сверг с престола его собственный брат – Ибрагим, сначала приказал выколоть ему глаза, затем казнил в Мешхеде. Ага Мухаммед-шах положил начало династии Каджаров, объявил племянника – Баба-хана своим наследником, а Аббаса Мирзу, несмотря на детские годы, продолжателем рода. Всё так, но вопрос не в этом, трудно отыскать в истории сына или брата правителя, не примеривающего в мечтах на себя шахскую корону. Глупый бакинский бек! Братья от одного и того же отца ведут смертельную схватку за власть, выкалывают друг другу глаза, казнят, а этот дуралей грезит об объединении всех тюрок на свете. Ты продолжай мечтать, только подумай, что на это скажет свет. Тюрки никогда не объединятся, ибо с зарождением Вселенной родилась и жажда власти, и эта страсть всегда на первом месте у всех тюркских правителей.

Голова, один глаз которой тарачился так, будто готов был выскочить из глазницы, а другой, съёжившись, выглядел поменьше, поставленная на серебряный поднос, глядела всё так же вызывающе на Аббаса Мирзу, и в эти мгновения, в духоте и спёртости от запаха свечей в шатре, он хорошо знал, что совсем скоро отправит Голову в Тегеран, затем наступит рассвет, все эти мысли рассеются, уйдут, снова продолжится противоборство, война с Россией за Южный Кавказ...

...Именно в это время пятеро охранников, выполняя приказ Наследника, на холме рассветного зимнего утра, пытались раздеть Лал Гафароглу: проснувшиеся и высыпавшие из шатров наружу сарбазы, окружив их, хотели насладиться зрелищем того, как станут сечь этого прибывшего из Баку верзилу, что сопротивлялся, не давался в руки охране. Фыркая, мыча, он расталкивал их, брыкался, кусался, сарбазы поддевали, надсмехались над охранниками, что впятером не могли совладать с одним человеком.

Для Лал Гафароглу на свете существовали лишь две святыни – Аллах на небе и Гусейнгулу-хан на земле, и не было случая, чтобы он не выполнил распоряжения последнего. Он не мог говорить, и в те минуты, что, окружив, громко потешались над ним и охранниками сарбазы, Лал Гафароглу было всё равно, что они говорят и над чем смеются, он к тому же словно ещё и оглох, ничего не слышал, так как всё существо этого верного, как пёс, человека было потрясено – хан поручил ему день и ночь охранять Голову, а он не способен выполнить поручение.

Охранникам наконец удалось раздеть Лал Гафароглу, оголив его задницу, со-

гнули верзилу вдвое и четверо из них – каждый со своей стороны, крепко схватили его за руки и ноги, а пятый, взяв плеть, прошёл вперёд.

Выкрики окруживших их сарбазов оглашали всю равнину Харамы, так, будто они были кровниками этого человека, которого видели впервые, и с особым наслаждением мстили ему за смерть самых близких людей:

- Ну, бей наконец!..
- Бей этого сукина сына!..
- Бей, чтобы он ревел, как осёл!..
- Бей так, чтоб заговорил!..
- Бей так, чтоб обоссался!..
- Бей, чтобы окошел!..

И в это время произошло то, что до конца жизни не сотрётся из памяти сарбазов, которые останутся живы после многомесячных, даже многолетних боев с русской армией: Лал Гафароглу, собравшись с силами, издав страшный рёв, раскидал державших его, вырвал из ножен кинжал на поясе нависшего над ним с плетью охранника, всадил кинжал по рукоятку в самое его сердце, затем, схватившись обеими руками, вонзил кинжал уже в свой живот. Кровь со свистом била из живота, словно из переполненного бурдюка, Лал Гафароглу стал медленно сползать на колени, затем приник к земле бритой наголо головой с жировыми складками на шее. Застывшие, надолго замолчавшие сарбазы, не сразу придя в себя, волоком потащили труп немого к мусорной свалке лагеря и бросили его там. И никто не узнал – предали останки Лал Гафароглу земле, или он стал пищей птиц и животных.

* * *

...В том видимом измерении граф Николай Иванович Тимофеев-Богоявленский – Николай – полулежал, откинувшись спиной на подушки в кровати.

В смежной к спальне комнате, сидя за столиком, графиня Ольга Михайловна перебирала свежую почту.

Сквозь приоткрытую дверь граф покрикивал на супругу: «Ты хочешь завладеть всем, что я имею!.. А затем снова выскочить замуж! За молодого, здорового мужчину!.. Знающего своё дело мужчину!.. Но твои мечты не исполнятся!.. Я не умру!.. Ты сгинеешь раньше меня!..»

Казалось, Ольга Михайловна не слышала этих слов – граф просто сотрясал воздух – взяв одно из писем, она прошла в спальню: «Успокойся, Коля!.. Я знаю, что внутри тебя обитает Кашей, ты никогда не умрёшь!.. Пришло письмо от князя Цицианова, прочтёшь?»

С той же злостью и ненавистью граф Тимофеев-Богоявленский выкрикнул: «Нет!.. Я не хочу ни читать, ни слушать его длиннющие, выматывающие человека письма!.. Дон Кихот Цицианов!.. Для него на свете две святыни – Бог на небесах и Александр на земле! Видали мы твоего Александра! Александр!.. Он хотел перехватить славу Наполеона, обратил её в нимб вокруг своей головы, а что получилось?! Снюхался с Францем, потерпел поражение, опозорившее всех нас! А затем, вместе с тем же Францем, бежал, как заяц, с поля боя!.. – граф повысил голос: – Аустерлиц – чёрное пятно на истории России!..»

– Не кричи! – сказала Ольга Михайловна.

– Ага, боишься? Не за меня опасешься! – ещё громче крикнул граф. – За себя

боишься, услышат, внесут меня в чёрный список Александра, а ты лишишься всего!
– *Ладно, – примирительно сказала Ольга Михайловна, – кричи, что вздумается!*
С утра ворчишь, как старая баба! – и держа в руке письмо, добавила: – А что делать с этим?

– Делай, что хочешь! – сказал граф. – Прочти сама, решишь, как всегда, ответить за меня – отвечай, не захочешь – не пиши!.. Плевать мне и на Кавказ, и на эти письма, и на подобную жизнь!..

18

Одержанная наконец-то победа русской армии над Джаро-Белоканским султаном в марте 1803 года превратилась в истинный праздник.

Когда Ага Мухаммед-шах Каджар во время первого похода на Карабах, после долгой и безрезультатной осады Шуши, потерпел фиаско, Ираклий II, воспользовавшись удобным моментом, предпринял набег на Гянджу, правда, из этого ничего не получилось – Джавад-хан отразил атаку. Шах, сняв осаду Шушинской крепости, повернул войска на Кахетию. Ираклий II бежал, скрылся в горах, Ага Мухаммед не оставил камня на камне в Тифлисе; тысячи жителей города были взяты в плен – мужчин продавали в рабство, девушек в наложницы. Через какое-то время Ага Мухаммед-шах вновь двинул войска на Карабах – словно рок подталкивал его к этому походу, наконец захватил Шушинскую крепость, на сей раз уже Ибрагим Халил-хан бежал на север Азербайджана, в сторону Джаро-Белокан, но в первую же ночь в той самой захваченной Шушинской крепости Ага Мухамед-шах был умерщвлен собственной охраной.

Ираклий II снова вернулся назад, но в это время отряды джамаата Джаро-Белокана стали часто совершать набеги на сёла, населённые пункты Кахетии. И после прихода русских войск хорошо обученная, метко стреляющая, мастерски владеющая мечом конница Джаро-Белоканского джамаата продолжала часто совершать набеги на установленные вокруг Тифлиса посты. Эти внезапные и жестокие набеги дорого стоили русской армии – было много потерь в живой силе, случалось, угоняли коней, даже целые табуны, захватывали военное снаряжение и оружие, но главное – эти набеги наносили урон престижу русской армии. Генерал фон Кнорринг вёл переговоры с Джаро-Белоканским джамаатом, даже отправлял им подарки, но все его старания не приносили результатов, и князь Цицианов, конечно же, не мог мириться с подобным положением: Россия присоединила к себе Грузию, разделённая на мелкие царства и княжества, она уже не являлась грузинской землёй, это была вотчина великой Российской империи.

Князь Цицианов, прибегнув к патриотической риторике, усиливал в грузинском населении чувство мести, затем направил для умирения Джаро-Белокана корпус под командованием генерал-майора Гулякова, придав ему добровольческие отряды грузин – конницу и пехоту.

Князь обсудил на карте с генералом Гуляковым все моменты будущей операции, поручив особо присматривать за отрядами грузин, во-первых, чтобы они не бежали с поля боя, во-вторых, чтобы после одержанной победы месть грузин не обернулась повсеместными грабежами и жестоким обращением с местным населением. Но князь не ограничился этим: ослеплённые чувством мести, грузины могли нанести урон авторитету русской армии, поэтому он вызвал к себе начальника ар-

мейской канцелярии полковника Броневского и продиктовал ему текст приказа. Манифест предупреждал созданный корпус, а по существу, грузинские части, что тех, кто станет заниматься грабежами, поджигать дома и усадьбы мирных жителей, ждёт суровая, вплоть до расстрела, кара. Полковник, как правило, составлял манифесты, выслушав мысли командующего, а князь только подправлял их, но самые важные реплики, в том числе письма и донесения его величеству императору писал сам.

Текст манифеста был зачитан всем участникам будущей операции.

Корпус Гулякова, хоть и с большими сложностями, одержал победу, но грузинские отряды сразу же приступили к страшному разбою и грабежам. Генерал Гуляков оказался неспособен выполнить приказ главнокомандующего: не допускать грабежей! В свое время банды Джаро-Белоканского джамаата, спускавшиеся со склонов Кавказа горцы, совершая набеги, грабили и без того живущих в бедности грузин – уносили всё, что попадало под руку – мешки с зерном, лошадей и овец, даже домашнюю птицу, простреливали, разбивали саблями глиняные сосуды с вином, выливали их содержимое на землю, и теперь мобилизованные грузинские солдаты – часто дети тех самых семей, желая награбить как можно больше, занялись кровавым разбоем.

Глава небольшого, в двенадцать человек отряда всадников грузин – Вахтанг Потцихашвили превратился в главного героя этой кровавой вакханалии, среди грузинских бойцов укрепилось убеждение, что генерал Гуляков не в силах применить какую-либо кару к этому молодому грузину, прославившемуся особой беспощадностью и чувством мести. Вахтанг Потцихашвили и вдохновлённые его примером подельники, начисто забыв про обнародованный манифест главнокомандующего, не обращая внимания на увещевания Гулякова, ослеплённые чувством мести, рубили саблями и расстреливали всякого, кто попадался им на пути. Руки Вахтанга по локоть были в крови местного населения – мужчин, женщин, детей, но этот человек, казалось, никак не мог остановиться. Тому была и причина: когда-то джаро-белоканцы вынесли из его родительского дома всё, что могли, сразили пулей в сердце отца, вышедшего с вилами в руках остановить их, умыкнули сестру Кетован, много позже до Вахтанга дошли слухи, что её выдали замуж за какого-то шестидесятилетнего белоканского бека, заставив принять ислам.

И Вахтанг после поражения джаро-белоканцев никак не мог успокоиться.

...В связи с завершением Джаро-Белоканской операции князь Цицианов проводил в своей резиденции в Тифлисе заседание Военного совета, вопреки ожиданию офицеров он был явно раздражён.

– Эта очень важная победа! – произнес он и после небольшой паузы продолжил: – Но, к сожалению, я не могу поздравить от всего сердца наши войска с этой важной победой! – и, приблизившись к генералу Гулякову, сказал: – Вы, генерал, покрыли там позором славную русскую армию! Я приказывал вам контролировать отряды грузин!

Долговязый Василий Семёнович Гуляков – генерал, известный не только в кавказской армии, вытянулся, словно став ещё выше ростом, и, глядя сверху вниз на коренастого князя Цицианова, сказал:

– Я был не в состоянии выполнить приказ, князь!

В армии, особенно при таких официальных собраниях, не было принято обращаться по титулу «князь», и то, что признаваясь в своей беспомощности справиться с грузинскими солдатами, Гуляков обратился к главнокомандующему именно так, сви-

детельствовало о внутреннем потрясении, которое генерал переживал в эти минуты.

Князь Цицианов, глянув снизу вверх на генерала Гулякова, ничего больше не добавил, этот человек и без того был потрясен, главнокомандующему не хотелось особенно унижать его в присутствии генералитета, чуть отойдя, он спросил своего адъютанта фон Грендфальда:

– Где тот главарь отряда?

Полковник крикнул стоящим в конце просторного зала порученцам:

– Введите арестованного!

Князь Цицианов был в курсе всех художеств Вахтанга Потцихашвили во время Джаро-Белоканской компании и заранее принял решение расстрелять его. Нисколько не колеблющийся, когда речь шла о неповиновении Российской империи, о кавказцах, поднимавших руку на Российскую империю, князю Цицианову, предпочитающему говорить с ними только языком оружия, решение далось непросто: он приговаривал к смерти человека, который сражался – причём доблестно – с врагами Российской империи. Ты воюешь с ними в рядах российских войск, но это не означает, что, вступая в сёла и хутора, можешь предавать мечу каждого, кто встретится на пути, не разбирая, кто перед тобой – женщина или ребёнок; врываясь в жилища, убивать домашний скот, поджигать дома простых крестьян, заниматься грабежом – если каждый начнёт заниматься грабежом для себя – какие-такие трофеи достанутся в таком случае армии? – ты оскорбляешь русских офицеров, ни во что не ставишь приказы непосредственного командира – русского генерала, наконец, не выполняешь требования моего манифеста. Этот грузин не был солдатом, военнообязанным, он был добровольцем, и генерал Гуляков, видимо, опасаясь, что могут взбунтоваться другие грузинские добровольцы, не решился расстрелять его там же, на месте. Но он – князь Цицианов, казнит этого негодяя, пусть все грузинские добровольцы убедятся, что значит не подчиняться приказу главнокомандующего.

Два младших офицера ввели в зал Вахтанга Потцихашвили. Руки его были связаны за спиной. Цицианов прошёл вперёд, остановился перед арестованным.

Не подчиняющийся приказам, явно своенравный молодой грузин стоял перед князем, совсем не тушуясь, откровенно вызывая и заносчиво.

Глаза князя сверкали яростью.

– Он хоть владеет русским? – спросил Цицианов фон Грендфальда.

– Да, ваше сиятельство! – вытянулся в струнку адъютант.

Затем Цицианов, глядя прямо в глаза юноши, сказал:

– Ты не повиновался моему манифесту! Ты многократно нарушал приказы командования! Ты запятнал позором славную русскую армию! Тебя следует расстрелять! Серебряков!

Подполковник Серебряков был в армии человеком известным, все, в том числе Вахтанг, хорошо знали, что если главнокомандующий вызывает подполковника – офицера, выполняющего особые поручения – это конец, и все, в том числе Вахтанг, также знали, что решение главнокомандующего не имеет обратной силы.

В наступившей тишине чеканные шаги Серебрякова и сопровождающих его двух младших офицеров словно ставили печать на безысходной судьбе Вахтанга Потцихашвили.

– Какой же ты грузин, если из-за мусульманских разбойников расстреливаешь грузина?

Вахтанг произнёс это по-русски с гортанным грузинским акцентом, обращаясь

к князю на «ты», глядя с откровенным презрением прямо ему в глаза.

И внезапно произошло совершенно ужасное: арестованный со всей силой плюнул в лицо Цицианова.

Все застыли, замерли на своих местах.

Быть может, впервые в жизни всегда расторопный полковник фон Грендфальд, чьё сердце, казалось, было готово выскочить из груди, глядя на струйку слюны, стекавшую по щеке князя, в панике не знал, что предпринять: то ли броситься на Вахтанга Потцихашвили, то ли, вытащив платок, вытереть лицо главнокомандующему.

Князь Цицианов же был совершенно спокоен, и в этой напряженной тишине по его губам скользнула саркастическая улыбка, и из-за того, что главнокомандующий находился в центре внимания, эту мгновенную улыбку заметили все устремившие на него взгляд военачальники. На деле, князь Цицианов по характеру был таким же взрывным, как стоящий перед ним юноша-грузин, но в тот момент, когда по его губам пробежала та саркастическая улыбка, в то мгновение, когда этот юноша-грузин плюнул ему в лицо, его авторитет, высокий чин и положение словно превратились в нечто бессмысленное, не имеющее значения, и Вахтанг Потцихашвили, чье тело сотрясилось от ненависти – от горькой, не имеющей выхода ненависти, тоже уловил ту саркастическую улыбку, и внутри него образовалась некая пустота, и он сам ощутил себя жалким и никчемным, мелким, словно муравей, существом.

Князь Цицианов вытащил из кармана платок, аккуратно вытер лицо и только после этого ровным голосом произнёс:

– В рамках данных мне полномочий приказываю! Многократно нарушившего приказ, занимавшегося кровавым разбоем, – тут главнокомандующий, опасаясь, что не сможет в точности воспроизвести фамилию «Потцихашвили», чуть запнулся, выдержал паузу, добавил: – этого человека расстрелять! – затем перевёл взгляд на Серебрякова: – Выполняйте приказ!

Вахтанга Потцихашвили увели.

Князь Цицианов, аккуратно сложив платок, положил его в карман, глядя вслед Серебрякову и сопровождающим, дождавшись, чтоб их шаги отдалились, сказал:

– Господа офицеры, весьма сожалею, но я не вправе скрыть от его величества императора эти эпизоды гнусного разбоя, запятнавшие нашу важную и яркую победу!..

...Отдавший всю свою сознательную жизнь военной службе, благодаря личной доблести и умению прошедший все этапы карьеры и достигший звания генерал-майора Василий Семёнович Гуляков никогда прежде не испытывал такого чувства стыда и позора. Победа была начисто забыта, благодаря его слабости, нерешительности плюнули в лицо главнокомандующего, этот русский человек, лишенный всяческой лжи и хитринки, до конца дней своих не забудет это происшествие. Ровно через девять месяцев, во время гянджинской компании, в январе 1804 года князь Цицианов получил информацию, что понемногу приходящие в себя джарцы вновь зашевелились, хорошо сознающий, к чему это может привести, главнокомандующий направил в Джары экспедицию под командованием всё того же Гулякова, где тот и погиб...

... После заседания Военного совета, проведённого в связи с победой над джамаатом Джаро-Белокан, той же ночью князь, сидя в своём рабочем кабинете, при свете светильника, заправленного нефтью, написал рапорт императору Александру, поздравив его с победой над Джаро-Белоканским джамаатом, и, конечно же, информировал о вандализме, который творили грузины.

Через какое-то время пришло ответное письмо. Император писал: «Я надеюсь, что в будущем грузинские солдаты при нанесении поражения врагам откажутся от зверств, которые они чинили при захвате Белокан, и научатся у русских – своих новых сограждан, милосердию».

Князь Цицианов, прочтя эти строки, обхватил руками голову, затем, откинувшись на спинку мягкого кресла и глядя в потолок, прошептал:

– Кавказ и милосердие... – и, с явно прочитывающимися горестью и болью на лице, улыбнулся.

...Князь Цицианов в своём очередном верноподданническом рапорте писал: «Знакомясь с бытом и характером грузинского народа, опираясь на свои наблюдения, я вижу, что просветительским управленчеством достичь ничего в Грузии невозможно. Природа определила для азиатских народов автократический метод руководства, и это поставило свою несмыслаемую печать и на Грузии. Российский умеренный стиль управления они воспринимают за слабость, различными хитростями и маневрами, избегая исполнения закона, манкируют, бравируют ненаказуемостью своих деяний».

19

Евнух Абдул Рахман который раз перечитывал от начала до конца «Лейли и Меджнун» Шейха Низами на фарси и «Лейли и Меджнун» Мухаммеда Физули на азербайджанском, но никак не мог ощутить, понять любовь, страсть, приведшие к гибели юных героев – Лейли и Меджнуна. Будучи человеком острого ума, он сознавал, что эта любовь, страсть, – нечто иное, нежели любовь человека к Всевышнему, матери к своему дитя, или сестры к брату, но что это за «иное» Евнух Абдул Рахман осмыслить никак не мог.

Видя, с каким вожделением, с каким внутренним горением глядят молодые слуги на девушек, принимающих различные позы во время утренних уборок во дворце, Абдул Рахман не мог понять природы этого горения, вожделения и восхищения, то есть, проводя по ночам в покои шаха или принцев сотни подобных девушек, он понимал, что юноши жаждут этих девушек, ясное дело, речь идет не только о продолжении рода, но что именно они ощущают, ложась в общую постель, Евнух Абдул Рахман представить не мог. Эти юноши страстно желают тех девушек, как изнывающие от жажды глотка воды, но отчего? В чём эта тайна? Скопец иногда слышал женские стоны, доносящиеся из шахской опочивальни или из шатра принца, сопровождая его во время военных походов, но причин, вынуждающих издавать подобные стоны, тоже понять никак не мог.

Скопец не помнил своего детства, не знал, кто он, из какой страны, какой национальности. Одно только помнил: он сидит напротив белой-белой стены, и женщина в белом платке кормит его чем-то сладким, напоминающим хлеб, но никак не мог вспомнить, хотя старался, лица той женщины, только помнил кипельно-белый платок, и в такие мгновения ощущал во рту вкус чего-то сладкого, напоминающего хлеб. Сознание подсказывало скопцу, что та женщина в белом платке – его мать, иногда по ночам, особенно в последнее время, насилуя голову, он пытался вспомнить лицо той женщины, но вспомнить никак не мог, и это усиливало в неведомой ему степени ненависть ко всему свету, копившуюся в душе, и эта углублённая ненависть раздражала и ушемляла его.

И ещё он помнил, как его оскопляли, лиц людей, творивших это зло, он не пом-

нил, в памяти остались лишь выстроенные в ряд для оскопления, словно жертвенные бараны, мальчики, и ещё боль той операции – с тех пор скопец больше всего на свете страшился боли.

Несомненно, Евнух Абдул Рахман был верен своим господам – Фатали-шаху и принцу, но за этой верностью, по существу, стоял страх ощутить ту же боль, что и при оскоплении; за свою жизнь он был свидетелем стольких казней, пыток, истязаний и, глядя на эти казни, пытки и истязания – кого-то вешали, кого-то прижигали огнём, кому-то выкалывали глаза, отрезали языки, руки – по телу скопца пробегала тёплая и приятная волна, животный крик, исходящий будто из нутра человека, подвергавшегося пыткам, истязаниям, придавал этой волне ещё большую силу и тепло, видимо, в этих его чувствах содержалось своеобразное умиротворение, благодать: пыткам и боли подвергался не он, скопец, а кто-то другой.

Процедура оскопления вывезенных для дворца из Аравии, Эфиопии, Балкан, Кавказа или купленных на невольничьих рынках мальчишек также проходила под наблюдением Евнуха Абдул Рахмана, во время этих операций приятная и тёплая волна окатывала ещё теплей, так что он даже дрожал и покрывался потом, задыхаясь от приятного волнения. К этому волнению примешивалось и своеобразное чувство мести, будто слыша крики подвергающихся оскоплению детей, Евнух Абдул Рахман мстил какой-то неведомой силе, но это было очень сложное, необъяснимое для него самого ощущение.

В последнее время, узнав, что кого-то будут казнить через повешение, Евнух Абдул Рахман, оставив незавершёнными дела, спешил к месту казни, и когда несчастный, повиснув на перекладине, трепыхался в агонии и ещё с хрустом ломались его шейные позвонки, то приятное волнение обдавало его даже большим, чем прежде, теплом, и его похожие на кошачьи зелёно-жёлтые глаза загорались дьявольским огнём. В такие минуты скопец чувствовал, что приятное волнение, которое он ощущал, глядя на муки других, должно завершиться каким-то ещё более волнующим ощущением, но это «какое-то» никак не приходило.

Порой мысли уносили скопца в какие-то дали, и, думая о превратностях, злоключениях этого света, он приходил к выводу, что применяемыми одними в отношении других пытки, истязания, казни – такое же естественное, обыденное дело, как утоление жажды или голода, без всего этого невозможно: есть человек, должны быть казни и пытки – так создал этот мир Всемогущий, но отчего он создан таким, эта Божья тайна, и она, эта тайна, откроется лишь в Божьем царстве.

Евнух Абдул Рахман хорошо знал, что он не таков как все, что он увечный – у одного нет руки или ноги, другой слеп, третий нем, а он – скопец. И счастье его было в том, что если слепой знал, что лишён зрения, немой – речи, безногий – способности ходить, и оттого они страдали, то он, Евнух Абдул Рахман, не ведал, чего лишён. Женщины, купающиеся голыми на его глазах в гареме, были подобны ежедневно виденным предметам, эти голые женщины не вызывали у него никаких иных чувств, не доставляли никакого наслаждения. А что такое иные чувства, наслаждения, он не знал и оттого не очень сетовал на жизнь – досыта ел и пил, во дворце считались с ним, а наложницы боялись его, как собака палки, он пользовался особым расположением его величества шаха и наследника. Разве этого мало в дни, когда мир обращён в кровавый котёл?

Но порой, произвольно, особенно в последнее время, что-то говорило ему, что быть скопцом – самое большое несчастье на свете, ведь цветы рассыпают се-

мена, птицы несут яйца, даже собаки рожают щенков, значит и человек должен зачать ребёнка, но что было делать, на земле у каждого своя судьба, и если глянуть в суть, на этом свете все мало чем отличаются друг от друга. Рано или поздно все умрут, ни от кого не останется ни следа, ни пылинки – ни от скопца или других скопцов, меняющих за ночь пятёрку наложниц. Какая разница через сто лет будет между этим молодым, красивым, сильным и могущественным Принцем и Евнухом Абдул Рахманом? Кости обоих смешаются с землёй, правда, может, имя Принца останется в истории, но какое это имеет значение для нынешнего, живого и здорового Аббаса Мирзы?

* * *

...Дул ветер, и беснующаяся Кура с шумом несла свои бело-жёлтые пенные воды. Вахтанг Потцихашвили с перевязанными за спиной руками стоял спиной к реке, устремив горящие гневом глаза на нацеливших на него ружья солдат.

Стоящий чуть поодаль подполковник Серебряков поднял руку, и в это время Вахтанг Потцихашвили что было силы крикнул: – Эй, Цицианов, плевать я хотел на такого, как ты, грузина!..

И в тот же миг подполковник Серебряков опустил руку, отдал приказ: «Огонь!»

Точные выстрелы солдат изрешетили грудь Вахтанга Потцихашвили, его белая рубашка обагрилась кровью.

Вахтанг Потцихашвили хотел ещё что-то крикнуть, но не успел, опрокинулся в реку.

И те бело-жёлтые пенные воды тотчас накрыли, втянули его в свою воронку.

Подполковник Серебряков подошёл совсем близко к берегу реки и, глядя на ещё более вспенившиеся воды, процедил сквозь зубы: «Иди, сволочь! Иди, соединишь со своей родной Курой!»

20

Понемногу светало, и бляние овец в эту утреннюю рань, слившись с журчанием Аракса, разошлось по степи Харами.

Началась утренняя дойка, и жена Рыжего Чабана с двумя товарками споро доили овец, оставляя в сосцах немного молока для ягнят, завершив доить, они легко шлёпали овцу по курдюку, и как только она отходила, ожидавший её ягнёнок, тут же протиснувшись под мать, жадно прилипал к её сосцам, а доярки приступали к очередной овце.

Рыжий Чабан сидел поодаль, на пригорке, оперевшись челюстью на кизилловую клюку, которую придерживал обеими руками. Выстроганная ещё в молодости, высушенная на огне, с годами ставшая гладкой, клюка была черна от грязи. Рыжий Чабан ясно слышал журчание Аракса, дружное бляние овец, даже ощущал аромат свежего молока, стекающего в подойник.

Тот звук стекающего на подойник молока, его аромат, и на сей раз спустили с неба на землю гурию, обёрнутую в прозрачный тюль. Та гурия была так нежна, воздушна – подуй слегка – рассыпется, улетит, словно одуванчики, растущие в степи Харами. Оголённое тело той гурии не было прозрачным, оно еле просматривалось, и Рыжий Чабан, сунув глаза, старался яснее разглядеть её тело, но линии тела сквозь

тью не проглядывались, темнели лишь соски груди и прогалина меж ног. Рыжий Чабан не мог разглядеть и лица той гурии, но ощущал, как ощущают холод и тепло, что, глядя на него, гурия улыбается, и это ощущение было самым сладостным ощущением всей его жизни.

На всем свете никто, кроме Аллаха, не знал этой тайны Рыжего Чабана: та гурия явилась сразу после того, как принц Аббас Мирза увёз его старшую дочь, и всякий раз, когда та гурия, слетев с неба, оказывалась напротив Рыжего Чабана, всё его тело охватывала лёгкость, подобная самой гурии. Проводя всю жизнь вне дома, вместе с отарой в предгорьях, степях, на равнинах, Рыжий Чабан и представить не мог, что может существовать в природе подобная лёгкость, и по мере того как росло число овец в отаре, казалось, та гурия улыбалась ещё ласковей, сердечней, и в это время та лёгкость словно расцветала, подобно раскрывающимся по весне цветам в степи Харами.

Дело в том, что прежде Рыжий Чабан имел отару примерно в сто пятьдесят овец, во время окота численность отары достигала почти двухсот пятидесяти. Пять рысаков принца он выменял на сто семьдесят овец – за каждого коня дали тридцать пять овец, теперь он был чабаном не на службе у кого-то, а чабаном – хозяином, собственником своей отары, и для пригляда за овцами он нанял дополнительно чабана, – порой отара удваивалась, одному с таким количеством животных уже было не справиться. А когда начиналась стрижка овец, работы становилось ещё больше, и он нанимал второго чабана. Рыжий Чабан взял на работу также соседскую вдову и её засидевшуюся в девках дочь, чтобы помогли жене: доить такое количество овец, сбивать масло, заквашивать сыр и выносить всё это на продажу было нелёгким, хлопотным делом.

Дети Рыжего Чабана были ещё мальцами – пятеро или шестеро – двое или трое умерли ещё грудничками, а эти пока ни на что не годились, только «подай-отнеси» и всё тут, привыкшие просыпаться рано, они целый день возились среди овец.

Рыжий Чабан сидел, устремив глаза на отару, но гурия, отведя его глаза от овец, как всегда унесла вдаль, и даже звук струящегося в подойник молока и его аромат словно не позволяли его взгляду вернуться назад.

Рыжий Чабан хорошо знал язык овец и коз, и пройдёт какое-то время – кто ведает о делах Всевышнего? – быть может, и он, Рыжий Чабан, станет одним из уважаемых людей в своей округе, выбросит вон чабанскую клюку, будет сидеть в собственном доме, подобно карабахским бекам. Разве не всё в руках Аллаха? Может, по воле Аллаха судьба избавит Рыжего Чабана от вечного запаха овечьего помёта, уложит его в постель в шелках, и тогда та гурия не станет скрывать от него своё тело.

За всю свою жизнь Рыжий Чабан не знал иного женского тела, кроме тела своей жены, с годами, когда жена, согрев воду, раздевшись, купалась, Рыжий Чабан отворачивался, чтобы не видеть её тело, напоминавшее опустевший бурдюк. Прекрасное женское тело многие годы жило только в его представлении, а разглядеть тело опустившейся с неба на землю гурии ему никак не удавалось. Правда, гурия, глядя на него с пяти-шести шагов, улыбалась – в этом Рыжий Чабан нисколько не сомневался – а не подпускали её ближе к нему, то есть к Рыжему Чабану, косматая, из овчины папаха, старая чоха да грязные чарыки на ногах и ещё запахи той папахи и чохи. Сам Рыжий Чабан не чувствовал этих запахов, но в минуты, когда он глядел на гурию, сознавал, что от него отдаёт совсем не приличествующими этой гурии запа-

хами, и Рыжий Чабан думал и о том, что насколько ему родны запахи овец и коз, настолько же чужды и омерзительны эти запахи гурии, и потому прилетает она только тогда, когда вокруг разливается аромат свеженадоенного молока.

И в это раннее утро, оперевшись подбородком на клюку, глядя на столь близкую и далёкую гурию, мысленно сложив под себя ноги, Рыжий Чабан сел на подушечку с шёлковой наволочкой, и, прислонившись локтем к такой же с шёлковой наволочкой мутаке, впервые за свои сорок-сорок пять лет – точной даты своего рождения он, разумеется, не знал – оторвавшись от запахов отары, весь погрузился в аромат и благоуханье гюлаба – розовой воды. Он и прежде, бывая на траурных церемониях по поводу смерти родных или близких, улучив момент, как это принято, протирал лицо и руки гюлабом, но от запахов овец, осевших на его тело с детских лет, то благоуханье быстро улетучивалось.

Глядя на гурию, весь погружённый в уже не выдыхающиеся запахи гюлаба, сидя на шёлковой подушечке, распивая принесённый служанкой настоенный на шафране шербет, он отложил в сторону пиалу, протянув руку, открыл крышку серебряной шкатулки, вытащил из неё горсть драгоценностей, протянул гурии. Гурия словно ожидала этого момента, приблизилась, её оголённое тело, чуть прикрытое тюлем, стало просвечиваться ясней, но тут вдруг заревел один из детей, и гурия остановилась.

Рыжий Чабан посмотрел на детей, что возились среди отары – один из мальчиков, ударив другого, расквасил ему нос, а тот поддал силу глотке, и в это время он вспомнил свою старшую дочь, которую увёз Принц. У него было столько забот с теперь уже большой отарой, что не оставалось времени вспоминать кого-то, даже дочь, а когда выдавалась свободная минутка, прилетала та самая гурия – и вообще, погружаться в какие-то воспоминания было делом, далёким от его существования.

И в этот утренний час, когда он вдруг вспомнил дочь, всё ещё стоявшая перед Рыжим Чабаном гурия, окутанная в лёгкий, почти прозрачный тюль, прежде, чем улететь, шепнула ему на ухо: «Дуралей! Надо было просить у принца не пять, а десять коней!..»

Рыжий Чабан воспринял слова гурии достаточно спокойно, он и сам знал, что совершил глупость, продешевил, попросив за девушку всего пять рысаков.

* * *

... Среди людей в шатре ОН узнал Аббаса Мирзу.

Там, в том видимом измерении, ОН не знал Аббаса Мирзу, но по наитию ЕГО прозрачной и невесомой субстанции этот длиннородый красивый молодой человек был, конечно же, Аббас Мирза.

Аббас Мирза, кивнув в сторону небольшого круглого столика, сказал: «Скопец!..» – и тот, быстро пройдя вперёд, снял зелёный шёлковый платок, и Голова снова устремила на НЕГО взгляд.

ОН с самого начала совершенно точно знал, что под зелёным шёлковым платком находится Голова, и ОН не желал, чтобы с Головы сняли зелёный шёлковый платок, открыли её на обозрение.

Но там, в том видимом измерении, от ЕГО желания ничего не зависело, ЕГО субстанция в том видимом измерении ничего не значила, ибо там ЕГО не было.

ЕГО прозрачность и невесомость не умещались в то, кажущееся идиллией, измерение, это ОН уже осознал, но какой-то человек, там, в шатре, плюнул в лицо Го-

ловы, ОН инстинктивно хотел увернуться, но это ЕГО желание было невыполнимо, ибо ЕГО прозрачная и невесомая субстанция состояла лишь из ощущений, в ней не было места механике.

* * *

... Когда некто смачно плюнул в лицо Головы, человек, снявший с нее зелёное шёлковое покрывало – скопец вздрогнул, и ОН увидел затаившуюся в глубине его глаз бесконечную печаль, затем демонический блеск рассеял печаль, и блеск исчез так же внезапно, как и появился.

И вдруг то видимое измерение стало кипельно-белым, в той белизне, кормя сидевшего у неё на коленях сына куличом, какая-то женщина напевала:

Моя любовь будет всегда с тобой, мой сыночек...

Моя любовь всегда будет защищать тебя, мой сыночек...

У тебя будут прелестные дети-шалуны...

У тебя будут внуки, правнуки, праправнуки...

Тогда меня не будет, но...

Моя любовь будет с вами, мой сыночек...

Моя любовь станет защищать вас, мой сыночек...

... ОН знал, что мальчик – тот самый дрогнувший от неожиданности в шатре скопец.

Сколько лет прошло после той песни?

Но разве это имело значение?

В той белизне видимого измерения карапуз ел кулич и, теребя пухленькой ручонкой нательный крест, висевший на шее матери в белом платке, слушал песню...

... Для НЕГО не было разницы, на каком языке пелась та песня, так как в том видимом измерении ОН ощущал слова одинаково, и ЕМУ было все равно, на каком языке поёт ту песню мать в кипельно-белом платке...

* * *

...В том видимом измерении плевков со лба Головы, просочившись сквозь ресницы, стекал со щеки на поднос...

* * *

...В белизне того видимого измерения ОН не хотел всматриваться в будущее того мальчугана, что сидел на коленях матери в кипельно-белом платке, но от ЕГО желания это не зависело ...

21

Джафар был конокрадом, и от Шемахи и Ахсу до самых Сальян у него были свои особые покупатели-спекулянты, они задёшево покупали у него коней, перепродавая втридорога. Джафар не был жадным, алчным до денег человеком, и часто проявлявшие особую скупость перекупщики расплачивались с ним не деньгами, а мешком муки, риса или сахара. Единственной его заботой на этом свете была необходимость прокормить свою большую – восемь душ – семью, то есть он сам, Джа-

фар, его жена и шестеро дочерей-погодок, и набивший руку на угоне коней Джафар в это нелёгкое время справлялся со своим делом.

Джафар никогда не угонял коней из ближних мест, он отправлялся куда дальше, где его не знали, где не могло быть знакомых или родственников, угон коней из дальних местностей как бы снижал степень греховности его промысла. Три, в лучшем случае, четыре раза в год он отправлялся за конями иногда на север – в сторону Баку, Кубы или Дербента, а иногда на юг, за Аракс он не ходил, те места ему были незнакомы – ехал в сторону Гянджабасара, но больше всего в Карабах, Агдам, а иногда, поднявшись повыше, добирался до сёл Шушинской крепости, наметив добычу, той же ночью совершал своё дело, и самое поразительное, эти угнанные животные словно знали Джафара, совсем не дичились, так, будто Джафар был их родным конюхом, вели себя смиренно, выполняли все его приказания.

Джафар имел и собственную лошадь, возрастом постарше, чем угоняемые кони, но он её не менял, и иногда, думая, что когда-нибудь придётся сменить эту клячу, по-настоящему расстраивался, не только потому, что привык к ней, дорожил и любил её – единственного товарища по воровским вылазкам, но и потому, что кляча одним взглядом, жестом понимала, чего хочет, чувствовала, что будет делать Джафар. Самое поразительное, лошадь была словно человек, она становилась как бы аксакалом угнанных коней, успокаивала их, а в резвости порой не уступала молодым рысакам, и это, конечно же, было результатом любви и постоянного ухода за ней Джафара.

Село Сумахлы, в котором проживала семья Джафара, было расположено на склоне гор, в лесистой местности, где на каждом шагу клокотали родники. Вода и воздух на селе были настолько чисты и прозрачны, что всякий раз, когда Джафар, сев на свою клячу, отправлялся за очередной добычей в низину, ему словно не хватало воздуха, его мутило от речной или колодезной воды. Джафару казалось, что на равнине и его старая кляча переживает те же страдания, что и он сам. Но что было делать? – в том прекрасном селе Сумахлы его поджидала семья, и, подобно тому, как дикие звери несут добычу своим детёнышам, так и Джафар должен был вернуться в своё прекрасное село с угнанным конём.

Сложенный из сырого кирпича дом Джафара был первым при въезде в село, и как только он пригонял очередного коня, тут же – Аллах знает, откуда они это узнавали, – набегали те самые спекулянты-перекупщики, и кто оказывался первым, тот и уводил коня. Джафар не любил набивать цену, подолгу торговаться. На селе шли и такие разговоры, будто пара карабахских гнедых, в своё время угнанных Джафаром, была продана покупателям – русским, а российский падишах, мол, подарил их падишаху английскому. Было ли это так или нет – этого никто не знал, даже единственный грамотный человек на селе Молла Зульфугар говорил: «не верится мне в эти байки, сомневаюсь, чтобы падишах такой огромной страны как Россия, не найдя ничего посущественней для подарка английскому падишаху, отправил ему коней, ведь русский падишах богаче, чем все наши беки и ханы вместе взятые», однако в тех случаях, когда Джафар пригонял по-настоящему породистых карабахских коней, о них сразу становилось известно всему селу: и стар, и млад, в том числе и Молла Зульфугар, торопились полюбоваться этими скакунами. Особенно весной или летом, когда село заливало солнцем: золотисто-рыжая масть карабахских коней в чулках, со звёздочками на лбу сияла под лучами солнца, а грива и покрасневшие на концах хвосты переливались различными красками; казалось, это сияние, эта игра цветов привно-

сили радость какой-то прекрасной, далёкой от этого села родины этих коней, и все жители села, исключая Джафара, не сомневались в прекрасности того мира. Кони, что пригонял Джафар, были героями единственных представлений, привносящих некий обновленный интерес, волнение в привычную, повседневную жизнь села, и чем привлекательней и ретивей они были, тем сильнее наполняли души жителей села Сумахлы особой гордостью: именно эти карабахские скакуны оказались в их селе, они те самые, что мог подарить – хотя Молла Зульфугар сомневался в правдивости этих разговоров – русский падишах падишаху английскому.

После прихода русских войск дела Джафара заметно облегчились, ибо не было необходимости отправляться куда подальше, с другой стороны, стало проще приручать украденных животных: они, как правило, ещё не привыкли к своим новым хозяевам и друг к другу, так как или были конфискованы русскими, достались в качестве трофея, а, может, куплены за деньги у азербайджанских беков или грузинских князей, но были и особо редкие породистые скакуны, которые дарились ханами, известными князьями и беками русским вельможам, но с ними Джафар предпочитал не связываться. Правда, угонять коней из русского военного лагеря было намного опасней – солдаты бдительны, всегда начеку – но Аллах оберегал Джафара, всякий раз он возвращался живым и здоровым на своей кляче вместе с уведённым конём, конечно, если смотреть в корень, Аллах не должен был защищать вора, но, видимо, в этом случае объектом милосердия Аллаха был не сам Джафар, а его шестеро дочерей, ждущие дома, и мать тех самых шестерых дочерей.

Но, оказалось, подобное милосердие Аллаха не было вечным, и в то весеннее утро русские солдаты, поймав Джафара, сняли с него портки, и, усадив на спину понастоящему плешивого ишака, перевязали веревкой по бокам ишака его ноги и голени, а также руки за спиной и, смеясь и от души веселясь, крикнув: – Пошёл! – крепко пнули животное под зад.

И уже более двух часов усаженный на плешивого ишака Джафар мог уповать только на Бога, думая, куда приведёт его эта скотина, а плешивый ишак, уже пришедший в себя после полученного крепкого пинка, спокойно шёл своей дорогой, и сколько бы Джафар ни думал, никак не мог найти выход из создавшегося положения, к тому же с каждым шагом осла жёсткая шерсть животного впивалась в оголённую ниже спины часть тела Джафара, колола его голени, ягодичи... Но ничего поделывать было невозможно, его перевязали так надёжно, что он не мог даже пошевелить ногами или руками. Прежде, всякий раз, когда он ехал угонять коней, на пути ему часто попадались всякие бродяги, но на сей раз ни один из них не встретился, чтобы спасти его от этого позора или хотя бы, дав ему по голове булыжником, уже увели даже этого плешивого пшака.

Плешивый ишак ещё какое-то время шёл по потрескавшейся от безводья равнине, затем такой же неторопливой поступью стал взбираться на встретившуюся по пути гору.

Под обжигаящими лучами солнца от жажды у Джафара пересохло в горле, но не меньше страданий приносило ему и то, что его кляча осталась у русских, даже в такой кошмарный день, весь перевязанный по рукам и ногам, Джафар не мог забыть её, и каждый раз, думая, что русские солдаты зарежут и съедят клячу, на его глазах выступали слёзы. В том, что солдаты зарежут и съедят лошадь, Джафар несколько не сомневался: русские не станут ездить на ней, не пристегнут к арбе.

Плешивый осёл, несущий на себе Джафара, идя по одинокой тропе по одному

из склонов горы, наконец, выбрался на площадку, откуда в разные стороны разбежались несколько троп, ступив на одну из них, стал уверенно взбираться вверх.

Поначалу Джафару думалось, что животное не знает, куда бредёт, но, оглядываясь по сторонам, понемножку начал волноваться, и как только осёл, которому было на всё наплевать, опустив морду, осторожными шажками вышел на узкую тропинку, что висала по краю обрыва, у Джафара не осталось сомнения: это та самая тропа, которая приведёт прямо к околице его родного села.

Уезжая из села, Джафар никогда не пользовался этой узкой тропинкой, по обе стороны которой был крутой обрыв. По ней, относительно короткой тропинке, ведя на поводу навьюченных ослов, крестьяне везли на продажу в равнинные сёла дрова, сыр в бурдюках, мёд, фрукты, а возвращались, отоваренные мукой, рисом, сахаром, кое-какой одежкой.

Хорошо знающий своё дело плешивый осёл осторожно поднимался вверх по краю отвесного обрыва, и вдруг Джафара обдало холодным потом так, что влажная рубашка прилипла к спине, и холод этой влажной ситцевой рубашки с подобным же холодным страхом заставил Джафара содрогнуться: тропинка вела прямо в сторону его дома, они доберутся туда ещё до наступления сумерек, в такое время его дочери, как всегда, во дворе – малышня играет, а те, что постарше, заняты каждая своим делом – или стирают бельё, или, окружив тендир, помогают матери выпекать чурек, или Бог знает ещё чем – как известно, по дому всех дел не переделаешь.

И когда Джафар представил себе, что дочки увидят его в подобном виде, со свисающими меж ног причиндалами, у него потемнело в глазах, он со всей силой сжал коленями бока животного, крича: – Стой!.. Стой, ишак, сын ишака! – пытаюсь остановить, каким-то образом заставить его повернуть назад, но плешивый осёл всё так же медленно двигался по той же узкой тропинке, ненадолго останавливался, встретив на дороге кусты чертополоха и чего-то ещё, пожевав, не обращая внимания на метания, крики своего седока, снова продолжал свой путь.

За всё это время Джафар видел среди кустов три или четыре сброшенные змеиные кожи, и подумал, что было бы хорошо, если им повстречалась змея, она бы ужалила осла, заставила упасть, свалиться в пропасть, ладно, пусть он сам останется под ослом, сгорит, превратится в пепел под этим палящим горным солнцем, но, как-то, в этот день даже змеи отвернулись от конокрада Джафара.

Если Аллах хотел наказать Джафара, стоило ли ждать столько времени – ведь для этого было столько возможностей! – убил бы его, не убил, так наслал тяжкую хворь, превратил в калеку, заставил принять покаяние. Отчего Аллах двадцать лет создавал условия, чтоб он занимался воровством? Для того, чтобы подвести его к такому позору?

Опустив голову, Джафар посмотрел на свои срамные места, и ему показалось, что волосы на голове стали дыбом, словно шило скорняка. Джафар пытался раскачиваться из стороны в сторону, кричал, матерился, но всё это никак не действовало на плешивого осла, напротив, судорожные движения седока словно указывали: «иди чуть быстрее!», и он уже двигался не медленно, как прежде, а сравнительно скоро по этой узкой тропинке.

С глубокого скалистого обрыва словно поднималась волна страха, она объяла Джафара чёрной тучей, наклонив голову, он глянул в обрыв, дно которого не проглядывалось, и в его мозгу пронеслась мысль: если Аллах поставил его перед подобным испытанием, пусть будет так, пусть оставшиеся без кормильца его дочери

спустятся вниз, на равнину, станут побирушками, хуже того – непотребными девками – вина во всем этом на самом Аллахе.

А вдали уже стали темнеть очертания села.

Объятый ужасом Джафар снова опустил голову, вновь посмотрел на свои срамные места и, собравшись с силами, крича, сжимая ноги, колени, попытался повернуть осла обратно, вспять, и снова плешивый осёл от этих попыток седока, его безумного крика ещё больше ускорил шаг.

Стал виднеться и первый дом на околице села, выбившийся из сил Джафар отвёл глаза от своего срама, поднял голову, увидел тот первый дом на краю села, затем с безумной силой бросил своё тело налево, к пропасти; не ожидавший подобного толчка плешивый осёл, потеряв равновесие, ревя, вместе с Джафаром слетел с тропинки, свалился на дно пропасти...

* * *

...Река Кура текла тихо, неспешно, и на берегу этой медленно текущей реки сидела женщина и напевала сквозь губы, а затем уже вполголоса одну из печальных песен того видимого измерения, в её голосе было столько горечи и печали, что, казалось, и Кура текла столь спокойно, чтобы вслушиваться в этот горестный и печальный напев.

И ОН уже знал, что та женщина – мать Вахтанга Потцихашвили.

Правда, для НЕГО в том видимом измерении не было проблем с языком, ОН с одинаковым ощущением воспринимал все слова, но в этот момент в ЕГО прозрачной и невесомой субстанции родилось удивительное чувство: ОН хотел понять ту песню, которая пелась на берегу медленно текущей Куры, на том самом языке, на котором напевала та женщина, но это было невозможно, и это ощущение исчезло, пропало точно так же внезапно, как и родилось...

22

Когда комендант лагеря Гурд Керим, покрутив большими, грубыми пальцами левый кончик длинных усов, гневно покусывал их, его глаза краснели, и все присутствующие сразу понимали, что может пролиться кровь, но единственным созданием, что не боялось, не страшилось Гурд Керима, была Дочь Рыжего Чабана.

В тот день, когда Аббас Мирза сказал сам себе – достаточно, и Евнух Абдул Рахман получил указание, чтоб Дочь Рыжего Чабана убрали из шатра Наследника, девушка проявила такое бесстыдство, подняла такой крик, что наложницы и служанки никак не могли вывести её наружу. Когда, услышав эти крики и вопли, Евнух Абдул Рахман поспешно вошёл в шатёр, дочь Рыжего Чабана с нечеловеческой силой вырвалась из рук державших её, стремительно бросилась на скопца, расцарапала ногтями, содрала кожу его лица, шеи, безволосой груди.

Слышавшие этот тарарам сарбазы не осмеливались без разрешения войти в шатёр Принца, но как только евнух Абдул Рахман своим тонким голосом в ужасе позвал их на помощь, они бросились в шатёр, еле-еле оторвали Дочь Рыжего Чабана от скопца. Весь в крови, Евнух Абдул Рахман не осмелился без разрешения Наследника наказывать Дочь Рыжего Чабана, по поручению скопца девушку до времени отравили и заперли в тесной деревянной камерке, где хранили воду, рядом с лагерным

сараем.

Казалось, в ту деревянную каморку заключили не человека, а дикое необузданное животное – Дочь Рыжего Чабана руками, зубами, ногтями пыталась снести, разрушить деревянные стены, дверь, чтобы вырваться наружу. В том сарае содержали овец для нужд войск и доносящиеся оттуда запахи, бляение животных словно возвращали Дочь Рыжего Чабана в прошлое, в прежнее, и когда девушка вспоминала дни, проведённые с теперь уже ненавистным ей Аббасом Мирзой, она никак не могла смириться с этой холодной, тёмной, пахнущей сыростью и овцами каморкой, ударяя по её стенкам, вместе с ударами своих кулаков, она слышала и биение собственного сердца.

Именно в тот день, когда по пути в Тегеран Принцу показали Голову, мысленно мечтающий о самых страшных пытках на свете, которым будет подвергнута Дочь Рыжего Чабана, Евнух Абдул Рахман, улучив момент, поведал Аббасу Мирзе о случившемся. Принц глянул на исцарапанные в кровь щёки, шею скопца и сказал, улыбнувшись еле заметной улыбкой:

– Передай её в подарок Гурду, – затем, отведя глаза от оставшегося стоять с открытым ртом от услышанного Евнуха Абдул Рахмана, добавил: – Только предупреди: пусть не обижает девушку.

Гурду – то есть коменданту лагеря Гурд Кериму.

И в тот же вечер Дочь Рыжего Чабана была выведена из деревянной каморки рядом с армейским сараем и оказалась в шатре Гурд Керима. Вернувшись в лагерь после поездки в Тегеран, куда он отвозил Голову, чтобы продемонстрировать её Фатали-шаху, Гурд Керим узнал о замечательном подарке Принца и воспринял это как знак особого к нему благоволения.

Гурд Керим придерживался мысли, что в душе Аббаса Мирзы таятся два существа: одно из них – Ангел, другое – Дьявол, и когда Принц, перейдя со своей армией Аракс, разбил лагерь на равнине Харамы и назначил Гурд Керима комендантом лагеря, они, то есть Аббас Мирза и комендант лагеря Гурд Керим, общались почти каждый день, но ежедневное общение с правителями было делом опасным и редко кончалось добром. Дьявол внутри Наследника понемногу брал верх над Ангелом, и никому и не приходило в голову, какой ужас порой охватывает Гурд Керима, когда он задумывается об этом.

Дочь Рыжего Чабана никоим образом не подпускала к себе Гурд Керима, больше того, всей душой ненавидела его. Большой волосатый живот, свисающие вниз, заросшие брови, крашенные в чёрный цвет усы и волосы Гурд Керима – этого уродливого и огромного мужчины после Аббаса Мирзы были для дочери Рыжего Чабана самыми отвратительными животом, усами, бровями, волосами на свете, и когда взамен нежных, умелых пальцев Аббаса Мирзы её пытались коснуться толстые и грубые пальцы коменданта, Дочь Рыжего Чабана, казалось, обретала ещё большую силу, с яростным упрямством отталкивала от себя Гурд Керима.

Уже столько времени Дочь Рыжего Чабана снедало одно единственное желание, каким-то образом вновь повидаться с Аббасом Мирзой, приникнуть к его груди, чтобы страсть снова заставила трепетать их, а после, когда Аббас Мирза провалится в сон, вытащить спрятанный под матрацем острый кинжал и вонзить его по самую рукоятку в сердце принца, отомстить ему за его предательство – Дочь Рыжего Чабана справедливо считала эту разлуку и то, что её передали в качестве дара Гурд Кериму – предательством.

Гурд Керим никак не мог сломить сопротивление этого прекрасного дара, даже когда она засыпала, как только его рука касалась её, она тут же вскакивала, снова пускала в ход острые зубки и ногти, её крики оглашали весь лагерь, но странное дело, как только эта девушка, которую он никак не мог приручить, пускала в дело напоминающие ястребиные когти свои ногти, плевалась, драла его за волосы, кусала руки, Гурд Керим всё больше привязывался к этому извергающему огонь прелестному созданию.

Гурд Керим не хотел применять насилие, не только потому, что влюбился, словно несмышлёныш, в Дочь Рыжего Чабана, но и потому, что Евнух Абдул Рахман, вопреки желанию, передал ему наказ Наследника:

– Господин комендант, его величество пожелали, чтоб вы заботились об этой девушке.

А эта девушка, чьи волосы уже растеряли прежний золотистый блеск и превратились в просто рыжие, всё ещё не была даром, а заточённой в клетку раненой львицей, и уже который день, живя той самой разрывающей сердце мечтой, она, казалось, понемногу теряла рассудок...

...Прошло какое-то время – год, два или три? – сумевшая как-то выбраться из охраняемого шатра такого громила, как Гурд Керим, и добравшаяся до Тегерана, голодная и неприютная Дочь Рыжего Чабана, целыми днями бродя по улицам Тегерана под свист и улюлюкание уличных мальчишек, прогонявших, бросавших в неё камни, по ночам приходила на городские базары, а там сторожа лавок, амбалы, дворники, каждый, завлекая её куском хлеба или мяса, заводил её в одну из лавок, уложив на землю, приподнимал подол её рваной юбки, делал своё дело, выходил из лавки, передавая её следующему, а она, всякий раз говоря: – Мой Аббас Мирза!.. Мой Аббас Мирза! – пылко обвивала нового клиента, будто вьюн.

Порой Дочь Рыжего Чабана охватывало сомнение, и тогда, внимательно посмотрев на очередного мужчину, что торопливо сняв штаны, пытался овладеть ею, огрубевшей ладонью ещё не потерявшей силы руки отталкивая его, она спрашивала:

– Разве ты не Аббас Мирза?

Мужчина боязливо оглядывался по сторонам тёмной лавки и на всякий случай, чтобы никто не слышал, шёпотом произносил:

– Да, я – Аббас Мирза.

– Аббас Мирза? – переспрашивала Дочь Рыжего Чабана.

Мужчина, торопясь и задыхаясь, шептал:

– Да!.. Да!..

И тогда Дочь Рыжего Чабана с ещё большей страстью и желанием прижимала мужчину к своим, уже потерявшим упругость и свисающим, словно торбы, грудям.

* * *

... Над ущельем летала стая стервятников. А на дне пропасти, на крупных речных валунах лежали останки плешивого осла и опоясанный верёвками труп.

И ОН узнал труп того конокрада. Страдание в открытых глазах кавказца, вокруг которых расплозились муравьи, словно хотело, преодолев, пробить расстояние, проникнуть в ЕГО бесплотную и невесомую субстанцию.

Но это ощущение в тот же миг исчезло.

И вдруг ОН осознал, что ЕГО миссия в том видимом пространстве уже завер-

шена.

Он осознал это, но в чём заключалась эта миссия, какое значение, какую цель имела, этого он никак осознать не мог и интуиция-информация в ЕГО субстанции в этот миг была совершенно беспомощна.

... И целая стая стервятников, совершив несколько кругов, спикировала на дно обрыва, села на крупные речные валуны и с ненасытной алчностью стала торопливо клевать и разрывать сначала самые нежные части ослиной падали и трупа – глаза, срамные места, затем кожу живота...

23

Письмо князя П.Д.Цицианова графу Н.А.Тимофееву-Богоявленскому

«Санкт-Петербург.

Графу Н.А.Тимофееву-Богоявленскому.

Дорогой Николай! Мой любимый брат!

До меня дошла весть, что твоё состояние ухудшилось, но слава Создателю, заботами несравненной Ольги Михайловны ты вышел из кризиса. Забота Ольги Михайловны о тебе – достойном и славном генерале, настоящем русском воине, – по сути, служение всем нам, всей русской армии, матушке-России.

Эти слова, быть может, звучат несколько пафосно, но это меня не коробит, я не гнушаюсь этого пафоса, так как это – правда.

До вступления нового – то есть 1806 года – осталось всего четыре дня, и я поздравляю тебя и дорогую Ольгу Михайловну в связи с Новым Годом и желаю вам счастья. Вы так славно прожили в этом нашем непростом мире, что счастье само в долгу перед вами, и оно призвано вернуть вам этот долг. Ордена на твоей груди не бутафорские, как у многих, они – свидетельство бесстрашия и героизма русского солдата, готового отдать свою жизнь во благо Отечества.

В своём письме ты обижаешься, что я не описываю во всех подробностях происходящие здесь события, ведь ты желаешь прочувствовать Кавказ, в том числе, Закавказье. Дорогой друг, любые детали беспомощны высветить колорит, стремительный калейдоскоп происходящих событий, так как подробности и характеристика этого края и событий вовсе неоднозначны. Это край героизма и одновременно лицемерия, мужества и продажности, здесь есть глубокое философское мышление и примитивное сознание, огромные культурные традиции и мракобесие, невежество. Здесь из-за понятий чести отец может прирезать кинжалом дочь, брат – сестру, сын – мать. Здесь пятнадцатилетний юнец может убить человека из-за одного матерного слова. Здесь молодая и прекрасная девушка, спрятав в складках платья маленький кинжал, может отомстить за отца или брата. Здешние горы, леса, сады, мой дорогой друг, пленительней, чем в Швейцарии. Родниковые воды столь же чисты и прозрачны, как воздух гор, лесов и парков. С одной стороны – это сказочный мир, с другой – арена реальных и кровавых событий, далёкая от всякой романтики.

Я наконец приступил к походу на Баку и пишу это письмо тебе в палатке в Мильской степи, относящейся к Ширванскому ханству. Здесь я подхватил гнусную лихорадку – тут даже хвори настигают внезапно – но, конечно же, она не скажется на моей решимости и не может повлиять на мою историческую ответственность перед державой.

Я уже писал тебе, что такое для нас Бакинское ханство, и не хочу утомлять тебя снова, говоря о том, какое значение будет иметь вхождение Бакинского ханства в состав нашего государства. К сожалению, десять лет тому назад, по известным тебе причинам, мы не смогли остаться здесь и закрепиться. Если бы мы сделали это тогда, в нынешнем походе нужды бы не было, и Баку превратился бы в наш основной военный и торговый порт на Каспии, удовлетворяя все наши потребности в горячем, мы экспортировали бы на весь мир нефть, которая здесь бьёт фонтаном буквально на каждом шагу.

Я использую все возможности, чтобы мы взяли Баку бескровно – путём переговоров. Правда, здешний Гусейнгулу-хан постоянно маневрирует: то флиртует с Каджарами, то братается с нами, то тайно налаживает контакты с Османами, но нельзя маневрировать бесконечно, пришло время поставить точку, и я думаю, что прижатый к стене Гусейнгулу-хан осознает, что у него нет иного выхода, как перейти в наше подданство. Он не станет, подобно Джавад-хану, взявшись за меч, идти на погибель, для этого у него нет ни средств, ни дерзости, да и, надеюсь, ума побольше.

Коля, я уже стал специалистом по Баку. Я написал письмо директору библиотеки Академии наук господину Шуберту, прося помочь мне в получении сведений по истории Баку, он милостиво не отказал мне в просьбе и прислал множество материалов. Баку в последние столетия часто переходил из рук в руки – то к Османам, то к Сефевидам – не только христиане-европейцы ведут меж собой бесконечные и жестокие войны. К сожалению, мы дважды упускали из рук Баку и всякий раз, вспоминая это, я переживаю чувство глубокого огорчения. В 1722 году генерал Матюшкин¹ сумел, не проливая крови, захватить Баку, князь Барятинский² был назначен комендантом города, но император³ скончался, а к тому же ещё тут на арену вышел Надир, и мы были вынуждены оставить Баку. Второй раз – этот случай ты знаешь лучше – мы захватили Баку, но после смерти её величества⁴ наши войска были отозваны... Это было непостижимо, я не хочу писать об этом факте – ты и без того сам всё хорошо знаешь... Во время смуты, возникшей после Надира, во всём Азербайджане образовались независимые ханства, среди них для нас самое большое значение имеет как со стратегической, так и экономической точки зрения Бакинское ханство.

У населения Бакинского ханства существует панический страх перед Россией, а основу этой боязни, страху положил преступник и пьяница Стенька Разин. Он со своими разбойниками напал на Абшерон – это полуостров, на котором расположен Баку, и хотя после того набега прошло 150 лет, бакинцы до сих пор не забыли бесчинств, которые он творил. Десять лет тому назад, – как быстро бежит время, Коля! – я сам был свидетелем страхов бакинцев, но мы, разумеется, не станем потакать чьим-то страхам и капризам. Баку будет первой нашей большой победой в 1806 году, и я сразу же отправлю тебе поздравительное письмо. На сей раз ханство навсегда войдет в состав России. И Османы, и Сефевиды получают благодаря Бакинскому порту большую прибыль, лишь осуществляя транзит и торговлю шёлком, я ещё не говорю о нефти, соли и прочих промыслах.

Несмотря на все трудности, год в отношении Азербайджана оказался для нас

¹ Матюшкин М.А. – русский полководец, командующий русской армией во время "персидского" похода Петра I

² Барятинский И.Ф. – русский военный и государственный деятель, генерал-аншеф, впоследствии являлся генерал-губернатором Москвы.

³ Имеется в виду Петр I.

⁴ Имеется в виду Екатерина II.

удачным, весной мы приобрели, не пролив крови, такое большое и весомое ханство Азербайджана, как Карабах. Значение этого приобретения также огромно.

С востока Карабахское ханство охватывает Елизаветполь (бывшая Гянджа), а само оно – удобный плацдарм для захвата и постоянного удержания в руках всего Северного Азербайджана, включая Эриванское, Бакинское, Кубинское, Дербентское ханства. Взятие Шушинской крепости – столицы Карабаха, истинной обители орлов, доказало каждому азербайджанцу, особенно карликовым правителям-сатрапам, что славная русская армия непобедима, и противиться её мощи невозможно. Сразу после Карабаха российское подданство принял Шекинский хан Селим, а на днях договор о присоединении к России был вынужден подписать Ширванский хан Мустафа.

Ибрагим Халил – Карабахский хан – человек умный, опытный, как и все кавказские правители, изворотлив, хитёр, раздаёт направо-налево обещания, но если его по-настоящему не поприжать, не выполняет ни одно из них. Не прожигатель жизни, истинно государственный человек. В своё время Каджары так надавили на него, что ради защиты ханства он выдал свою дочь Агабегим – говорят, и она прекрасная поэтесса – за Фатали-шаха. Дядя Фатали-шаха по отцу – Ага Мухаммед-шах – тот самый, что после Надира смог захватить власть и стал основателем нынешней династии Каджаров – дважды шёл походом на Шушу. Первый раз одолеть Шушинскую крепость ему не удалось, разъярённый, он повёл войска на Тифлис. Зверства, которые он там учинил, до сих пор заставляют содрогаться грузин. Во второй раз – восемь лет тому назад – в 1797 году, ему все же удалось захватить Шушинскую крепость. Ибрагим Халил-хан бежал, но в ту же ночь, в Шуше, во время сна шах – этот свирепый властитель – был убит своими же охранниками.

Мне рассказывали удивительную историю: один из прославленных азербайджанских поэтов был визирем Ибрагим Халила, в своё время в знак почтения он отправил незабвенной императрице Екатерине украшенный драгоценными камнями – настоящее произведение искусства – посох, и что автором оскорбительных писем, которые Ибрагим Халил-хан посылал Мухаммед-шаху Каджару, был всё тот же визирь. Шах ночью арестовал, бросил его в темницу, решив утром казнить, сказав при этом, что с удовольствием будет присутствовать при казни, но той же ночью шах сам был убит, а визирь остался жив.

Говорили, что заговорщики отрезали голову Мухаммед-шаха – здесь подобные зверства случаются – хотя гильотина сюда ещё не добралась, а Ибрагим Халил возвратился в Шушу, сел на свой трон и совершил такой дипломатический ход: торжественно отправил голову шаха вместе с телом в Тегеран. В Тифлисе мне сказывали, что одним из организаторов убийства шаха был сам Ибрагим Халил-хан, я допускаю это, здесь никому доверия нет, завтра, если подвернётся случай, они отсекут и мою голову, а затем с огромной – и лживой! – печалью и помпой отправят мои останки в Петербург.

Такие вот дела.

Всё в руках Господних.

Но на сегодня Господь возлюбил нас, и мы без потерь и кровопролития смогли обратить Карабах в одну из провинций России.

Как и во всём мире, в Азербайджане, и в целом в Закавказье, роль женщин велика.

Ибрагим Халил-хан старался обмануть нас, давая ложные обещания. Его жена Джавахир – дочь известного грузинского князя Евгения Абашидзе – выйдя замуж,

она приняла мусульманство – опасаясь Каджаров, тайком прислала мне письмо, советуя решительней давить на Ибрагим Халил-хана, требуя принять российское подданство. Я отправил соответствующее требование, и в том, что мы без всякого кровопролития овладели Карабахом, видимо, сказалось немалое влияние на мужа Джавахир-ханым.

В мае этого года мы провели церемонию приведения к присяге Ибрагим Халил-хана, Карабахское ханство приняло российское подданство, обязалось ежегодно выплачивать в российскую казну восемьдесят тысяч рублей золотом, а главное, расквартировали в Шуше российский гарнизон в 500 солдат. Взамен мы обязались обеспечивать территориальную целостность Карабахского ханства, а также сохранение навечно власти Ибрагим Халил-хана и его наследников. Но это, ясное дело, для нас пока обязательство первичного варианта. После того как под российским подданством в Карабахе установятся мир и стабильность, всё образуется само по себе. Ибрагим Халил-хан указом императора получил звание генерал-лейтенанта, а его сын – генерал-майора, вот и они пополнили ряды наших бумажных, паркетных генералов. Немного смешно, не так ли?

Я назначил майора Лисаневича – верного родине и его величеству императору патриота и решительного офицера – командиром Шушинского гарнизона и одновременно военным комендантом города. Всё ещё сомневаясь в надёжности Ибрагим Халил-хана, я поручил майору быть предельно бдительным и, если понадобится, безжалостным по отношению к «генерал-лейтенанту».

Сейчас моя основная проблема – вопросы снабжения и финансы. Я не хочу, чтобы наше финансовое обеспечение полностью ложилось на Санкт-Петербург. Стараюсь понемножку перекаладывать часть этих забот на плечи местных правителей, но они исключительно скупы, рядом с ними венецианский Скупой и Гарпагон – щедрые, расточительные люди.

Знаешь, не в моих правилах вспоминать своего предшественника всуе, но Карл Фёдорович Кнорринг развратил азербайджанских ханов, бесчисленных грузинских принцев и царьков, пытался, задабривая подарками, перетянуть их на нашу сторону. Они с удовольствием принимали подарки Карла Фёдоровича, похваливали, говорили о симпатии к России, но исподволь делали свои дела, как правило, направленные против России. Не мы должны задабривать их, а они обязаны платить нам дань, обеспечивать армию продуктами и гужевым транспортом.

Знаешь, сколько мне пришлось уговаривать Ибрагим Халил-хана передать нам десяток коней знаменитой карабахской породы для конюшни его величества, но добиться этого не смог, пришлось приобрести их за счёт подати. То же и с шекинским ханом, и он передал нам партию замечательного шекинского шёлка и вытканые из шёлка ковры для отправки в Петербург за счёт подати. Конечно, это временное явление, пока я не хочу особо прибегать к давлению, пугать их прежде времени. Эти господа привыкли не давать, а брать. К сожалению, подобных немало и среди наших чиновников в Петербурге, но это уже предмет особого разговора.

Куда бы ни бросала меня судьба, с каким бы народом или нацией ни сталкивался, я всегда убеждался в величии и уникальности русского духа. Насколько велика территория России, настолько широко её сердце. Но думаю, ты верно поймёшь меня, на этом диком Кавказе добиться чего-то открытостью русской души, гуманизмом русского духа, веротерпимостью – невозможно. Я освободил Грузию от всех царских диконастий, я принес в жертву дикарям такого славного генерала, как Лазарев, но что с

того? Ты считаешь, что там царит спокойствие? Как бы не так! Почти каждый месяц раскрывается новый заговор: Османы или Каджары, отыскав какого-нибудь приبلудного принца, скрывающегося в дагестанских аулах, находящегося под покровительством горцев, стремятся посадить его на трон. Погляди, куда зашли дела, если в прошлом году один из грузинских принцев – Александр – уговаривал Фатали-шаха двинуть войска на Тифлис, примкнув к эриванскому Мухаммед-хану, собрав кое-какие силы, он пытался воевать с нами. Но генерал-майор Тучков в пух и прах рассеял этот сброд, Александр бежал, как заяц, затаился где-то, теперь мне доносят, заискивает перед Аббасом Мирзой, надеется на его помощь. Представь, другой грузинский принц, приняв мусульманство, тоже пытался действовать рука об руку с Османами.

Не знаю, слышал ли ты или нет: ряд грузинских царей приняли ислам, сменили имена, Ростом стал Хосров Мирзой, Ираклий – Назарали-ханом, я говорю лишь о тех, кого припоминаю. Разумеется, многие из них сделали это вынужденно, но, во всяком случае, эти факты о чём-то говорят, и мы не должны оставлять их вне внимания.

Какое-то время мы обязаны маневрировать, выжидать, но в принципе с кавказцами следует говорить только и только языком силы.

Конечно, пройдёт время, изменятся и здешние люди, всё более укрепляющиеся традиции русского просветительства скажутся и на них, и тогда они убедятся, что Россия состоит не только из генералов и солдат. Посредством России они откроют для себя Европу, воспримут европейские духовные ценности, приобщатся к культуре, науке. Но, Коля, мой дорогой друг, не скрываю, думая обо всем этом, но не убежден – хорошо это или плохо? А что произойдет потом? Сегодня Азербайджан разбит на мелкие ханства, по инерции раздроблена Грузия, мы объединяем их в составе России, а кто может поручиться, что завтра они, встав на ноги, не заявят: отчего бы и нам не быть самостоятельными государствами? Отчего бы и нам не вступить в ряд независимых стран? Когда я думаю об этом, честное слово, не нахожу себе места.

Но, Николай, мою душу гложет и иное беспокойство, и оно, это беспокойство связано не с Кавказом: сколько ещё войн будет вести в Европе Бонапарт? До каких пор он будет довольствоваться заключением половинчатых договоров о мире? Не придёт ли день, когда Бонапарт поймёт, что, не одолев Российскую империю, не раздробив её на мелкие марионеточные королевства, герцогства, полностью покорить Европу невозможно? И что произойдёт, если, собрав все силы, он осуществит поход на нас? Готовы ли мы к этому? Бонапарт – не Фатали-шах или Султан Селим. В то же время не уступит им в двуличии и вероломстве, ни одному его слову верить нельзя.

После Аустерлица во мне возникло определенное чувство пессимизма. Лишь бы Создатель развеял мои опасения. Лишь бы не поставил нас лицом к лицу с дерзкой заносчивостью баловня судьбы Бонапарта. Но уже сейчас мы должны иметь в виду подобную вероятность, всеми силами готовиться к ней. Не знаю, поступил ли верно или нет, но некоторое время тому назад я написал лично его величеству об этих своих мыслях, опасениях. Знаю, некоторые хорошо известные и тебе чиновники в очередной раз будут шушукаться: снова, мол, князь Цицианов, поверх наших голов, обращается к императору с вопросами, не имеющими ему касательства. Пусть! Но я чист перед своей совестью, и если речь идёт об интересах страны, нет вопроса, который не имел бы ко мне отношения. Ибо я – рядовой солдат державы и таковым буду всегда.

Впереди нас ожидает 1806 год, и я всем сердцем желаю, чтоб несмотря на все трудности, этот год стал наиболее успешным для России. Чтоб Бог отвел беды от

нашей родины.

Не знаю, слышал ли ты или нет, но до меня дошли слухи, что его величество после Аустерлица подумывает отозвать меня в столицу, чтобы использовать на европейском военном направлении. Разумеется, интересы России в Европе предельно важны, для меня было бы честью защищать силой оружия эти интересы, но с тех пор как до меня дошли эти слухи, каждое утро молюсь, чтобы мне не была предложена самая высокая должность, пока окончательно не покорю этот дикий край. Мне кажется, что превращение на веки вечные Закавказья в часть империи – моя основная миссия на этом свете. Именно с этой целью Создатель направил меня в этот край и даст мне люфт, чтобы я в полной мере выполнил эту миссию. Аминь!

Я готов до конца жизни сражаться здесь, а также заниматься созидательными делами. Но умереть здесь не желаю. Когда-нибудь, после завершения здешних дел, я хотел бы быть похороненным в Петербурге, и там с одной из его возвышенностей всегда глядеть на эти места.

Ты всегда говорил, что тайны жизни открываются нам после того как умрём, уйдём в иной мир. Если и вправду это так, я хотел бы, глядя из того, иного, мира на родную Россию, видеть, что она расширилась территориально, стала обладать более высокой культурой и наукой, что она продвигается навстречу будущему ещё более стремительно и мощно. И тогда, мой дорогой брат, дорогой и любимый друг, в том ином мире, о котором ты говорил, не будет человека счастливее меня.

Обнимаю и жму твои руки.

Прошу передать Ольге Михайловне мои самые лучшие пожелания и что я, как всегда, её очень люблю. Пока, до моего поздравительного письма в связи с нашей окончательной победой над Баку.

Твой

Павел Цицианов.

27 декабря 1805 г.

Азербайджан.

Мильская степь.»

* * *

...В том видимом измерении была полночь...

Держа в каждой руке по пистолету, майор Лисаневич вбежал в залитый лунным светом двор летней резиденции Ибрагим Халил-хана, и, открыв огонь по растерявшимся от внезапности охранникам, челяди, крикнул:

– Стреляйте в них!.. Рубите!.. Этим предателям нет пощады!.. Рубите их!..

Заполнившие вслед за Лисаневичем двор солдаты, войдя в раж, расстреливали, пронзали штыками проснувшихся, мечущихся в ужасе по двору, коридорам, лестницам, молящих о пощаде мужчин, женщин, детей.

ОН не хотел слышать плача детей, вскриков женщин, но это от НЕГО не зависело, эти плачи, эти вскрики стали откровенно душить свободу, самостоятельность ЕГО бесплотной и невесомой субстанции, словно хотели вывести, отстранить ЕГО от этой бесплотности и невесомости, но ОН ничего не мог поделать.

Майор Лисаневич стремительно взлетел по ступеням лестницы, ворвался на веранду второго этажа.

Вышедший из спальни в ночной рубашке Ибрагим Халил-хан оказался лицом к

лицу с майором Лисаневичем.

Мелкие, серые, ещё больше посеревшие при лунном свете глаза майора, казалось, были готовы испепелить хана. «Ну, что, старый лис, – крикнул он дрожащим от ярости голосом, – это ты тайно призывал Аббаса Мирзу в Карабах? Ну и как? Думал, что я не прознаю, подлец?! Где теперь твои Каджары?! Где Фатали-шах? Отчего они не придут и не спасут тебя?!»

И майор Лисаневич, не дав открыть рот хану, чьи глаза от ужаса, казалось, были готовы выскочить из орбит, одним выстрелом уложил Ибрагим Халил-хана на землю и, глядя на хрипящего и истекающего кровью хана, сказал: – Ну, как? Как поживаешь, наш новоиспечённый генерал-лейтенант? Поглядите на этого нашего генерал-лейтенанта! Получай, пустоголовый генерал-лейтенант!..» – И майор Дмитрий Тихонович Лисаневич выстрелил из второго пистолета прямо в сердце Ибрагим Халил-хана...

...затем ОН медленно словно вернулся в своё бесплотную и невесомую субстанцию, и в ней родилась трепетная надежда, что смысл всего происшедшего прояснится позже, если какая-то сила притягивает ЕГО к себе, ОН обязательно туда (куда?) полетит, тогда там всё и прояснится, но то видимое измерение не отпускало ЕГО, словно то видимое измерение не желало, чтоб всё стало ясно, однако...

...но только там (где?) будет ли всё ясно?..

24

Фатали-шах, мягко ступая, приблизился к спальне, а Евнух Абдул Рахман, что стоял у входа, устремив жёлто-зелёные, напоминающие кошачьи глаза, как всегда ждал указаний властителя, но ещё до того, как шах открыл рот, опыт долгих лет подсказал скопцу, что шах задумчив, и эту ночь проведёт один.

И правда, приблизившись к дверям, не глядя, будто и нет такого существа как Евнух Абдул Рахман, шах бросил как бы в пустоту: – Буду спать один, – затем, чуть придержав шаг, добавив: – пусть с утра Акбари-Азербайджани будет здесь и ждёт моих указаний! – прошёл в свою спальню.

Да, таковы гримасы судьбы, вот и конец Наместнику Цицианову.

И в эту зимнюю ночь он вытащил из кармана своего шёлкового халата Коран, поцеловал, поднес по обычаю книгу к глазам, положил её под подушку – этот небольшой, в ладонь, Священный Коран, был переписан Сеидом Мир Багиром Шабрани – любимым переписчиком Ага Мухаммед-шаха Каджара и подарен самим шахом Бабахану; со дня восшествия на престол Фатали всегда носил его с собой, а ложась спать, клал под подушку.

Да, мир полон подобных неожиданных поворотов, ибо сам этот мир – изначальная тайна.

В эту ночь – всего полчаса назад гонцы Аббаса Мирзы привезли весть: Гусейнгулу-хан организовал у ворот Бакинской крепости покушение на Цицианова и отправил отрезанную голову Наместника в Тегеран.

В Тегеран, то есть к нему – Фатали-шаху.

Шах, не раздеваясь, присел на краешек ложа.

Игра теней от свечей на столе посреди комнаты отражалась на стене, и сидящий напротив, глядя на блики, Фатали-шах никак не мог понять, как Гусейнгулу-хан – человек по нраву опасливый, осторожный, как гусь, из тех, что, как говорится, об-

жѣгшись на молоке дует на воду, – мог решиться на столь страшное дело. Весьма возможно, что Гусейнгулу-хан поставлен перед фактом своими же приближенными, но как бы то ни было подобное коварство – сначала объявить, что принимает российское подданство, всячески уверить Наместника в безопасности, а затем организовать на него покушение – всё это было не к лицу Гусейнгулу-хану.

А где были мозги Цицианова, что он отправился за ключами Бакинской крепости один, без сопровождения? – причина, конечно же, не в клятвенных заверениях Гусейнгулу-хана в безопасности, истинная причина – в чванливости, безудержной надменности, спеси, но главное то, что Наместник глядел сверху вниз, чуть ли не с седьмого неба, чуть ли не как небожитель, на все ханства по ту сторону Аракса, на грузинских принцев, дагестанских царьков, в целом на весь люд Кавказа.

Будешь глядеть сверху вниз – таким и станет твой конец.

Но что даст смерть Цицианова, неужели русские, как и тринадцать лет назад, выведут войска? – Фатали-шах улыбнулся этой простодушной мысли: за три с половиной года Наместник сотворил на Южном Кавказе такое, что хоть мир перевернётся, но Россия не станет отводить войска, Цицианов присоединил к России, можно сказать, почти весь тот берег Аракса, разве Александр такой, как его покойный отец, недоумок, чтобы выводить войска, нет, Александр отнюдь не безумен, одна надежда, что новый Наместник окажется беспомощней, слабей, не таким хватким, решительным и дерзким, как убитый Цицианов.

В то время – ровно семь месяцев назад, в весенний день Фатали-шаху сообщили, что его тесть – Ибрагим Халил-хан, приняв российское подданство, сдал Карабахское ханство Цицианову – он воспринял эту недобрую весть, как и другие подобные вести, внешне хладнокровно, чего только не происходило в последнее время, но внутренне был потрясён: Северный Кавказ, как и Грузия, уплывал из рук, принятие Карабахом после гянджинских событий российского подданства откроет настежь, без сопротивления, ворота и других ханств – в этом Фатали-шах нисколько не сомневался, и его предположение подтвердилось: не прошло и месяца, как подобострастно приняло российское подданство Шекинское ханство, без всяких условий Мустафа-хан вручил Цицианову Ширван, и то, что вскоре Бакинское ханство так же безропотно падет в объятия русских, было ясно Фатали-шаху как Божий день: Гусейнгулу-хан не станет подобно незабвенному Джавад-хану бодаться с русскими.

Разумеется, подобное малодушие и ненадежность азербайджанских ханов сказывались на Фатали-шахе, он гневался, порой даже выходил из себя, впрочем, что могли поделаться ханы – они оказались лицом к лицу с таким дьявольским отродьем, как Цицианов, судьба Джавад-хана чёрной горой высилась над ними – на видимую гору проводник не нужен – они видели и то, что русская армия более современна, её управляемость более совершенна, и каким способным бы ни был Аббас Мирза, в какие тяжкие он бы ни пускался, ему не совладать с русской армией, правда в том, что сказываются её современность, дисциплинированность, управляемость.

Если бы эти мысли произнёс кто-то иной, Фатали приказал вздёрнуть его на виселице как предателя и изменника Родины, сам же всё отлично понимал, но что было делать, вытянуть руки по швам и ждать, когда русские перейдут и на этот берег Аракса, подомнут и его под себя?

Франция и Англия схватились друг с другом не на шутку, но в отношении к России они едины: стараются вовлечь его, Фатали-шаха, в войну с Россией. Будто Фатали не понимает, что и Англия, и Франция делают это не из-за любви к его серым гла-

зам, всяк играет свою игру, дудит в свою дуду, с одной стороны, каждый хочет видеть в России союзника, с другой – исподволь старается перегрызть горло русскому медведю. Всё это им, Фатали-шахом, прочитывается спокойно, но что поделать, он тоже старается, использовав Европу, преградить путь русской армии, впрочем, где те вооружение, боеприпасы, снаряжение, что щедро обещали и французы, и англичане?

Правда, четыре года тому назад Фатали-шах, подписав договор с Англией, получил от неё немало оружия и снаряжения, якобы для противостояния афганским племенам, совершающим набеги на Индию, но русские отлично знали, что на том берегу Аббас Мирза воюет именно этим английским оружием. Верно, тем самым оружием Аббас Мирза стремится защитить интересы своего государства, но одновременно, желает он того или нет, служит и интересам Англии в Индии.

Это политические игры – пусть будет так, но и оружие устаревает, выходит из строя, у Европы нынче своих проблем выше головы, она не снабжает ни оружием, ни боеприпасами, сейчас этим оружием европейцы уничтожают друг друга. Наполеон осыпал ядрами всю Европу, но даже если это было не так, он, Фатали-шах совершенно убежден, что европейцы не протянут настоящую руку помощи, ибо они более жадные, чем русские, сами, небось, зарятся на Каджарское шахство, всячески стараются втянуть Фатали в войну с Россией, чтобы ослабла и Россия, и перешибло дыхание самого Фатали-шаха.

Но и без их науськиваний у Фатали нет иного выхода, чем ввязаться в войну, а вот её-то он явно проигрывал, и главная причина тому – отставание, в том, что не может идти в ногу со временем. Современные открытия – те, что позволяют год от года обновлять всё, начиная от ружей и пушек, кончая кораблями, создавать мощные армии, что ведут нацию вперёд – совершались в Европе, даже то, что когда-то было изобретено на Востоке, нынче, совершенствуясь, применяется Европой, обо всём этом Фатали-шах размышлял с болью в сердце. Сегодня Европа, и в первую очередь, Наполеон и Англия стремятся перекроить карту мира, англичане вслух не говорят об этом, но опасаются продвижения России на Восток, вдруг те доберутся до Персидского залива, Индийского океана, так можно потерять и Индию. Думаешь, Наполеон не мечтает о захвате Стамбула? – хотя провозглашает: «Радости и печали Османов – радости и печали Франции», Фатали-шах и тут был совершенно уверен, что на деле в планах Наполеона – взятие Стамбула, проникновение в шахство Каджаров, а затем захват и Индии, – об этом он ни от кого не слышал, но о многом говорила интуиция. У него и в Англии, и во Франции имелись платные агенты, в основном, обедневшие английские и французские аристократы, но присылаемая ими информация часто была ложной, недостоверной, хуже того – примитивной.

Правда, после того как Наполеон объявил себя императором, Султан Селим не только признал этот факт, даже указом осчастливил корсиканца саном падишаха – Фатали-шах улыбнулся одними губами, конечно, это было смешно – но что мог поделать Султан Селим? В этом году после договора¹, подписанного османами с французами, Франция стала соседствовать² с Османами, и Фатали-шах не сомневался, что если Франция подтянет к границе войска, то Наполеон не только не защитит Султана Селима, но в любой момент может, перейдя границу, пойти походом на Стамбул. Что с того, что Селим – враг? – он человек умный, всё понимает хорошо, поэтому вы-

¹ Имеется в виду заключённый в 1806 году между Францией и Османской империей Пресбургский договор.

²² После Пресбургского договора Хорватия и Далмация вошли в состав Франции, таким образом, Франция и Османский султанат стали соседями.

нужден делать, что скажет Наполеон, Селим не случайно взялся за реформы, но чем это кончится? Бог его знает! И Осман¹ начинал проводить в армии проевропейские реформы, но приближённые сами свергли, бросили его в темницу Семи башен, затем, прикончив, торжественно предали бедолагу земле в мечети Султан Меджида, а те реформы пошли по ветру.

Но на свете происходят такие неожиданные события...

Фатали-шах всё так же сидел на краешке кровати, глядя на блики на стене от горящих свечей в серебряном подсвечнике, раздумывая, как всё же странна жизнь, голову Наместника Цицианова, которого он ни разу не видел, но чьё имя все эти три с половиной года слышал едва ли не каждый день, везут к нему. Гусейнгулу хотел продемонстрировать, доказать свою верность, но и Фатали, да и сам Гусейнгулу отлично знали, что в мире политики слово верность не стоит ломаного гроша, в мире политики нет понятия верности и что в политике человеку, который не знает этого и, ударяя себя в грудь, восклицает: «я – верный!», – делать нечего.

Да, русская армия современна, дисциплинирована, имеет совершенную управляемость, но мог явиться командующий, который свёл бы всё это на нет, а мог быть прислан полководец, такой, к примеру, как Цицианов, кто умело и с знанием дела использовал эти преимущества. В тот день, когда Фатали-шаху сообщили, что и Ширванское ханство приняло российское подданство, он, будучи человеком верующим, но совершенно равнодушный к любому суеверию, больше того, считающий магов и колдунов мошенниками, внезапно вспомнил Евнуха Абдул Рахмана: тот рассказывал о чудесах, которые творит некий человек, преподающий в одном из тегеранских медресе, будто никто не может противиться его колдовству, его заговоры, словно точно пущенные в цель пули, разбивают все происки дьявола, если прицелился – нет сомнений, угодит в десятку.

И Фатали-шах, сам того не ожидая, – вероятно, это было результатом внутреннего потрясения, словно гневаясь, мстя самому себе за то, что дела в Северном Азербайджане достигли такого предела, потребовал к себе Евнуха Абдул Рахмана:

– Как звали того учителя, который, как ты говорил, способен на различные чудеса? – спросил он.

В минуты внутреннего напряжения Фатали-шах часто говорил не на фарси, а переходил на азербайджанский, вот и на сей раз он задал вопрос по-азербайджански.

– Мирза Мухаммед Акбари-Азербайджани, – тоже на азербайджанском, запнувшись, у него пересохло горло, ответил Евнух Абдул Рахман. Скопец хорошо знал, что подобные внезапные вызовы и вопросы часто добром не кончаются.

Фатали-шах, глядя прямо в жёлто-зелёные, напоминающие кошачьи глаза Евнуха Абдул Рахмана, сказал:

– Скажи, чтоб привели его ко мне.

И в тот же день Фатали-шах некоторое время молча разглядывал невысокого, тщедушного – одни кости да кожа – голубоглазого человека, преподавателя медресе, затем и на сей раз спросил по-азербайджански:

– Говорят, своими заговорами ты способен преодолеть любые происки дьявола. Это так?

– Верно говорят! – сказал с не соответствующей его телосложению жёсткой уверенностью Мирза Мухаммед Акбари-Азербайджани.

¹ Речь идёт о Султানে Османе II.

Этот человек впервые в жизни оказался во дворце, впервые лицезрел сурового шаха, но ни на его лице, словно обтянутом кожей, ни в голубых глазах не было и намёка, что он тушует, робеет, и эта его независимость говорила, что его способности – не чепуха, не вздор, на самом деле всё куда серьёзней.

Фатали-шах, как всегда, сузив глаза, ещё раз внимательно посмотрел на приглашённого:

– Как ты думаешь, – спросил он, – врагом нашего государства движет воля дьявола?

– В этом не сомневайтесь! – с той же решимостью отвечал Мирза Мухаммед.

– Ты слышал имя Наместника Цицианова?

– Будь он трижды проклят! Как не слышать?

– Его... – Фатали-шах сделал паузу, словно в этот момент сам застыдил за себя и за слова, что произнесёт, добавил: – Сможешь, заговорив, устроить его смерть?

Не успел Фатали-шах произнести эти слова, как Мирза Мухаммед Акбари-Азербайджани выпалил:

– Я сделаю так, что ему отрежут голову!

Воцарилось молчание, казалось, быстрые и решительные ответы и сам вид этого преподавателя Бог знает какого захудалого медресе создали атмосферу какой-то растерянности, и наконец Фатали-шах спросил:

– А как ты сам, ценишь собственную голову?

– Да, – снова мгновенно ответил тот. – Мне дорога моя голова.

Фатали-шаху подумалось, что рука этого человека, вероятно, крепче, сильнее его хилого, тщедушного тела, и он спросил:

– Что тебе для этого необходимо?

– Мне надо сорок дней, больше ничего.

Фатали-шах, ещё больше скривив взгляд, снова испытующе глянул на Мирзу Мухаммеда Акбари-Азербайджани, затем с особым ударением спросил:

– Говоришь, больше ничего?

– И ещё, пусть в эти сорок дней никто не встречается в мои дела. Я отправлюсь в город Рей и сорок дней пробуду там, в мечети Шах Абдул Азима. Главное, пусть никто не вмешивается в мои дела. Всё!

– Всё?

– Да, всё!

Фатали-шах снова внимательно посмотрел на преподавателя медресе:

– Знаешь, у меня хорошая память!

– И у меня тоже, – ответил Мирза Мухаммед, и в этот момент Евнух Абдул Рахман, стоящий поодаль, еле удержался, чтоб не приблизиться и, потянув за подол, не сказать ему: «Эй, ты, чурбан, сын чурбана, что ты себе позволяешь в присутствии самого шахиншаха?»

В ту ночь Фатали-шах спал очень беспокойно, то дремал, то просыпался, и в этом состоянии, между сном и бодрствованием, перед его глазами стояло лицо – только кожа да кости – Мирзы Мухаммеда, его голубые глаза. Ещё с ранней юности Фатали-шах – тогда он ещё звался Баба-ханом – пролил столько крови, по его повелению было казнено столько людей, вздёрнуто на виселице, но никогда он не переживал подобного, как в эту ночь, смятения. Он совершенно не верил, что Мирза Мухаммед посредством магии, колдовства, заговора сможет покончить с Наместником

Цициановым, и у него возникло такое чувство, будто призвав к себе этого щедедушного, никчемного человечка, он совершил нечто непотребное, погрузился в какие-то нечистоты.

Стыд от того, что он заказал этому голубоглазому существу смерть Наместника Цицианова, унижал его в собственных глазах и, желая преодолеть это чувство стыда, он подумал, что через сорок дней, сказав «Вот и всё!», несмотря на все оговорки и оправдания этого преподавателя медресе, осмелившегося плутовать в присутствии самого шаха, прикажет вздёрнуть его на виселице, чтоб это было уроком невежественному люду, да чтобы и скопец тоже не позволял себе нести подобную ересь.

Дело не в том, что он заказал убийство Наместника Цицианова, а в том, что Священный Коран повелел: «Нельзя несправедливо казнить людей, чью казнь Всевышний сочтет за грех, будь то мусульманин или иноверец».¹

За Наместником Цициановым числилось столько грехов, что снести его голову никак не могло считаться грехом, но то, что правитель такого большого государства, самодержец такой страны – Фатали-шах – прибег к помощи какого-то колдуна, проходимца, опустился на его уровень, конечно же, никак не красило его, Фатали-шаха.

И после той беспокойной ночи занялось новое утро, повседневные заботы и хлопоты государства увели в непроглядную недостижимую даль то чувство огорчения и постыдности. Фатали-шах отправил Евнуха Абдул Рахмана к Аббасу Мирзе – никто кроме него не доложил бы обстоятельно о положении на том берегу Аракса, а тот щедедушный человечек вспомнился ему только раз, когда местные соглядатаи сообщили, что Мирза Мухаммед Акбари-Азербайджани занимается в Рее в мечети Шах Абдул Азима богослужением, часто удаляется в какую-нибудь келью, отрывает головы восковых фигур, и из-за страха перед шахом никто не смеет прогнать его из мечети.

Теперь прошло не сорок, а тридцать с чем-то дней и к нему, к Фатали-шаху, везут не самого Наместника, а его голову.

Фатали-шах встал, вышел из спальни, увидев его, охранники вытянулись, ожидая указаний.

Иногда – особенно в последнее время – Фатали-шах мог внезапно, посреди ночи выйти из спальни, чтобы проверить бдительность охраны, но в этот раз он не вернулся к себе и, не дожидаясь утра, отправил гонцов в Рей, чтобы нашли Мирзу Мухаммеда Акбари-Азербайджани в мечети Шах Абдул Азима и привезли к нему.

Когда этого щедедушного голубоглазого человека снова ввели в тронный зал, от внимания Фатали-шаха не ускользнуло, что внезапный ночной вызов обескуражил Мирзу Мухаммеда Акбари-Азербайджани, тот явно был в смятении. И подобная обескураженность, смятение никак не увязывались с его уверенностью и заносчивостью во время первой их встречи.

– Ну, говори, я слушаю! – сказал Фатали-шах.

Мирза Мухаммед уже не скрывал своей растерянности:

– Ведь ещё не исполнилось сорока дней... – сказал он взволнованно... – Я же говорил, что результат будет через сорок дней. Прошло всего тридцать четыре дня.

Этот человек и знать не знал о судьбе Наместника Цицианова! Он и ведать не ведал, что голову того уже везут в Тегеран.

Фатали-шах помолчал, и, не зная, как расценить это молчание, Мирза Мухам-

¹ Имеется в виду 151 стих суры Корана: «Не приближайтесь к явным или скрытым худым делам. Не допускайте смерть существа, которую Аллах сочтет грехом (не казните невинно мусульман или иноверцев).»

мед с явным страхом в голосе произнес:

– Ещё рано!.. Я не закончил свою работу...

Фатали-шах встал с трона, сказав: «Можешь идти!.. – и покинул тронный зал.

Шах повелел не трогать Мирзу Мухаммеда, только выдворить из страны. Рассказывали, что он устроился в Самарканде и прославился там как крупный маг и чародей.

А в Тегеране люди меж собой судачили, что, опасаясь магических чар Мирзы Мухаммеда, Фатали-шах навсегда удалил его из Ирана.

* * *

Заснеженные сибирские поля окутала вьюга...

Ветер поднимал с земли снежную россыпь, бил в лицо вытянутых в вереницу, словно утиная стая, закованных в кандалы, одетых в тряпье узников, сопровождаемых конными конвоирами.

Один из узников, чьи длинные космы слились с бородой, а брови и ресницы тоже были залепаны снегом, на минуту придержав шаг, подняв голову, голосом, напоминающим волчий вой, крикнул: «Я – Атилла», и эхо его крика в том видимом измерении слилось с завыванием вьюги.

И в тот же миг подскакавший конвоир огрел его кнутом по спине: «Пошёл!.. Пошёл!..».

И ЕГО память тотчас, конечно же, узнала того узника: тринадцати-четырнадцатилетний племянник Гусейнгулу-хана, стоя в стороне, наблюдал за учёбой солдат на плацу Бакинского гарнизона, и начальник гарнизона генерал-майор Цицианов читал в глазах внимательного юнца интерес и откровенную ненависть, но, не желая обижать Гусейнгулу-хана, не стал прогонять его любимого племянника – Махмуд-бека...

Закованный в кандалы Махмуд-бек снова придержал шаг, подняв голову к небу, тем же голосом, напоминающим волчий вой, крикнул: «Я – Божий бич!»¹, и эхо того крика слилось с порывом вьюги заснеженных сибирских полей.

Едущий впереди, явно начальник конвоя, обернувшись к конвоиру, что был ближе других к Махмуд-беку, крикнул: «Заткни глотку этому безумцу!.. Слышишь?! Заткни ему рот!..»

На сей раз конвоир огрел Махмуд-бека по спине уже дважды: «Хватит!.. Сказано тебе – не вой!» – и уже в третий раз сзади ударил Махмуд-бека по темени...

25

Баяты, что распевали на празднествах, свадьбах в Тегеране ашуги:

**Живы в древних городах
Дух Шеки, Ширвана шах.
Тегеран, да будь он раем,
Краше рая Карабах.**

Перевод Аллы Ахундовой.

¹ В Европе тюркского полководца и правителя Атиллу, создавшего в V веке нашей эры гигантскую империю от Волги до Рейна, называли «Божьим бичом».

Это было любимое баяты живущих в городе азербайджанцев, не только их, но и не очень хорошо владеющих азербайджанским персов, армян, курдов – словом, всех жителей Тегерана. Удивительно, почему это немудрёное баяты столь широко распространилось в Тегеране, может, тоска в нем объяснялась не только тоской по родине, а жадной спокойствия, безопасности, уверенности в это непростое время, но, конечно, и то, что его автором была Агабегим – старшая жена Фатали-шаха, которую жители Тегерана называли «Госпожой сестрой», и это баяты она проговорила как стон, крик души.

События последних лет – возникший после убийства Надир-шаха хаос, жестокая борьба за власть в период правления Зендов – всё это осталось в прошлом: Ага Мухаммед Каджар уверенно взял власть в свои руки, наконец-то в государстве установились относительное спокойствие и относительная безопасность, но эти спокойствие и безопасность, после долгих лет гибельных потерь, нужды и страданий не даровали жителям Тегерана любви и милосердия. У Ага Мухаммед-шаха не было супруги, в детстве он был оскроплен Зендами, у Фатали-шаха имелся гарем, а жители Тегерана обрели любовь, сострадание и милосердие в лице дочери Ибрагим Халил-хана – Агабегим, когда, сосватанная Фатали-шахом, она прибыла из Карабаха.

Когда Ага Мухаммед-шах Каджар был убит в Шуше, вернувшийся в свою столицу Ибрагим Халил-хан со всем почестями и приличествующими траурными церемониями отправил его останки в Тегеран – Фатали-шах остался доволен этим поступком Ибрагим Халил-хана – карабахцы могли проявить неуважение, даже осквернить память его родного дяди – желая подтвердить прощение, он отправил в Шушу людей, сватаясь к Агабегим, о которой был много прослышан. И Ибрагим Халил-хан был вынужден отправить любимую дочь в чужие края, в Тегеран – во дворец, гнездо интриг и раздоров, что делать, следовало защитить, обезопасить Шушу, и в целом Карабах, от Каджаров. Тем, что останки Ага Мухаммед-шаха со всеми высокими почестями были отправлены в Тегеран, вопрос не был закрыт, понимая, в какой ситуации находится отец, Агабегим, всей душой привязанная к Карабаху, не смогла отклонить это сватовство.

Среди тегеранцев ходили слухи – кто знает, правда это или нет – Агабегим была влюблена в Мухаммед-бека, сына её дяди по отцу Мехрали-бека, и эти толки о несчастной любви внесли в отношения «сестры» с тегеранцами особую задушевность, даже у женщин, втайне, меж собой говоривших об этой неразделённой любви, – в Тегеране и стены имеют уши, – эти пересуды могли дойти и до дворца – влажнели глаза, и они еле удерживали себя, чтобы не заплакать, эта несчастная любовь «сестры» уже превратилась в устах тегеранцев в прекрасную и трогательную легенду.

Агабегим была опорой и надеждой простых тегеранцев, особенно женщин; каждая, у которой в семье имелся больной, убогий, кто страдал от голода, у кого пропал сын, брошен в темницу муж, чаще обращались с прошениями к ней, нежели шаху, она стремилась оказывать посильную помощь всем и часто добивалась своего – шах высоко ценил её не только за красоту, но и за ум, образованность, сдержанность, расчётливость – ей удавалось отменить чей-то приговор, кому-то помочь деньгами из казны, освободиться из плена, быть помилованным, какой-то счастливчик благодаря ей избегал неминуемой казни. Тегеранцы слышали, что ещё девушкой в Шуше, когда её отец, осерчав на что-то, в ярости приказал сбросить провинившегося со скалы Хазне в каменистую пропасть, она упростила отца, спасла бедолагу от неминуемой

гибели.

Она была ученицей покойного визиря Ибрагим Халил-хана – известного поэта и политика Моллы Панаха Вагифа, знавшего наизусть все до единой суры Священного Корана, пишущего стихи не только на азербайджанском, но и на фарси. Агабегим, изучив в совершенстве арабский, французский, русский языки, переписывалась с супругой Наполеона Жозефиной и Елизаветой – супругой императора России Александра. Её величество Елизавета в одном из посланий Агабегим писала: «Моя уважаемая госпожа, Ваша одарённость – путеводная звезда судьбы шаха». Все принцы Каджаров, да и отпрыски азербайджанских ханов знали, что деспотичный Наместник Цицианов ни за что не хотел отпускать попавшего в плен на том берегу Аракса к русским Гасан-хана – брата Эриванского хана Мухаммеда, и только после того, как Агабегим обратилась с письмом к Елизавете, Гасан-хан был освобождён. И о другом случае передавали из уст в уста: в Тегеране был арестован и брошен в застенки некий ботаник Андре де Форш, прибывший из Парижа, он собирал в степях и холмах различные цветы и растения. Его заподозрили в шпионаже и он ожидал своей казни, но к Агабегим обратилась, по слухам, известная во Франции мадам де Сталь, она подтвердила письмом, что Андре де Форш на самом деле является известным в Европе учёным-ботаником, прося не пожалеть усилий для его освобождения. Французский посол Франсуа де Лафонжен – его родной брат Жерар де Лафонжен работал в посольстве Франции в России и был своим человеком во дворце Александра – во время встреч с шахом несколько раз покорнейше просил освободить ботаника, даже передал ему специальное письмо министра иностранных дел Франции, князя Талейрана, но Фатали-шах, несколько не доверявший послу, зная, под какими личинами могут скрываться шпионы, больше года держал учёного в заточении, и этот несчастный француз – являлся ли он шпионом или нет – был освобождён после просьбы мадам де Сталь к старшей жене шаха.

Выйдя из темницы, боясь открыть глаза от слепящего света, до самого отъезда в Париж, учёный, плача, повторял:

– Je vous remercie beaucoup votre majeste, Agabeyim Aga!..¹ Je vous remercie beaucoup votre majeste, Agabeyim Aga!.. Je vous remercie beaucoup votre majeste, Agabeyim Aga!...

С Андре де Форшом была связана ещё одна занятная история: придя к Агабегим перед отъездом попрощаться, он сказал, что очарован её стихами, хотел бы издать их в Париже и был бы предельно благодарен, если она передаст ему небольшую их подборку.

– Господин де Форш, – сказала Агабегим, – насколько я знаю, ваш народ любит петь, танцевать, смеяться. Не верю, чтоб мои стихи им понравились, в них они не найдут ничего оптимистичного.

– Ваше величество, осмелюсь сказать, что наш народ любит не только оптимистические стихи. Он умеет ценить истинную поэзию, и я абсолютно уверен, что ваши стихи найдут дорогу к сердцу французского читателя.

Агабегим сама сделала подстрочный перевод выбранных ею стихов, вручила их ботанику и через пять-шесть месяцев получила новое письмо от мадам де Сталь, где, поблагодарив её за усилия по освобождению Андре де Форша, писательница добавила: «Ваше величество, я посылаю Вам только что напечатанные стихи Андре де Форша. Он писал эти стихи, будучи в заточении в Тегеране. Я несколько не сомне-

¹ «Я весьма и весьма благодарю вас, ваше величество, госпожа Агабейим» (фр.).

ваюсь, что Вы почувствуете тонкую печаль, мастерски воспроизведённую в этих прекрасных стихах, высоко оцените их поэтичность. Прочтя в печати эти стихи, я сразу же решила послать их Вам, чтобы Вы знали, что способствовали освобождению не только большого учёного-естествоиспытателя, но и выдающегося поэта. За это я выражаю Вам свою глубокую благодарность и признательность».

Прочтя стихи Андре де Форша, Агабегим увидела, что это те же самые стихи, переданные ею французскому учёному, он только лишь зарифмовал подстрочники, Агабегим не стала никому, и в первую очередь Фатали-шаху, говорить об этом, но и отвечать мадам де Сталь тоже не стала.

Во время переговоров с европейскими политиками и военными, желая многое хранить в тайне даже от дворцовых толмачей – время такое, что никому до конца верить нельзя – Фатали-шах часто привлекал в качестве переводчицы свою жену Агабегим, её манеры, поведение, чёткое знание иностранного языка, произношение, как правило, сбивали скрытую или явную спесь европейских посланников...

... И через пять месяцев после смерти Цицианова в один из летних дней по Тегерану разнеслась страшная весть: русские солдаты Шушинского гарнизона поздней ночью по приказу своего начальника внезапно ворвались в летнюю резиденцию отца Агабегим – Ибрагим Халил-хана, расстреляли, перебили саблями хана, его жену, сестёр и братьев Агабегим – 6, 8, 10, 12 лет, других близких родственников, дворцовую челядь¹. Эта жуткая весть всколыхнула весь город. Люди – мужчины и женщины – группами бросились к ханскому дворцу, выражая сочувствие горю Агабегим. В этом многолюдье было столько траура, печали, сочувствия, что даже охранявшие дворец сарбазы не решились разогнать толпу, с того дня Агабегим проводила большую часть времени в небольшой келье склепа святого Гасыма в Тегеране.

Среди жителей Тегерана бытовала версия, что русские солдаты пришли в ужас от содеянного и позже, плача, говорили, что дьявол, околдовав Лисаневича, запер его в подвальном помещении гарнизона, а солдаты, выполняя волю дьявола, принявшего облик майора, растерзали Ибрагим Халил-хана, его жену и детей.

... После того как Гурд Керим привёз и сдал Голову, которую умело покрыл воском врач Салахеддин Сальяни, по приказу Фатали-шаха её хранили во дворце, и умеющий тоже всё просчитывать, тонкий политик Фатали-шах думал: кто знает, всякое может случиться, придёт время, когда надо будет возвращать Голову императору Александру.

Голова тайно хранилась в одной из дальних комнат дворца, вход туда был заперщён, только лишь вернувшийся с того берега Аракса Евнух Абдул Рахман имел право посещать эту комнату, чтобы проверить, не протухла ли Голова.

И в одну из ночей Агабегим наконец смогла увидеть Голову.

Несмотря на то, что в анфиладах дворца горели свечи, впереди Евнух Абдул Рахман, держа в руке подсвечник с горящей свечой, за ним Агабегим и ещё, чуть отставая, двое слуг приблизились к потайной комнате, и скопец сказал сарбазам, стоящим по обе стороны от двери:

– Есть разрешение его величества.

Сарбазы поначалу в замешательстве переглянулись, но, видимо, властный вид Агабегим, да и авторитет Евнуха Абдул Рахмана во дворце сделали своё дело – сар-

¹ 21 июля 1906 года начальник Шушинского гарнизона майор Дмитрий Тихонович Лисаневич с отрядом в 200 солдат, окружив летнюю резиденцию Карабахского хана Ибрагим Халила, удостоенного императором Александром I звания генерал-лейтенанта, в ханском саду в 4-х километрах от Шуши предал смерти хана, его жену, детей и слуг – всего 21-го человек.

базы расступились и скопец, вытащив из кармана расшитого блестками халата ключ, отворил дверь, хотел было шагнуть в комнату, но Агабегим знаком пальца остановила его, взяла подсвечник из рук скопца, не говоря ни слова, передала его одному из слуг, кивнула головой в сторону двери.

Слуга, войдя в комнату, поставил подсвечник на маленький столик у двери, вернулся назад.

– Я желаю остаться одна, – сказала Агабегим и захлопнула дверь перед носом Евнуха Абдул Рахмана.

Агабегим скинула на плечи чадру.

Золотые пуговицы её кумачового платья сверкали при свете одинокой свечи в комнате.

Голова, поставленная на серебряный поднос на круглом столе посреди комнаты, стояла ровно, на неё был накинут шёлковый платок.

Шагнув вперёд, Агабегим сняла платок.

Голова глядела на Агабегим правым, словно готовым выскочить из орбиты и левым, сморщившимся, казавшимся меньше глазом.

При свете свечи глаза Головы блестели стеклянным взглядом, в них не было ничего от жизни.

Агабегим, стоя напротив Головы, какое-то время молча глядела на неё, затем вдруг опустилась на колени и со страстью, вырывающейся из глубины души, подняв вверх руки, громким, мучительным от боли голосом так, что натянулись жилы её нежной шеи, сказала, нацелив палец в сторону Головы:

– О Всемогущий! Он – ни при чём!.. Он только исполнитель!.. Отомсти за Шущинскую бойню его государю! Слышишь меня?! всю свою жизнь, день и ночь я буду молить Тебя, чтобы на глазах друг друга российский император был расстрелян вместе со своими детьми и женой!.. – Агабегим повысила голос – в этом голосе было больше повеления, нежели просьбы, мольбы: – и Ты это сделаешь! Ты слышишь меня?! Ты это сделаешь!

Голова, сверкая стеклянными при свете свечи глазами, глядела на Агабегим, словно желая что-то сказать.

Агабегим поднялась с колен, взяла подсвечник и стремительно вышла из комнаты. Покрытая воском Голова осталась в одиночестве в этой тёмной, потайной комнате дворца Фатали-шаха.

* * *

... Ранней прекрасной весенней порой к раскидистому тутовому дереву, чьи тонкие, хрупкие листья еле-еле стали зеленеть, подлетел желтогрудый соловей и огласил своей чарующей трелью то видимое измерение.

Впервые за всё это время то видимое пространство не привнесло ЕГО бесплотной и невесомой субстанции какую-то отчуждённость или некое несоответствие. И от трелей того желтогрудого соловья по всей округе стали расходиться страстные волны, а на раскидистых ветвях тутового дерева образовалась пьянящая, полная счастья, аура. Молодые побеги, листья тутовника пропитывались теми чистыми волнами, они окатывали молодые побеги и листья явной радостью.

А он ясно ощущал, чувствовал эту радость побегов, зеленеющих листьев тутового дерева. Чуть ниже ветви, на которой переливался желтогрудый соловей, висел еле выделявшийся на фоне этих листьев ужасный посередке белый кокон и, казалось,

под воздействием тех прекрасных волн, исходящих от желтогрудого соловья, этот зачатый, шелковистый кокон начинал понемногу обретать подобие некоего движения.

Соловей внезапно перестал петь и устремил глазёнки на тот серебристый кокон.

На стенке кокона образовалась небольшая дырочка, вылетевшая оттуда бабочка раскрыла крылья. Розовые, кофейные, оранжевые, голубые узоры на них, казалось, тоже излучали радость, и бабочка приветствовала то видимое измерение, в котором она только-только открыла глаза.

Её существо излучало, озаряло радость, она решила было впервые вспорхнуть, взлететь в том видимом измерении, но в тот же миг с верхней ветки стремительно сорвался соловей, клюнул и проглотил бабочку.

И тут же то видимое измерение словно стало быстро удаляться, удалилось и исчезло, и ОН только позже осознал, что удаляется вовсе не измерение, это поистине полёт навстречу ЕГО прозрачной и невесомой субстанции, к силе, которая затягивает ЕГО к себе. То видимое измерение не смогло удержать ЕГО, у измерения не хватило сил, и ОН полетел...

26

27 ноября 1811 года на основании распоряжения, полученного из Санкт-Петербурга новым верховным главнокомандующим, генерал-адъютантом маркизом Пауллуччи, останки Цицианова были забраны из каменистого пустыря перед Двойными крепостными воротами, перевезены в Тифлис и торжественно погребены в церкви Священного Сиона, рядом с могилой генерала Лазарева.

Останки не имели головы.

И дальнейшая судьба той ГОЛОВЫ никому не была известна.

1 октября 2014 – 12 августа 2015.

ГОСТЬ

КРАСИН ХИМИРСКИЙ (Болгария)

Когда читаешь стихи Красина Химирского, еще раз убеждаешься в единой общечеловеческой сущности народов, независимо от их географической отдаленности на карте. Природа и город, любовь и творчество, жизнь и смерть – вот темы, равно волнующие всех в этом мире. А стихи «Сараево», «Солдатики», «Шальная пуля», в которых поэт с болью говорит о некогда мирной частливой земле, изувеченной войной, о юных жизнях, принесенных в жертву нечистым политическим играм, вовсе не нуждаются в комментариях для азербайджанского читателя.

С Азербайджаном у Красина Химирского давнее и доброе знакомство. *«...В свое время я, как и Есенин, полюбил вашу классическую поэзию – она переведена у нас на болгарский язык... Я защищал диссертацию на кафедре теории литературы и литературной критики Российской Академии общественных наук. На той же кафедре тогда работал ваш видный писатель Чингиз Гусейнов, с которым мы поддерживали тесные профессиональные и дружеские отношения...»*

Несколько лет Красин являлся сотрудником Посольства Болгарии в РФ, заведовал Культурным отделом Посольства. *«...Помню, из Софии приехал наш именитый писатель Найден Вилчев, в то время Председатель Союза болгарских переводчиков, которому Азербайджан присудил специальную премию за переводы вашей классики на болгарский язык. Мы тогда были приглашены в Посольство Азербайджана в Москве на церемонию вручения премии – это стало заметным событием в литературной жизни двух стран... В те же годы в болгарском МИДе работал азербайджанский поэт, женатый на болгарке – Халид Гиясбейли (публиковался в «Литературном Азербайджане» в рубрике «Земляки» – **Ред.**). Когда я показал ему свою книгу поэзии «Вашингтонский рецитал» (которую в свое время представлял в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне), он сказал, что хотел бы перевести ее на азербайджанский язык. Переводы он послал в Баку в редакцию одного из ваших сетевых литжурналов, где они и были опубликованы с очень теплой вступительной статьей Фарида Ляман...»*

Подобно большинству талантливых людей, Красин Химирский успешно реализуется не только в поэзии – в свое время снятые им документальные фильмы о разных регионах планеты после показа в «Клубе путешественников» с успехом прошли и на азербайджанском ТВ...

В 2014-м он, как Председатель Болгарской Ассоциации выпускников МГИМО, вместе со своей супругой Евгенией Химирской (координатором Ассоциации) были приглашены Президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым на Третий Всемирный форум Выпускников МГИМО в Баку. *«...У меня нет слов, чтобы описать великолепие вашего города и все то, что Президент, Первая леди и Лейла Алиева делают для современной столицы древнего государства. В ходе форума у нас была возможность лично пообщаться с Президентом и его супругой. В те несколько дней, что мы задержались в Баку после форума, мы встретились с Лейлой Алиевой, беседовали о поэзии – я узнал, что она сама пишет стихи, и сказал, что с удовольствием переведу их на болгарский язык. В свою очередь я также передал ей свои стихи в переводах на русский и азербайджанский. Тогда же я посетил Союз писателей Азербайджана, где был тепло принят вашим руководством...»*

В нынешнем году в Тбилиси, на Международном фестивале, после одного из мероприятий к нашим участникам подошел седой человек, заговорил по-русски... Это был Красин. Он сказал, что они с женой очень хотели снова посетить в Баку в 2016-м, но, к сожалению, поездку пришлось отложить. *«...Но мы очень надеемся на новые встречи с вашим удивительным городом и вашими поэтами в новом, 2017-м...»* Ну что же, добро пожаловать, hoş gelmişiniz...

Ибсен

«Сделай это красиво!..»

Г.Ибсен «Нора»

Коснувшись пером, словно выстрелом,
виска своего века,
сквозь слезы стреляет Ибсен
безошибочно метко.
И падает гений-пьяница
внезапной кометой,
пронзивши земные границы
улыбкой и грустной, и светлой.

Перевод автора

* * *

Накинув скал тяжелый ямурлук¹,
шагает Мелник² сквозь века крутые.
Могучий он и гордый, как гайдук,
пред палачами не склонявший выи.
Мерцают пик и копий остря.
И снова их, как вещее знаменье,
пытаемся понять и ты, и я,
и все мое седое поколение.
Здесь прочные, как крепости, дома
и окна, как орлиные зеницы.
Нас здесь природа потчует сама
вином, в котором алые зарницы.
Оно огнем наполнит нашу кровь,
одарит силой буйною и страстной,
чтоб пламенем всегда была любовь,
и ненависть – неистойвой и страшной.

Перевод Геннадия СЕРЕБРЯКОВА

Мелодия

Под сердцем – колокольчик у тебя.
Отлит из боли и восторга,
лицо твое он тайной озаряет.
Я захотел услышать его пение,
прильнул к тебе...
Но кто-то маленький и незнакомый
меня толкнул легонько.
И в сердце зазвучала песня,
которую вдвоем с тобой
мы сочинили.

Перевод Сергея ЛИТВИНЕНКО

¹Шерстяная белая накидка болгарских пастухов

²Самый маленький город Болгарии на границе с Грецией, где живут всего около 400 человек. Расположен в живописной местности среди скал и песчаных пирамид. Здесь производится лучшее в стране красное вино из особой местной лозы.

Урбанистическое

Никто никого не приветствует...
Мой город – как город немых.
И немота – словно бедствие
Для старых и молодых.

Спешим мы за славой неверною –
Ах, этот изменчивый лик!..
В погоне забыли, наверное,
Даже родной язык.

А может, в далекое время
Пришельцы здесь поселились?..
И вот теперь батареи
В их рациях разрядились...

Мои ж батареи – вечные,
Солнечные, я знаю!..
В пространство, как жизнь, бесконечное
Слова я свои посылаю.

Кричу я в поисках связи,
Откликнись, кто есть разумный!..
Но все сигналы гасит
Глушилок надрывный зуммер.

Пой, петух

Певец последний
В городе моем
Клюет испуганную тишину

И будит солнце
Голосом Орфея,
Заглядывает
В наш бетонный быт

Последний могикан
Миров ушедших,
Когда заря
В колодцах отражалась

И оглушал поля
Петух
Под всплески крыльев.

Лисиц сегодня
Много развелось
В роскошных
Железобетонных дуплах
И на извилистой тропе
Закона...

**Какая из лисиц
свернет красавцу шею?..**

Игра в бутылочку

**Когда в полночный час
внезапно затихала
компания отчаянная наша,
вдруг кто-то начинал
крутить бутылку.**

**Мы все следили, как замороженные,
за пируэтами искусными ее.
Она крутилась на полу и замирала –
и мы узнать спешили приговор.
Избранница входила в круг
и целовала одного из нас.**

**И вновь бутылка танцевала...
И каждый свое счастье находил:
распутник – сочную девицу,
стыдливый мальчик –
благосклонность светской львицы,
влюбленные – взаимную любовь,
а кто-то – дочку самого министра,
богатое приданое – другой...
И каждый рад был своему везенью
и счастлив был.**

**...А мне капризная бутылка
предсказала
дорогу, по которой долго-долго
идти я должен, чтобы наконец-то
найти и выстрадать свою любовь.**

Перевод Лорины ДЫМОВОЙ

Шальная пуля

**Через границу – на авось –
перелететь ей удалось**

**к тебе – в то самое мгновенье,
когда окончилось сраженье**

**и враг винтовку отложил.
Ты только шага не дожид**

**до своего порога...
Затей у смерти много.**

Сараево

**В долине холмистой Сараева,
у гробниц воеводства старинного,
среди поля широкого минного,
что хранит непотухшее зарево,
сумасшедшая пара целуется...**

**Перед этой невиданной дерзостью
даже Марс тишиной одевается.
Смерть-воровка в притонах скрывается
от чудесной, невиданной дерзости.**

**В холмистой долине Сараева,
что скрывает разбитые улицы
и еще не потухшее зарево,
сумасшедшая пара – целуется!..**

**Среди горя – загадочно-счастливы,
им дано быть чарующе дерзкими.
Снова солнце игриво и ласково
их тела золотит арабесками.**

Солдатики

**Шагали мальчики муштрованные,
Печатали шаг в строю.
Недолюбившие, недоцелованные,
Шли умирать в бою.**

**У сердца – портрет любимой...
После кровавых жатв
Будут без рода, без имени
В поле они лежать.**

**А поле не разминировано...
Смена идет на постах.
И новые забронированы
в братских могилах места.**

Перевод Олега ХЛЕБНИКОВА

Корзина со сверчками

**Когда мне предстоит далекий путь,
Беру с собой корзину со сверчками.**

**И где-то на глухих меридианах
На волю выпускаю их.**

Их песенка надламывает льды
И пробуждает семена в земле,

И возрождает к жизни пепелища,
Обугленные атомным огнем.

В древесных дуплах темной чащи,
Как гимны, слышны голоса сверчков.

Корзина со сверчками опустеет –
Их стрекот слышится по всей Вселенной...

Но одного сверчка я оставляю,
И он стрекочет где-то рядом с сердцем.

И песенка его меня тревожит:
«Пора домой!» – поет, – «Пора домой!..»

Перевод Олега ШЕСТИНСКОГО

Осеннее

Айвы осенней щеки золотые
Под солнцем загораются в саду.
И где бы ни был я, хоть с края света,
А в дом отцовский все равно приду.

Меня в саду встречают георгины –
Дождинки пестрых слез горят огнем.
Шуршит зерно, как будто с уходящим
Куда-то летом шепчется... О чем?

А в раскаленной поднице¹ у мамы
Уже готов душистый каравай.
Кипит вино домашнее, из бочки
В меня переливаясь через край.

Мне девичьи глаза смеются тихо,
Глаза той самой, что с ума свела.
И вот уже в любовном танце вьются
Пылающие губы и тела.

И, присмирив, все лютые метели
Ложатся у порога день за днем.
В безмолвии, заметно побелевшем,
Мы ждем, мы первый крик ребенка ждем.

¹ Глиняный противень для выпечки хлеба.

Мои каштаны

**В дни осеннего угасания
Не безумство ли расцветать?
Расцветайте, мои каштаны!..
Пусть не всем дано вас понять.**

**В эти ночи, ночи дождливые,
Не видать вокруг ничего.
Озарите мой путь бесконечный,
Чтобы смог я пройти его.**

**В платья свадебные, весенние
Нарядились вы все опять.
Леденящий иней пытается
Вас в ночной тишине обнять.**

**Расцветайте, мои красавицы,
Светлоглазое чудо земли!..
Мы единственные, наверное,
В это время с ума сошли.**

**Южный ветер по зову явится,
То-то дорого будет и любо –
Он растопит решетки ледовые,
Он согреет остывшие губы.**

**И назло угасанью всеобщему,
Свет нежданный даря сквозь туманы,
Расцветайте, мои сумасшедшие,
Удивительные каштаны!..**

Перевод Петра ГРАДОВА

ВАХИД ГАЗИ
(Из цикла «Люди и книги»)

ФИЛЬМ «АД»

(О книге Вюсали Мамедовой «Великий вопль в аду»)

«Дюжий армянин достал из кармана штык-нож, смял в кулаке платье стонущей на столе девушки и разорвал ткань на груди. Только-только округлившиеся груди девушки уже находились в его ладонях. Верзила изо всех сил мял и тискал их... «Нет, хороши. Мне нравится!», – с этими словами армянин начисто отрезал штык-ножом груди девушки, которые держал в ладони... Пройдут месяцы, годы, десятилетия, но вопль девочки-подростка никогда не покинет слуха пленных, собранных в этом подвале... Девчушка кричала в беспомощности. Она уже не звала на помощь даже отца, а просто кричала и кричала. Среди ее воплей можно было с трудом расслышать возглас «Аллах!». Но нечеловеческая боль заглушала, прерывала и это слово... Может, вовсе и не Аллаха она призывала в страдании... Дюжий армянин взял в руки ее только что отрезанные груди и отошел от стола. Затем с хохотом подбросил их в воздух. Отрезанная плоть шмякнулась о лицо рыдающего мужчины, всё это время пытающегося вырваться из удерживающих его рук армян, и скатилась к его ногам. Лицо отца обагрилось кровью... Но самым ужасным было то, что среди заложников находились еще четыре девочки-подростка. А это означало, что зарыдают еще четыре отца, еще четыре матери потеряют сознание, еще четыре ребенка примутся кричать и выть на столе... Еще многие годы спустя в снах спасшихся из плена заложников будет взмывать в воздух отрезанная женская плоть и станут рыдать отцы...»

Это – фрагмент из книги Вюсали Мамедовой «Великий вопль в аду». Там много таких надрывающих сердце сцен. Герои книги – не вымышленные художественные образы, а реальные люди, пережившие страшные пытки. Я слышал о зверствах, учиненных над пленными. Я встречался в Агдаме с освобожденными и потому был в курсе их состояния, того, что им выпало испытать.

Возможно, именно поэтому книга с первой же страницы втянула меня в воронку горьких воспоминаний...

Если не записать случившееся, не сложится история, и все факты канут в беспросветный мрак самой же истории. Не напиши Варлам Шаламов «Колымские рассказы», а Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ», кто и как прознал бы об ужасах советских лагерей, кто детально расписал бы всё человеческое страдание?!

Умение отобразить все грани гнета и страдания связано с талантом писателя. Когда речь заходит о таком вот страдании, мне в первую очередь вспоминается повесть «Джан» Андрея Платонова. Достоевский, Гюго, Шолохов тоже умело живописали страдание. Но в

этом моем тексте разговор идет о страдании, доставляемом телесными и душевными пытками. Сколь бы полно ни воплощались образы в художественных произведениях, будучи порождением писательского воображения, они так и остаются вымышленными персонажами. Совсем другое дело, когда герой – сама жертва, живой свидетель.

...В один из своих визитов в Крым, двадцать лет тому назад, я познакомился с группой молодых крымских татар, получающих гранты от иностранных фондов. Они заводили беседы с пожилыми людьми, сосланными из Крыма в ночь на 18 мая 1944-го года, и записывали на видео и аудио их речь. Их целью было запечатлеть в книгах переданную устами живых свидетелей трагедию народа, перевести на разные языки эти свидетельства и распространить по всему миру. Кто мог бы лучше самих живых свидетелей поведать обо всех ужасающих обстоятельствах высылки?! Читая «Вопли в аду», я вспомнил тех самых молодых крымских татар.

Летом 1984-го года, подростком, я посетил в селе Петрищево, близ исторической области России Бородино, Дом-музей Зои Космодемьянской, зверски замученной и убитой фашистами. То, что я там увидел и услышал, потрясло меня до того, что руки и пальцы попрыгали мурашками, будто это мне вырвали ногти.

Пять лет тому назад в лагере смерти Освенцим, поблизости от Кракова, глядя на музейные экспонаты, свидетельствующие о самом жестоком преступлении в истории – на волосы, сложенные в виде стогов, очки пленных, сваленные в кучу в отдельном помещении, детскую обувь, камеры пыток, бараки, газовые камеры, крематорий, – я представил, что виденные прежде лишь в фильмах ужасы некогда действительно имели здесь место, представил, и всё мое существо содрогнулось. Ни один фильм, ни одна книга не способны представить истину во всей ее обнаженности так, как на это способны живые свидетели, вещественные доказательства.

Когда я читал «Великий вопль в аду», мне пришло на ум, что, освободив в будущем Карабах (я всё еще в это верю), мы должны превратить в музей тюрьму в Шуше, милицеекское отделение в Аскеране и в особенности подвал, который пленные называли «комнатой с печью». Пусть будущие посетители этих музеев узнают всю правду об изощренных пытках, которым здесь подвергались пленные женщины, дети, старики, мужчины.

В ходе переписки с Вюселей Мамедовой я предложил ей написать сценарий фильма на основе своей книги. Мое предложение она встретила с сомнением. Кто станет финансировать такой фильм? Кто проявит интерес к этой истории?

Есть много фильмов, снятых на основе живых свидетельств и завоевавших мировую популярность. Простому зрителю хорошо известны «Пианист», снятый о польском еврее, знаменитом пианисте Владиславе Шпильмане, и «Список Шиндлера», повествующий о самоотверженности немца Шиндлера, спасшего от неминуемой смерти около тысячи двухсот евреев (безусловно, список лент не ограничивается этими двумя картинами).

Сценарного материала в книге Вюсали Мамедовой хватит на десяток таких фильмов. Дурданэ, Егяна, Мушфиг, Арзу, Мехрибан – живые образы, а прожитое в милицеекском отделении Аскерана не нуждается в художественных дополнениях. Это готовый сценарий. Сюжет столь же трогательного и проникновенного фильма, как «Список Шиндлера». Знаете, во сколько обошелся фильм Спилберга? Всего в 22 миллиона долларов!

Сюжет проникновенней, чем сюжет «Пианиста», пишет гитарист Валех Гусейнов, пишет собственными пальцами, ногти на которых вырывали на глазах у армянских женщин. Фильм Романа Полански снят за 35 миллионов долларов. Интересно, что могло бы донести до всего мира трагедию еврейского народа лучше, чем эти фильмы, являющиеся шедеврами истории кинематографа? Оказывается, всего за несколько миллионов можно достучаться до сознания и сердца людей, донести всю правду. Разве эти миллионы – большие

деньги для богатой нефтяной страны, где порой деньги пускают по ветру, тратят бездумно налево-направо?!

Вовлекая в разговор своих героев, прошедших через ужасающие пытки и мучения, Вюсая Мамедова вписала в историю историческое преступление – проделала очень значимую, огромную работу. Предполагаю, что она сохранила аудио-версии тех бесед, записанных на диктофон, и преподнесет их Музею пыток, который, я верю, создадут в будущем.

Остальное уже не в ее власти. Должны найтись люди, организации, способные постоять за то, что ею написано. Государство или фонд, а может, некий состоятельный человек. Если подобные книги не будут переведены на иные языки, если по ним не будут сниматься ориентированные на мирового зрителя фильмы, то к чему вообще всё затевать? Для самих себя? Но разве мы сами не знаем всю правду?!

В фильме братьев Тавиани «Гнездо жаворонка», снятого по книге итальянской писательницы армянского происхождения Антони Арслан «Усадьба жаворонков», в одной только Италии переизданной восемь раз, переведенной на многие языки мира и завоевавшей многочисленные награды, показываются события, развернувшиеся в 1915-м году в Турции.

У армян много фильмов на эту тему.

Первый фильм под названием «Растерзанная Армения» («Ravished Armenia») снят в 1919-м году в США. Откуда у новоприбывшего в США беженца-армянина могли взяться средства на съемку такого фильма? Имя Генри Моргентау (Henry Morgenthau) – в списке лиц, благодаря которым состоялась лента, это и есть ответ на вопрос, озвученный выше. Моргентау – посол США в Османской империи в годы Первой Мировой Войны, он в то же время представлял интересы Антанты, воевавшей против нее, писал бесконечные письма президенту Вильсону о политической выгоде использования армянского переселения в качестве политического давления на врагов – Германию и Османскую империю. Именно его, написанные в 1918-м году «Воспоминания посла Моргентау» («Ambassador Morgenthau's Story»), будут взяты за основу в развязывании «армянского геноцида», то есть войны против турок. Я писал об этом подробнее в своем эссе «Бейсбол на шахматной доске», потому далее не развиваю данную тему, так как она к тому же отклоняется от нынешнего текста.

Фильмы на эту тему, снятые в разные годы и в разных странах, переполнены сценами насилия. Написанное Вюсалеи Мамедовой гораздо ужаснее снятого армянами, но армянам своим отснятым материалом удалось создать собственный многострадальный образ. Эти фильмы вызывают сильное сочувствие армянам и столь же сильную ненависть по отношению к туркам. Даже у немецкого кинорежиссёра турецкого происхождения Фатиха Акина в его фильме «Шрам» («The Cut») много подобных драматических эпизодов. Однако, на мой взгляд «Гнездо жаворонка» – «удачнее». Ибо в этой ленте «зверства турков» преподносятся зрителю гораздо более мастерски – на фоне нескольких турок-гуманистов.

Литературу, искусство с примесью политики понять где-то можно, время от времени мыслители доносили до общественности посредством искусства свои политические воззрения. Но если искусство, независимо от цели, полностью приносится в жертву какой-либо идеологии, политике, то оно меняет свою суть, перестает быть искусством и превращается в материал пропаганды, агитку. Бессмертны те художественные произведения, которые призывают к миру и перемирию, опираясь на истину и справедливость. Такие произведения понимают, любят, читают и смотрят все, таким произведениям сопереживают все и, наконец, извлекают из них назидание, поучительный пример. Невозможно указать на великий роман, фильм, картину, скульптуру, музыку, призывающие к насилию и мести.

«Зону боевых действий первым покидает Бог!». Войнам присуще причинять неизменные страдания плененному врагу. На каждой войне можно встретить людей, о которых

говорится в книге Вюсали Мамедовой. Таких мучителей-убийц возвращают упомянутые и неупомянутые мной выше десятки армянских фильмов и книг, пробуждающих и культивирующих насилие. Они – хищные зомби, прошедшие через промывку мозгов в спецлагерях. В такой среде каждый из нас может превратиться в жестокого преступника. Таких ненавидит каждый и даже сами армяне, сохранившие хоть каплю сострадания.

Одно из главных достоинств «Великого вопля в аду» заключается в том, что автор даже после стольких описанных ею жестоких сцен не призывает читателя к насилию, не раздувает гнев и ненависть, пробуждающиеся при прочтении, а всего-навсего показывает всё так, как это было. Вюсали Мамедова в очень печальном «Послесловии» своей книги опять же не нагружает читателя агрессией и ненавистью.

Советую читателям посмотреть фильм режиссера Зазы Урушадзе «Мандарины», посвященный известному грузинскому актеру Левану Абашидзе, погибшему во время грузино-абхазской войны. Выращивающий мандарины крестьянин прячет у себя в доме и лечит двух раненых, принадлежащих к враждующим сторонам. Его гуманизм побуждает взаимную ненависть врагов обратиться в уважение друг к другу.

Раны мира можно вылечить лишь любовью!

Мастерски, со вкусом снятый фильм адресован мировому зрителю. Фильм попал в список претендентов на «Оскар», завоевал немало международных наград благодаря тому, что снят не на локальном, а на мировом языке. Каждый зритель, независимо от места своего проживания, видит настоящую правду, понимает увиденное. Режиссер одним удачным фильмом попал сразу в две цели: создал произведение искусства и показал истинного виновника войны. Он привнес политику в искусство крайне мастерским приемом – в финале фильма два бывших врага сражаются вместе против русских солдат.

И такой вот фильм снят всего за 650 тысяч евро!

Вюсали Мамедова написала книгу, насыщенную фактами, способными потрясти весь мир.

Каждый год в наших посольствах проводятся мероприятия в связи с геноцидом в Ходжалы. Тратятся миллионы на многочисленные кампании агитационного характера. Я понимаю, всё это тоже необходимо. Но мне думается, что успешный фильм, снятый на основе «Великого вопля в аду», даст эффект в разы больше, чем все эти кампании.

Дописывая этот текст, я наткнулся на одном из сайтов на новость: от сердечной недостаточности скончался один из первых добровольцев Карабаха, переживший все ужасы плена Мехман Гусейнов – прототип главного героя фильма «Стон» («Fəryad», 1993). Я был с ним знаком. В 1991-м году он покинул свое место директора автовокзала и отправился на фронт. В плену сломать его не смогли, но нашему обществу сломать его удалось. Свою земную жизнь, прожитую в омуте социально-бытовых забот, сопровождающихся психологическими травмами, он завершил как квартирант на родине, ради которой пожертвовал всем. ...А я только и делаю, что говорю о фильме да о фильме!

Карлскрона, Швеция

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

МУСТАФА ЧЕМЕНЛИ

МУБАРИЗ

Документальная повесть

Перевод Эльшады АЗИЗОВОЙ

Сон

Утро 19 июня наступило с именем Мубариза у всех на устах. Этот 22-летний юноша, совершив беспрецедентный подвиг, вписал свое имя золотыми буквами в ратную историю Азербайджана. Приняв на себя участь шехида и обретя бессмертие, он стал легендой и символом духовно-нравственной цельности и стойкости родного народа. Все взволнованно обсуждали его поступок. В одну ночь этот отважный юноша ценой своей жизни, своего несокрушимого духа пробудил веру в людях...

Распоряжением Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева от 22 июля 2010 года Мубаризу Агакерим оглу Ибрагимову было присвоено звание Национального Героя Азербайджанской Республики. Не проходило и дня, чтобы его имя не упоминалось на страницах газет, материалы о нем, его фотоснимки не показывались на телевизионных экранах, на Интернет-сайтах.

Как-то во время беседы у себя на работе я заметил, что нам надо как можно больше писать о таких героях, как Мубариз. Не знаю, случайность это или знак providения свыше, но в ту ночь Мубариз приснился мне. Мне снилось, как Мубариз, вооружившись, покидает окоп, пробираясь через заминированное поле в сторону врага. Потом я увидел книгу. Я писал книгу о нем. Видел, как моя книга расходуется большими тиражами... Конечно, это был всего лишь сон...

Наутро я находился под сильным впечатлением от приснившегося мне сна. Видимо, это и стало толчком, сподвигнувшим меня воплотить этот сон в жизнь. Итак, воскресным ранним утром 15-го августа я отправился в Билясувар. Проехав Сальян, я начал расспрашивать у прохожих, как добраться до селения Алиабад, где родился и вырос Мубариз. Когда я спросил у мужчины, указавшего мне дорогу к селению Алиабад, что выращивается на Билясуварской земле, он неожиданно ответил:

– Билясувар растит Мубаризов!

Голос, доносящийся из Муганской степи

Потомок имамов, запыхавшись, вломился в один из попавшихся ему на пути шатров. Хозяин шатра, мужчина средних лет, взглянув на нежданного гостя, в его широко раскрытые от страха глаза, спросил:

– Кто ты, сынок?

– Я потомок имамов, дядя. Наши враги жаждут нашей крови. Они преследуют меня. Не отдавай меня им, молю тебя.

Мужчина, проведя рукой по тронутой сединой бороде, произнес молитву, совершив салават.

– Не бойся сынок, я не сдам тебя. Я тюрк, рожденный от тюрков. Аллах не зря привел тебя в это святилище, – сказал он и, чтобы выиграть время, схватив джанамаз для совершения молитвы, вышел во двор. Обратив лицо в сторону кыбла – Каабы в Мекке, он начал совершать намаз. Вскоре послышался конский топот. Хозяин шатра, словно не замечая стоявших над ним всадников, отрешенно возносил молитвы Всевышнему. Так как для тех, кто посягал на жизнь потомка имамов, считалось тяжким грехом отвлекать верующего от совершения намаза, они стояли и ждали.

Взмыленные от изнурительной погони лошади были покрыты пеной. Из подрагивающих ноздрей валил пар. Видно было, что всадники не местные. Наконец хозяин шатра закончил намаз и обратился к гостям:

– Чем могу служить, господа?

– Отдайте нам того мальчика, он недавно нашел у вас приют. А не отдадите, – угрожающе произнес один из незваных гостей, обнажив меч, – мы обагрим эту Муганскую степь вашей кровью.

– Не надо меня пугать ничтожной кровью, господа, не из боязливых я, – сказал хозяин шатра, ничуть не поменявшись в лице. – Жажда крови подростка – не богоугодное дело.

– Господин, мы люди подневольные, – сказал один из прибывших мягким голосом. – Позволь нам увести мальчика, не заставляй нас с утра пачкать руки кровью. Из-за этого мальчика мы проделали такой долгий путь.

– Ну что ж, как зовут мальчика? Может, это вовсе не тот, которого вы ищете.

– Нам известно, что он потомок имамов и находится в твоём доме.

Видя бесполезность словесной перепалки, хозяин шатра стал звать не потомка имамов, а его ровесника – своего сына. Сын и мать, одновременно приподняв завесу, прикрывающую вход в шатер, вышли наружу.

– Сынок, оденься и иди!

Мать поняла, что вместо беглеца муж собирается отдать врагам сына. Властный голос мужа, вселивший безумный страх, пронизал ее до самых костей. Она находилась меж двух огней, не зная, что делать. Но было поздно, муж принял решение.

Взглянув на метавшуюся в терзаниях жену и на сына, мужчина вновь произнес:

– Оденься и иди!

Мать и сын вошли в шатёр. Женщина не стала кричать, поднимать шум, так как хорошо понимала мужа. Ее муж был из рода святых сеидов. Во имя Аллаха, пророка, двенадцати имамов и их потомков он был готов принять любые муки, пытки. Незапятнанная честь, доброе имя, достоинство были для него священными понятиями.

Вскоре сын-подросток в облачении потомка имамов вышел и гордо встал рядом с отцом. Чудовищная боль пронзила сердце отца.

– Не страшно, сынок? – спросил он, с трудом сглотнув застрявший в горле ком.

Мальчик, не моргнув глазом, смело глядя в лицо отца, улыбнулся:

– Потомок имамов никого, кроме Аллаха, не боится.

– Это так, сынок. Аллах всемогущ и милостив. Вверяю тебя Божьей милости.

Мальчик вместе с всадниками двинулся в путь. Родители еще долго провожали их взглядом, пока те не скрылись из глаз. Ради того, чтобы не потерять веру, отец потерял сына...

После описанных событий прошли века, поколения сменяли друг друга. Хотя имя человека, пожертвовавшего своим сыном ради спасения потомка имамов, и было предано забвению, его деяние не было забыто. Слова «Оденься и иди!», произне-

сенные им в один из весенних дней, сохранились в памяти людей. Казалось бы, неизменной среди поколений осталась лишь эта священная реплика: «Оденься и иди!». Потому что с того весеннего утра в Муганской степи это племя, основным занятием которого было скотоводство, стали называть родом «Geyin gəl!» – «Оденься и иди!».

В ночь с 18-го на 19 июня 22-летний Мубариз Агакерим оглу Ибрагимов, совершив героический поступок, причислил себя к лику святых – шехидов. В жилах этого юноши, прошедшего школу мужества-мученичества Имама Хусейна, Шейха Джунейда, Шейха Гейдара, Шаха Исмаила Хатаи, текла кровь божьего человека, в свое время пожертвовавшего собственным сыном ради спасения потомка имамов.

В 1828 году по Туркменчайскому договору Азербайджан был разделен на две части: территории, расположенные к югу от реки Араз, перешли в подчинение Ирана, а северная часть Азербайджана оказалась под властью царской России. Древняя билясуварская земля также была разделена надвое. Одна часть осталась по ту сторону границы, а другая – по эту. Царскому правительству не удалось запретить роду «Geyin gəl» вести присущий ему образ жизни. Как и прежде, они занимались в Муганской степи скотоводством, растили сыновей и дочерей, приумножая свой род, жили вольно и зажиточно. Конечно, от людей, живших в Муганской степи в шатрах и занятых разведением многочисленных отар овец, табунов лошадей и верблюдов, никакого вреда для царского правительства не было. Вот почему их не стали насильно селить в одном селении, потому что их вольный дух никак не уместился бы в нем. Они появлялись на свет в шатрах и разбивали их там, где было много травы и воды.

В 1914 году царское правительство переселило в Билясувар большое количество русских, не приспособленных к условиям этой местности. Хотя местное население и выступило против такого неожиданного заселения, однако никаких результатов это не дало. Так прошли годы. Наконец, свершилась Октябрьская революция. Империю накрыла революционная волна. 28 мая 1918 года образовалась Азербайджанская Демократическая Республика (Джумхурийат), провозгласившая свою независимость. Однако Советская Россия, продолжавшая политику царской России под другим названием, совершив нападение на Азербайджан, 28 апреля 1920 года положила конец независимости нашей страны. К власти пришли большевики. Политика коллективизации, осуществляемая в тридцатых годах, заставила и людей, живших в Муганской степи вольной жизнью в шатрах, перейти к оседлой жизни, записаться в колхоз. В 1930 году Билясувар стал районом, а в 1938 году переименован в Пушкинский район.

Районным же центром стал поселок Пушкино, где обосновались русские поселенцы. Конечно же, в пограничных с Ираном районах Советское правительство проводило целенаправленную жесткую политику.

Агакерим

На Мугани предки Мубариза обосновались в селении Алиабад. По словам пожилых аксакалов, селение это возникло в сороковые годы прошлого века. Отец Мубариза, Агакерим Мирильяс оглу, родился в этом селении 2 января 1956 года. Как и вся деревенская детвора, он рос трудолюбивым, по мере своих сил помогая родителям. С раннего детства Агакерим видел, как люди из самых дальних мест совершали паломничество в их дом. Их двор называли «Yel ocaǰı» – «Святылище, исцеляющее от ревматизма»: все, кто страдал ревматизмом, находили в их святылище исцеление. После окончания Алиабадской средней школы Агакерим был призван в армию.

В армии Агакерим нёс службу во внутренних войсках – в Тольятти и Пензе. В этом роде войск проводили дополнительные виды учений: солдат обучали специальным приемам для предотвращения возможных беспорядков внутри страны.

После демобилизации из армии в 1976 году Агакерим возвращался на родину. Окрыленный радостью предстоящей встречи с родными, он добрался до ближайшего от их селения военного поста. Вот сейчас он пройдет через пост, и кто-то из сельских ребят, едва завидев его, стрелой умчится, чтобы первым сообщить его родителям радостную весть: ваш сын Агакерим вернулся!

Он подошел к стоявшим на посту солдатам. Поздоровавшись, сообщил, что вернулся из армии. Указал рукой в сторону утопающего в зелени селения:

– Вот наше селение, разрешите пройти.

– Нельзя! – отрезал солдат, обращаясь к Агакериму, еще не успевшему переодеться в штатское.

Агакерима словно змея ужалила:

– Не понял, почему нельзя? – спросил он.

– Есть пропуск – проходи, а нет – так стой.

– Послушай, это моя Родина, понял?.. – еле сдерживаясь, воскликнул Агакерим. – Это Азербайджан, моя республика. Впереди мое селение. Да и сам я, как видишь, возвращаюсь из армии.

– Нельзя! – солдат взвел курок.

Агакерим, словно лишившись разума, стрелой налетел на солдат и в мгновение ока обезоружил их. На шум уже подоспели сельчане. В Агакерима вселилась такая сила, что, казалось, вряд ли найдется такой человек, который сможет его одолеть. Двое из толпы, подойдя к нему, забрали у него оружие – как бы чего не натворил.

Обращаясь к солдатам, сельчане говорили:

– Не видите, из армии вернулся. Десять дней он добирался из России домой. И теперь, получается, еще десять дней должен сидеть на посту и ждать пропуска. Вон, видите, тот дом – это их дом!

Однако обезоруженные солдаты продолжали упорствовать. Как же так, какой-то юноша, их ровесник, отобрал у них оружие? Что скажет командир? Стали звонить куда-то. Спустя десять минут к ним на помощь подоспели еще несколько солдат. Но Агакериму было всё равно. Словно какая-то сверхъестественная сила подсказала ему: не бойся, обезоружь их! – и, действительно, в одно мгновение все они оказались без автоматов. Откуда им знать, что Агакерим не был обычным солдатом. Отличный стрелок, спортсмен, он даже имел спортивный разряд. Но самое главное – они не ведали, какая безграничная ненависть из-за несправедливости в этот момент бушевала в душе Агакерима.

«Как такое возможно, кто дал им такое право? – словно очнувшись от сна, задавал себе вопрос Агакерим. – Где это видано, чтобы, явившись с другого конца страны, я не мог пройти в свое родное селение? Чтобы для этого от меня требовали пропуск? Где же справедливость? Как можно такое терпеть?»

Солдаты тоже были возмущены. Они никак не могли себе простить, что какой-то их ровесник, невысокого роста парень обезоружил их. Они двинулись в сторону Агакерима, им не терпелось поколотить его, дать волю кулакам. Но словно сам Всевышний придал ему сил, он с легкостью, мастерски отбивал удары. Сельчанам же ничего не оставалось, как смотреть на это зрелище неравного боя. Они очень хорошо знали, какой шум может подняться, стоит им поднять руки на солдат. Среди

них были и те, кто был живым очевидцем 37-го года. Да, им было хорошо известно, на что гораздо советское правительство.

Как ни старались солдаты, одолеть Агакерима им не удалось. В конце концов Агакерим сам отправился в воинскую часть. Здесь он оказался в окружении шестнадцати солдат, которые жаждали проучить дерзкого парня. Круг всё сужался, солдаты двигались в сторону Агакерима, который, согнувшись, поджидал их, не упуская из виду ни одного движения соперников.

Вдруг неожиданно Агакерим присел и, проскользнув между ног одновременно бросившихся к нему солдат, вскочил и побежал к стоявшему в стороне командиру, наблюдавшему за всем происходящим. В душе командира зародилось к этому парню, еще не успевшему снять с себя солдатскую форму, необъяснимое чувство симпатии.

– Товарищ командир, на каком основании ваши солдаты, вложив патроны в автоматы, взвели курки, собираясь убить меня? – воскликнул Агакерим. – Вот против таких незаконных действий я и выкинул этот номер. Они не пропустили меня в мое селение. Ведь это несправедливо. Я все еще в военной форме, не успел переодеться. Пусть хотя бы проявят уважение к этому.

Командир подозвал к себе солдат. Двух из них, направивших оружие на Агакерима, командир посадил на гаупвахту. А Агакериму разрешил отправиться в свое селение. Поблагодарив командира, Агакерим поспешил к своим родным. Он шел, но в душе никак не мог примириться с установленными у него на родной земле военными постами. Чувствовал, что он уже не тот доверчивый, наивный солдат, каким был прежде. Произносимые им до вчерашнего дня слова «Я советский воин!» теперь в его памяти звучали неубедительно. Какое он имеет отношение к армии, в которой нет ни одного слова на его родном языке? В один миг он словно весь преобразился. Мир в его глазах теперь уже был окрашен в другие цвета. Слово он находился до сих пор в глубокой спячке и неожиданно проснулся. Но сколько бы в душе Агакерим ни питал ненависти, он все равно должен был проходить через эти посты. Другого выхода не было. Советская система была всесильна.

Агакерим не собирался терять времени даром. Он не стремился, как многие другие, после службы в армии податься в Баку, Сумгайыт, в один из российских городов, чтобы «стать человеком». Он предпочел остаться в селе, среди родных. Окончив в Сальяне Сельскохозяйственный техникум, несколько лет проработал в Управлении по защите растений в должности старшего агронома. Затем, пройдя курсы усовершенствования, начал работать главным агрономом в объединенном колхозе селений Алибад и Хырманали. Потом объединенный колхоз распался, и Агакерим стал работать только у себя в селении. В этой должности он проработал до 1993 года. Начиная с 1993 года, он брал землю в аренду и обрабатывал её.

Женившись в 1981 году, Агакерим построил счастливый семейный очаг. Его первенец, Бахруз, родился в 1983 году, средний сын, Рашад, – в 1985 году, а последний, Мубариз, – 7 февраля 1988 года. Когда Мубариз появился на свет, Агакерим, едва взглянув на него, обращаясь к жене, сказал:

- Этот ребенок особенный, он отличается от тех, старших братьев.
 - Чем же он отличается? – с легкой улыбкой спросила Шамама-ханым.
 - Ты посмотри на свет в его глазах.
 - У всех глаза излучают свет.
 - Нет, у этого ребенка свет в глазах особенный. Я назову его Мубаризом.
- Шамама-ханым, соглашаясь с мужем, произнесла:

– Пусть с этим именем он проживет долгую жизнь.
– Жизнь дается Всевышним, даст Бог, когда вырастет и начнет совершать намаз, принесу в жертву барана.
– Дай-то Бог, – ответила Шамама-ханым.
Агакерим, тяжело вздохнув, сказал:
– Не знаю, к чему приведёт всё это. Страну охватили митинги. Империя рушится, Шамама. Наконец-то те, кто строил посты на нашей земле, пропуская нас к себе на родину по пропуску, понесут заслуженную кару. Все народы поднялись на ноги, кажется, мир меняется.
– Э... Агакерим, какое нам дело, мы же не политики.
– Правда, мы не политики, но ведь видим же, что творится вокруг. Русские генералы так легко не покинут нашу страну. Вот, смотри, как они в Нагорном Гарабахе исподтишка настраивают армян против нас. Теперь те заявляют о своей независимости. Хотят присоединить Нагорный Гарабах к Армении.
– Держи карман пошире... Кто им даст Гарабах?
– Эх, твоими бы устами... Мы-то не дадим. Но нас втягивают в войну. В свое время эти русские, чтобы создать себе опору на нашей земле, переселили армян в Иреван, Гянджу, Гарабах, Нахчыван, и в конце концов создали для них на наших землях Армянскую республику.

Проходили дни, месяцы и годы. «Мастер перестройки» Горбачев и его супруга Раиса Максимовна открыто покровительствовали армянам. Будто бы желая восстановить мир между двумя народами, они, «честно» глядя своими лживыми глазами, давали с телеэкранов наставления то армянам, то азербайджанцам, не позволяя отличить правду от неправды. Закрывались глаза на открытое вооружение армян, а у азербайджанцев отбирались охотничьи ружья. Вот почему весь Азербайджан был охвачен волной протеста. Наконец Горбачев решил заставить замолчать азербайджанский народ и 20 января 1990 года, направив войска в Баку, учинил кровопролитие.

Мубариз

Мубариз постепенно подрастал. Он был любимцем семьи. По ночам мальчик очень любил, юркнув в родительскую постель, засыпать между отцом и матерью. Ему нравилось самому напевать матери колыбельную... Убаюкивая, он засыпал и сам.

Прошли годы, пришло время Мубаризу отправиться в школу. Когда впервые на него надели школьную форму, он не находил себе места от переполнявших его чувств радости и гордости. Однажды родители были приглашены в школу – на Праздник Азбуки. После выступлений прозвучал «Солдатский марш» – «Əsgər marşı» композитора Джаваншира Гулиева. И вдруг, откуда ни возьмись, Мубариз оказался перед Агакеримом:

– Встань, отец, играют марш.

Агакерим невольно поднялся на ноги. Звуки марша разносились по всей комнате...

...Говорят, из детской памяти ничего не стирается. Когда Мубаризу исполнилось пять лет, Ходжалы был стёрт с лица земли, Шушинская крепость захвачена армя-

нами. А когда ему было шесть лет, враги оккупировали Лачын, Кяльбаджар, Агдам, Джебраил, Физули, Губадлы, Зангилан. Несмотря на свой малый возраст, Мубариз осознавал, какая огромная утрата постигла его родину. Размеры этой утраты, вся глупина боли, страданий росли вместе с ним.

В школе проводились мероприятия, посвященные оккупации наших городов и районов. Рассказывая о Ходжалы, учитель говорил:

– Ребята, Ходжалинская трагедия приравнивается к самым жестоким и страшным трагедиям, учиненным в XX веке – в Хатыни, Хиросиме. До кровавой трагедии 1992 года численность населения в Ходжалы составляла 7 тысяч человек. Здесь поселилось большое количество азербайджанцев – беженцев из Армении и Ханкенди, и турок-месхетинцев, изгнанных в 1989 году из Ферганы. Дети, помните всегда! В ночь с 25 на 26 февраля 1992 года армянские вооруженные отряды при помощи дислоцированного в городе Ханкенди 366-го мотострелкового полка бывшего СССР напали на безоружных и беспомощных жителей Ходжалы. Вначале город был окружен с четырех сторон армянскими бандформированиями, после этого Ходжалы был подвергнут мощному и беспощадному обстрелу из артиллерии и тяжелой военной техники. За короткое время весь Ходжалы был объят пламенем. Защитники и местные жители вынуждены были покинуть город. К пяти часам утра 26 февраля город был полностью захвачен армянскими оккупантами. За одну ночь древний Ходжалы был стерт с лица земли. Жители, вынужденные покинуть город, спасаясь от врагов, подались в горы, леса. Озверевшие вооруженные армяне со всех сторон обстреливали мирное население, учинив над ними беспощадную кровавую расправу. Сколько женщин, детей в эту морозную февральскую ночь было захвачено в плен, взято в заложники. Люди, спасаясь от армянской расправы, бежали в горы, леса, однако многие из них погибли там от холода, стужи. В результате преступного зверства армянских бандформирований 613 жителей Ходжалы было убито, 487 получили увечья, став инвалидами, 1275 мирных жителей – старики, дети, женщины, захваченные в плен, подверглись невыносимым истязаниям, унижениям и оскорблениям со стороны армянских извергов. До сих пор неизвестна судьба 150 человек. Это был подлинный геноцид. Из 613 убитых в Ходжалы людей 106 были женщины, 63 – дети, 70 – пожилые люди. Во время Ходжалинской трагедии 8 семей были полностью уничтожены. 24 ребенка потеряли обоих родителей, а 130 детей – одного из родителей. В этом преступлении 56 человек были убиты с особой жестокостью. Они были заживо сожжены, им отрезали головы, с них была содрана кожа лица, у младенцев выколоты глаза, у беременных женщин штыками распороты животы. Армяне надругались даже над телами уже мертвых людей... Ребята, наш народ и государство будут всегда помнить и никогда не предадут забвению Ходжалинскую трагедию. Как вы знаете, Президентом Азербайджанской Республики Гейдаром Алиевым 1 марта 1994 года был издан специальный Указ. Решением Милли Меджлиса Азербайджанской Республики 26 февраля был объявлен «Днем Ходжалинского геноцида и национального траура». Об этом было сообщено во все международные организации. 25 февраля 1997 года Президентом Азербайджанской Республики Гейдаром Алиевым был издан Указ «Об объявлении минуты молчания в память о жертвах Ходжалинского геноцида».

Мубариз, затаив дыхание, слушал учителя. Он хотел услышать от учителя лишь одну фразу, наполняющую душу чувством гордости и достоинства. Нет, не о смертях и крови, разрухе и воплях беженцев, лишившихся родных очагов, нет... Но тогда он так и не услышал главного, заветного слова.

Шли годы, Мубариз переходил из класса в класс. Ежегодно отмечались дни оккупации, учащиеся с трибуны декламировали стихи поэтов, описавших в поэтической форме нашу беду, трагедию, – но ни в одном выступлении не говорилось о возврате оккупированных земель азербайджанцам. Чистая, пылкая душа Мубариза наполнялась горьким чувством возмущения, жадной возмездия.

Его душа рвалась отомстить за те истязания и пытки, которым подвергся его народ. Ребенка не обманешь, он уже четко понимал – крупнейшие державы, управлявшие всем миром, ведут коварную игру, построенную на двойных стандартах. Захватчики ставились на одни весы с теми, чьи земли были захвачены.

Особенно тяжело было Мубаризу на уроках истории. Учитель с воодушевлением, взалхлеб рассказывал об истории Гарабахского ханства, о Панахали-хане Джаваншире, о построенной им Шушинской крепости.

– Дорогие ребята, – говорил учитель, – мы потеряли один из крупнейших культурных центров. Шуша была оздоровительным центром, родиной талантов. Ни один город не подарил Азербайджану столько талантов, сколько дала Шуша. В XX веке в Шуше жили и творили 95 поэтов, 22 музыковеда, 38 певцов-ханенде, 19 каллиграфов, 16 орнаменталистов, 12 переписчиков книг, 5 астрономов, 18 архитекторов, 16 врачей-целителей, около 42-х учителей и т.д.

Далее учитель рассказывал о Фатали-хане Афшаре, в своё время совершившем нападение на Шушу, о Мухаммедгасан-хане Гаджаре, его сыне Ага Мухаммед-шахе Гаджаре. Услышав о том, как во время осады Ага Мухаммед-шахом Гаджаром Шушинской крепости гарабахский Ибрагим Халил-хан Джаваншир вместе с двумястами всадниками и наполненными порохом кувшинами, выбравшись из крепости, уничтожил артиллерию Гаджара, Мубариз, вскочив с места, прокричал:

– Учитель, слава нашим предкам!

Но стоило Мубаризу вспомнить, что Шуша сегодня находится в руках оккупантов, он, насупившись, хмуро сидел, думая про себя: «Настанет час, и я покажу им, почем фунт лиха». Конечно, как и все, внешне он вел себя спокойно. Но в душе у него все клокотало. Его истомившаяся душа словно хотела вырваться из груди наружу и улететь ввысь, в бескрайнее пространство и оттуда взглянуть на Шушу. Он жаждал побродить по местам, где в своё время ходили Панах-хан, Ибрагим Халил-хан, Молла Панах Вагиф, ханская дочь Натаван, Гасым-бек Закир, Мир Мовсун Навваб, Узеир-бек, Джаббар Гарягды, Хан Шушинский... Ах, как бы ему хотелось попасть на Джыдыр дюзю... Склониться над родником Иса булагы и испить животворной воды из него, послушать соловьиные трели в лесах Топханы. «Что же, неужели мне так и не суждено будет увидеть Шушу, поскакать на Джыдыр дюзю?» – думал он.

У Агакерима не было дочерей, он был отцом троих сыновей, которыми одинаково гордился, любил их безмерно. Как отец, он хотел видеть их здоровыми и сильными. С сыновьями он всегда обращался по-дружески, на равных. Хотел, чтобы они выросли настоящими мужчинами. Бахруз с Мубаризом проявляли интерес к спорту, занимались боксом. Мубариз говорил отцу, что придет день, и он поднимет флаг Азербайджана или в спорте, или в ратном деле. Агакерим поддерживал сына:

– Я верю в тебя. Флаг священен. Раз у тебя такая святая любовь к нашему флагу, то рано или поздно он обязательно будет реять у тебя над головой.

В один из вечеров, после дневных забот, когда скот был загнан в хлев, и они сидели за вечерним ужином, Агакерим, обращаясь к сыновьям, спросил:

– Знаете, чего я не люблю больше всего?

Мубариз, вскочив с места, воскликнул:

– Я скажу, чего не любит отец. Ты терпеть не можешь ложь!

– Верно говоришь, – улыбаясь, ответил Агакерим. – Я ненавижу ложь. Также терпеть не могу продажных людей – предателей. И подхалимов. Запомните, те, кто сплетничает, сеет вражду, раздор между людьми, – это недостойные люди. Их никто не уважает. И ещё, зарубите у себя на носу: когда вырастете, никогда не лишайте других куска хлеба, ешьте лишь честно заработанный, праведный хлеб. Никогда не забывайте добро, сделанное вам другими людьми. И ещё запомните, Родина дороже матери. Кому не дорога Родина, тот не полюбит и родную мать.

На глаза Мубариза навернулись слезы:

– Я горжусь тобой, отец.

– Я не совершил ничего героического.

– Не говори так. Ты вырастил меня честным трудом. Научил любить родину.

Предостерег меня от дурных поступков.

Не было дня, чтобы, сидя за ужином, у теплого очага или под сенью деревьев, не велись подобные беседы. Вот в такой семье и вырос Мубариз.

Одиннадцать лет пролетели как один миг. В 2005 году Мубариз окончил Алиабадскую сельскую среднюю школу имени Малика Пириева. Он не собирался поступать в вуз. Его увлекал только спорт. Не любил драк, потасовок. Когда кто-то из его товарищей, явно слабее его, распетушившись, задиристо лез на рожон, это вызывало у него смех. Мубариз всей душой верил, что когда-то станет чемпионом, и именно в честь его победы будет поднят флаг Азербайджана.

Конечно, Мубариз не был фантазером-мечтателем. За всеми этими мечтаниями стояли его мощная сила и непоколебимая воля. Он не любил делиться с кем-либо своими самыми сокровенными, глубоко личными мыслями. Единственный человек, кому открывал душу Мубариз, был его отец Агакерим. Его отцу были присущи такие бесценные качества – благородство души, мужество, – какие редко у кого найдешь.

Подошло время служить Мубаризу в армии. Когда его сверстникам приходили повестки из военного комиссариата, а его все еще не призывали, он сильно переживал. Однажды вечером он, обращаясь к отцу, сказал:

– Отец, смотри, не дай Бог, если вздумаешь, как некоторые, вмешаться в мои армейские дела и попытаться освободить меня от службы...

– Что ты говоришь, сын? – обиженно произнес Агакерим. – Как тебе пришло это в голову? Ведь ты хорошо меня знаешь, я никогда на это не пойду.

– Вот и хорошо, отец, вот за это я и горжусь тобой. Даст бог, призовут меня в армию, и тогда ты увидишь, какой у тебя сын!

Эти слова прозвучали загадочно. Агакерим удивлённо посмотрел на сына.

– Отец, моя мечта – попасть в район боевых действий... – в глазах Мубариза на миг промелькнула искорка.

Агакерим взглянул на сына, которого он ещё до вчерашнего дня считал ребенком. Перед ним стоял статный, широкоплечий юноша, ростом в 180 см. «Да хранит его Аллах от дурного глаза, это особый ребенок», – с гордостью подумал Агакерим.

– Поздно уже, пошли спать, – сказал он. – Будь спокоен, тебе тоже пришлют

повестку. Иншаллах, пойдешь и отдашь свой долг.

Утром Мубариз проснулся, услышав голос отца. Агакерим, улыбаясь, держал в руке бумагу с печатью.

– На, возьми, уж очень мечтал, тебе пришла повестка! – сказал он.

Мубариз обрадованно вскочил с постели.

– Спасибо, отец, за радостную весть! – прочитав повестку, сказал: – Завтра должен быть в военном комиссариате.

– Очень хорошо, завтра и пойдёшь.

– Смотри, не вздумай идти со мной... – предупредил отца Мубариз.

– Не пойду, – сказал Агакерим и добавил: – Отслужишь, вернешься, мы тебе сыграем свадьбу, приведем в дом невестку, станешь отцом, вот тогда ты поймёшь мои переживания.

– Отец, раньше старших братьев младшего не женят. Вначале поженишь Бахруза и Рашада.

– Дай бог, иншаллах, – сказал Агакерим и вышел из комнаты.

Спустя два дня Мубариз отправился на службу в армии. Как когда-то его отец, он тоже попал во внутренние войска. Честно говоря, это ему не очень нравилось. Он мечтал служить в Национальной Армии, да к тому же – в зоне боевых действий. Хотя бы издали увидеть Муровдаг со снежной вершиной, Шахбулаг, горы Шуши. Но что было, то было. Ему предстояло служить в подразделении спецназа. Здесь он дослужился до звания сержанта, проявив отличные боевые качества.

Агакерим несколько раз навещал его в воинской части. Когда отец в последний раз виделся с ним, Мубариз, не выдержав, задал вопрос, который давно угнетал его:

– Отец, скажи мне правду, ты имеешь отношение к тому, что я попал на службу во внутренние войска?

Агакерим удивленно взглянул на сына.

– Ведь ты меня ещё до призыва в армию предупредил, чтобы я не вмешивался, и я дал тебе слово. Но чем же ты здесь недоволен?

– Нет, всё в порядке, – ответил сын. – Наоборот, в этой воинской части я многому обучился. Но я мечтал служить в зоне боевых действий.

– Так там сейчас действует режим прекращения огня.

– Ничего себе – режим прекращения огня. Почти каждый день в пограничной зоне убивают наших солдат.

– Наверняка, мы тоже не оставляем врага без ответа.

– Отец, те преступления, которые совершили они против нас, невозможно забыть и через тысячу лет. Они разрушили, разграбили наши города, селения. Растащили все, что попадало под руку. Вот посмотришь, их пресловутые «археологи» будут проводить на наших землях раскопки, «выкопав» так называемые «армянские города». Отец, у них нет ни веры, ни души! Те, кто призывает нас к миру, в свое время сами же, взяв их под свое покровительство, построили им государство на наших землях. Теперь эти наглецы опять требуют от нас землю. Они причинили нам много бед, страданий, отец. В каждом селении имеется кладбище, где похоронены наши шехиды. Когда же эти безбожники понесут заслуженное наказание?

– Не терзай себя, сынок, с божьей помощью рано или поздно они понесут кару за свои злодеяния, – Агакерим постарался успокоить сына.

Мубариз, казалось, уже успокоившись, вдруг воскликнул:

– Ничего, иншаллах, увидят они, ещё услышат...

Агакерим промолчал. В душе же он проклинал врага: «Никак не успокоятся эти хайи. Стоит дать им затрещину, как их вой доносится из ООН. Ведут себя как бесстыжие крикливые бабы. А заступники гладят их по голове. Ну что ж, будет и на нашей улице праздник. Однажды они захлебнутся в собственной крови».

Попрощавшись с сыном, отец возвращался в родное селение. Всю дорогу он думал о сыне, слова Мубариза свидетельствовали о том, что Агакерим воспитал достойного гражданина своей родины. А что такое родина? Родина – это люди вокруг тебя, твои соотечественники, это изумрудно-зеленые леса, горы, нивы, возделанные руками тружеников, луга с пасущимися на них тучными стадами, отарами овец, табунами лошадей, это журчащие прохладные родники, реки, это родная земля... Всё это – Родина. Нельзя защитить Родину без любви к ней. Иначе всегда найдутся те, кто, за неимением собственной родины, захватят и присвоят твою землю.

Агакерим понимал, что сумел привить детям любовь к родине. Хотя порой от брошенных Мубаризом реплик ему становилось не по себе. Его душу наполняли сомнения, тревога, сердце сжималось от непонятной тоски...

...Дома Шамама расспрашивала его о Мубаризе.

– Мубариз всё тот же, каким ты его видела, – отвечал он коротко. – Доволен службой. Стал сержантом. Ему посчастливилось, Шамама, стать воином независимого Азербайджана. Своя родина, свой язык, и офицеры – свои соотечественники. Нет ничего проще служить у себя на родине... Да и Мубаризу совсем мало осталось до возвращения. Вон и жертвенный баран уже дожидается его в стойле...

В 2007 году Мубариз демобилизовался из армии. Как образцового солдата, его демобилизовали на несколько дней раньше срока. За время службы он смог завоевать любовь и уважение сослуживцев, командиров. Командир даже сказал ему:

– В случае, если не найдешь работы, придешь ко мне, помогу.

Мубариз, поблагодарив его, распрощался с ним.

... В селение он добрался к вечеру. Стоило ему появиться в воротах, как мать, раскинув руки, бросилась к нему на грудь и иступленно стала целовать сына...

В честь его возвращения отец зарезал жертвенного барана...

Спустя несколько дней Агакерим, обращаясь к сыну, спросил:

– Ну, каковы планы, чем хочешь заняться?

– Буду пасти скот, чем ещё можно заняться в селе?

Агакерим, глядя на его статную фигуру, не выдержал:

– Не жалко растратить свою молодость на скот? – сказал он.

– А разве есть другой вариант?

– Езжай в Баку, для такого парня, как ты, всегда найдётся работа.

– Таких парней, как я, в Баку много. Есть среди них и работающие, и безработные...

На этом разговор был окончен. Некоторое время Мубариз пас скот. Потом понял, что отец был прав, это занятие не для него. В ноябре он отправился в Баку, к тому командиру, который обещал ему подыскать работу. Командир встретил Мубариза приветливо и после нескольких проверок устроил его в караул. Там Мубариз проработал около восьми месяцев. Но и здесь ему стало тоскливо. Словно он искал

себя, свое место в жизни, но никак не мог найти. Работа, которой он занимался, никак не соответствовала той энергии, которая бурлила в нем. Поблагодарив командира, он вернулся в село.

– Не мое это дело, отец, стоять в карауле, – сказал он отцу.

– И что же теперь собираешься делать? – спросил Агакерим.

– Хочу служить в Национальной Армии. Пройду школу прапорщиков и отправлюсь сражаться – в зону боевых действий.

– Сынок, случись война, мы все, как один, пойдем. Но теперь ведь нет войны.

– Война еще не закончена, отец. Если бы закончилась, то наши солдаты не погибали там.

– Иногда такие трагедии случаются по неосторожности самих же солдат.

– Мы не стреляем в сторону Армении, но армянские снайперы, засевшие в захваченных ими наших селениях, держат нас под постоянным прицелом. Наши земли изнаывают под вражеской пятой, отец! Земля взывает к нам, требует освобождения! Эти земли истосковались по звукам азана, отец! – глаза Мубариза метали искры.

В душе Агакерим был согласен с сыном, но разрешить сыну идти в армию не хотел. И он твердо сказал:

– Нет! Займись спортом. Ты ведь боксер. Потренируйся, наберись сил, стань чемпионом, пусть родители радуются твоим успехам, пусть народ гордится тобой.

Мубариз не стал перечить отцу. Вновь отправился в Баку.

Там он начал заниматься боксом. Его тренер говорил, что из него выйдет отличный боксер. Он обещал сделать из него чемпиона мира... Агакерим ежемесячно посылал сыну деньги, чтобы он ни в чем не нуждался.

Но Мубариз не хотел быть обузой отцу. Его средний брат Рашад работал в Биби-Эйбатской мечети. Мубариз предупредил отца, что наряду с занятиями спортом будет работать в саду за мечетью. На этот раз Агакерим не стал возражать. Прошло некоторое время, у Мубариза был явный шанс попасть в сборную команду страны по боксу. Но как-то однажды, взбираясь вверх по кособору после работы в саду, он поскользнулся и упал, повредив руку. Пришлось вновь вернуться в село.

– Всё, со спортом покончено! – решительным тоном заявил он отцу, так что Агакерим не нашел, что сказать. – Пойду в армию, буду учиться на прапорщика.

На этот раз к разговору отца с сыном подключилась и Шамама-ханым:

– Агакерим, не мешай сыну, пусть поступит так, как велит его душа.

Агакерим больше не стал настаивать. Наутро Мубариз сдал документы в районный военкомат. Спустя некоторое время он был направлен на учебу в Баку, в школу прапорщиков. После шестимесячного обучения вернулся домой.

– Ты ни о чем не жалеешь, сын? – спросил у него отец.

Вместо ответа Мубариз расцеловал изображение Национального флага на пришитом на рукав шевроне.

– Я очень доволен, отец, – произнес он. Потом, чуть промолчав, добавил: – Иду в зону боевых действий, благослови меня, – Мубариз, произнес эти слова, неожиданно нагнулся и поцеловал ноги отца. – Со дня возвращения из армии я каждый день совершаю намаз, благослови меня, отец.

– Всё, что я делал для тебя, весь мой труд, вложенный в тебя, пусть пойдёт тебе впрок. Да хранит тебя Аллах!

...15 марта 2010 года Мубариз в звании прапорщика отправился в воинскую часть. С ним был заключен договор сроком на пять лет.

Жребий брошен: быть или героем, или шехидом

Мубариз в очередной раз приехал на побывку в отчий дом. Как обычно, вся семья собралась за ужином. Мубариз рассказывал, Агакерим молча внимал ему. Потом начинал говорить отец. Он сильно переживал за сына, а сын в это время думал о том, что будет с ними в скором времени. На миг он в мыслях возвращался в оккупированные места, словно ощущая на своей коже дуновение ветерка оттуда. Он четко понимал, что ему не суждено будет больше побывать в родном селении, ночевать в отчем доме. Эту судьбу, эту участь он выбрал осознанно. Он шёл к этому судьбоносному выбору на протяжении всей своей жизни. Непрерывающиеся преступления, совершаемые врагом против его народа, двойственная игра мировых держав, так называемые «двойные стандарты», все эти несправедливости, предвзятости подпитывали его душу чувством мести, которое не отпускало его уже ни на минуту. «Родина дана нам Всевышним. Но мы не уберегли ее. Как же мы предстанем перед лицом Всевышнего, если не сумеем забрать свою Родину обратно у врага?», – так с горечью он размышлял, находя успокоение лишь в предстоящем поступке, который замыслил.

«Быть мне или шехидом, или героем! Нет, нет, вначале буду героем, отомщу врагу, а затем стану шехидом!» – думал он.

В последний раз он при свете луны бродил по родному двору. Последний раз вбирал в себя прохладу весенней ночи Билясувара. Он родился и вырос в этом дворе. Каждая пядь этой земли была дорога ему. Этот двор был свидетелем многих счастливых моментов, торжеств. Самой заветной мечтой родителей было сыграть его свадьбу в этом дворе. Увидеть свадьбу сына или дочери – счастье для родителей...

3-го июня 2010 года Мубариз прощался с родителями. Встав лицом к лицу с отцом, он смотрел на него так, словно видит в последний раз. Агакерим почувствовал каким-то шестым чувством, что Мубариз больше не вернется. Но разве мог он поделиться тем, что пронеслось у него в голове, со своей спутницей жизни, матерью своих сыновей – Шамама-ханым? Как он мог сказать ей об этом?...

Мубариз, улыбаясь, протянул руку отцу:

– Благослови, отец!

– Ты давно получил благословение, сын, – печально голосом произнес Агакерим. – Да будет тебе впрок, как материнское молоко, все, что я сделал ради тебя...

– Что-то я не пойму, – обиженным голосом промолвила Шамама ханым. – Честное слово, вы оба разрываете мне сердце. Что это за благословение? Делать вам нечего, что ли? Может, война началась, а я не знаю... Агакерим, война началась?

– Э-э, какая война, нет никакой войны, – ответил Агакерим. – Это всё твой сын...

– Ну, прощайте! – и Мубариз обнял мать на прощание.

– Пусть Аллах будет тебе опорой и посредником во всех твоих замыслах – тайных и явных, – произнесла Шамама-ханым, вылив кружку с водой вслед сыну.

– Аминь!!! – воскликнул Мубариз. В последний раз, обернувшись, посмотрел на родителей. В их памяти он так и запечатлелся: высокий, статный, широкоплечий, улыбающийся...

...И вновь Мубариз находился в воинской части, лицом к лицу с врагом, по вине которого наши отчие владения были разорены и разрушены, сотни тысяч людей лишились своих родных очагов. Разлетелись даже птицы, разбежались звери, которые когда-то водились в тех местах. Давно уже не слышно было здесь пения жаворонков, куропаток, дроздов. Перестали плодоносить деревья. А вся земля заросла сорной травой – татарником, колючими кустарниками держидерева. А враг, несмотря на пе-

ремирие, договоренность о режиме прекращения огня, продолжал обстреливать близлежащие селения шквальным огнём...

Днём Мубариз ещё как-то терпел все это, отвлекаясь на разговоры с друзьями, солдатами. Но когда наступали сумерки, словно свет меркнул в его глазах. Когда он, обратив лицо в сторону наших оккупированных селений, городов, безмолвных гор, часами вглядывался через подзорную трубу в родные места, то вся его душа пылала адским огнем. Ему казалось, что именно в этот час происходит Ходжалинская трагедия. Ему слышались душераздирающие вопли, жуткие стоны несчастных жертв того страшного злодеяния. Перед его глазами оживали ежегодно показываемые по телевизору в день памяти Ходжалинского геноцида картины, заснятые тележурналистом Чингизом Мустафаевым на месте трагедии, в ушах всё ещё раздавались его рыдания. Плачущий голос журналиста, произносящий одно короткое слово: «Снимай!», отдавался эхом в душе Мубариза. Эта окоченевшая пятилетняя девочка на руках Чингиза, старик, обнявший свой костыль, мужчины, женщины, дети... – все они зывали его к отмщению.

Нет, хватит, довольно. Пора показать врагу, кто здесь хозяин. Надо, чтобы те, кто самочинно орудует здесь, знали, кому принадлежат эти земли, эти горы и ущелья, эти поля и леса... если ему удастся, выбравшись из окопа, беспрепятственно продвинуться в сторону вражеских позиций, то он окажется во вражеском окопе. Самое главное – добраться туда живым и невредимым. Умереть несложно. Стоит лишь высунуть голову из окопа и готово: снайперская винтовка нацелена прямо в тебя. Но он не хотел такого «героизма». Это означало бы покончить с собой. А ему хотелось проявить героизм и только потом испить священную чашу шехидства.

Было одиннадцать часов ночи, 17 июня. Кругом царил тишина...

Ну всё, хватит беречь рану. Решение было твердым. Этой ночью он обязательно проберётся на сторону врага. Отомстит за всех жертв-мучеников, павших от рук этих озверевших вандалов...

Ему захотелось в последний раз услышать голос отца: «Интересно, не спит ли?» – подумал он. Вытащив мобильный телефон, набрал номер. На том конце линии слышался голос отца:

– Джан, душа моя! Не случилось ли чего, что посреди ночи позвонил?

– Нет, просто так, захотелось услышать твой голос.

– Очень хорошо сделал. Здесь все живы-здоровы. Береги себя, родной.

– Я горжусь тобой, отец. Знаю, ты всегда будешь вести себя как настоящий мужчина. Прощай, отец, спокойной ночи!

– Спокойной ночи, сынок. Пусть утро наступит с добрыми вестями.

Ах, лучше бы отец не произнёс этих последних слов: «Пусть утро наступит с добрыми вестями!». Не будь этих слов, он уже спустя пять-десять минут пробрался бы через границу. Он знал, что идет на верную смерть – шехидство. Знал, что не вернется назад, родители больше не услышат его голоса.

И он решил еще на один день отложить свой замысел. Пощадить отца. Не мог допустить того, чтобы утро для отца наступило с плохими, недобрыми вестями. «Пусть хотя бы еще один день проживет без печали», – решил он в душе.

Еще одна ночь осталась позади. Завтрашняя ночь – ночь на 19-ое июня будет его последней ночью. Он думал о том, что если не сумеет осуществить задуманное,

то придётся ждать еще две недели – срок его нахождения в карауле истекал в утренние часы 19-го числа.

Эти две недели были бы для него словно один мучительный год. Нет, нет, завтра ночью он должен покончить со всем этим. Совершив геройство, станет шехидом.

Стоял солнечный день. Гора Муровдаг была видна как на ладони. Он с нетерпением ждал наступления ночи. На душе было тревожно и тоскливо. В мучительном ожидании он завершил этот день. Солнце садилось, на время зависнув над горами. Вот-вот наступят сумерки... Послышалось пение. Кто-то из солдат усилил звук радио. Пел Ягуб Мамедов. Пел о вечной любви, которой было пронизано его сердце.

«Я не ищу своей половинки. Моя любовь, моя Лейли – моя Родина. Я – Меджнун, одержимый любовью к Родине. Но враг не даёт мне слиться со своей любовью – Родиной. Этой ночью, иншаллах, воссоединюсь с ней».

В памяти телефона Мубариза был записан голос муэдзина, призывающего к молитве, он прослушал его, обратив внимание на то, что в призыве к молитве – азане – звучит неземная, божественная печаль. В то же время мелодия азана наполняла душу человека удивительным покоем, умиротворением.

Он решил написать письмо родителям. С тех пор, как изобрели мобильный телефон, люди перестали писать письма. Найдя клочок бумаги, начал писать: «Дорогие мои – отец и мать. Не скучайте по мне. Иншаллах, встретимся в раю. Молитесь за меня денно и ночью. В такой тяжелый час для Родины я больше не в силах терпеть. Я должен это сделать во имя Аллаха. Буду сражаться с этими бесчестными до тех пор, пока не стану шехидом. Если стану шехидом – не плачьте. Напротив, радуйтесь тому, что ваш сын удостоился такой чести. Усердно служите Всевышнему. Раздавайте пожертвования. Я должен это сделать как потомок святых сейидов. Аллах всемогущ. Да здравствует Ветен – Родина! Ваш сын Мубариз. Благословите меня».

Было уже полдвенадцатого ночи. Он тайком вооружился. Выключил телефон – больше уже никто не позвонит по этому номеру телефона. Вернее, если даже позвонят, Мубариз не ответит. Этот телефон будет храниться у его отца как память о нем... Сунув письмо в карман, Мубариз снял с себя верхнюю одежду и бросил в угол. Один из солдат спросил, куда он собирается. – Никуда, – ответил он. – Иди спи!

Солдат подчинился приказу старшего по званию прапорщика. Мубариз немного подождал. Вдруг вспомнил о флаге Азербайджана. Забрав заранее приготовленный флаг, мгновенно выскочил из окопа. С Муровдага дул прохладный ветерок. Подумал: как бы не напороться на мину. Случайная смерть не дала бы исполниться его плану.

Он уверенно ускорил шаг. Словно какая-то невидимая сила вела его по заминированному полю, не давая ступить на мину. Оставалось пройти еще 1 км пути. Он шел, таясь за высохшими от безводья зарослями кустарников, припадая к небольшим бугоркам, холмикам, призывая в помощь Всевышнего. Добравшись до одинокого деревца, он распластался на земле. Чуть передохнув, пополз в сторону позиций противника. Послышалось пение. Мелодия показалась знакомой. «Этот народ не может жить без того, чтобы не присвоить себе чужое достояние. Они посягают и на наши песни, эх, да разве можно сочинить песню с такой черной душой, полной ненависти и зла? Рано или поздно их уничтожит собственная ненависть». Значит, вражеский окоп был недалеко. Он прополз еще на десять-пятнадцать метров вперед.

С невероятной ловкостью прыгнул в окоп. Гнев и ненависть, накопившиеся в его душе за двадцать два года жизни, казалось, сосредоточились в его руках. Чтобы

не было шума, он действовал без единого выстрела. Уничтожив оказавшихся на его пути нескольких солдат, ещё четверых тяжело ранил. Он еще мог бы вернуться назад. Но для него обратного пути не было – только вперед. Захватив оружие, он выбрался из окопа. Воткнув в землю флаг Азербайджана, произнес: «Джан, Ветен!» – и поднялся. Его целью было пробраться в казарму врага, произведя там переполох среди солдат. Он продолжал продвигаться вперед. Над головой светила луна. Падающая от него тень шла впереди него. Вдруг ему показалось, что за ним следуют двадцать тысяч шехидов. Они шли, размахивая над головами, подобно флагам, своими окровавленными рубашками. Он ускорил шаг. Двадцать тысяч шехидов шли за ним следом: вместе с ним были Ширин Мирзоев, Фред Асиф, Аллахверди Багиров, Джанполад, Рамиз Ганбаров, Алиф Гаджиев, односельчанин – шехид Малик Пириев и многие-многие другие.

Наконец показалась казарма врага. Вновь он, распластавшись на земле, начал прислушиваться. В нос ударил запах земли. Земли невозделанной, ждущей своего хозяина... Шёл первый час ночи. Поднявшись на ноги, он наметил несколько позиций, расположенных недалеко друг от друга. На каждой он установил оружие, надо было сбить с толку врага, пусть думают, что он не один. Кажется, те, в казарме, надеявшись на часовых, крепко спали. Подождав еще немного, он взглянул на небо, луна скрылась за облаками. И тут он направил автомат в сторону врага. Грохот от выстрелов разорвал ночную тишину. Ему послышался голос шехида Фреда Асифа: «О, боже, не допусти, чтобы выпущенная мной пуля попала в женщин и детей».

«Аминь, брат, аминь! Но пусть их матери, бабушки, тети, взяв за горло этих дыга, хозяйничающих на чужой земле, плюнут им в рожи. Почему не скажут им – убирайтесь с чужой земли?! Отстаньте, наконец, от всех!»

Он, не переставая, стрелял. То и дело менял место. Враг был сбит с толку. Всё не мог понять, откуда вдруг неожиданно, посреди ночи, пришла беда. Но вскоре и среди них нашлись те, которые, опомнившись, начали приходиться в себя.

Бой всё больше разгорался; он шел между неравными силами на протяжении пяти часов. Враг думал, что на них напал большой отряд. Они были растеряны, в замешательстве, и потому стреляли друг в друга.

Он весь обливался потом. От стрельбы болело запястье. Сильно ныла ладонь. Но он всё терпел. В голове молнией пронеслось: Аллах внял его мольбе, дав ему шанс сражаться столько времени, отомстить врагу.

В пять утра Мубариз начал отступать. Пока еще не совсем рассвело. Приносящая с гор прохлада словно поглаживала его по потному телу.

Враг хотел загнать его в ловушку. Собрав все силы, Мубариз бросился назад. Он выбрался на дорогу, ведущую в селение Юхары Чайлы. Очень спешил, не для того, чтобы спастись, – спешил, чтобы успеть к намазу.

В тишине ночи он четко слышал топот ног вражеских солдат. Свернув с дороги, Мубариз остановился у упавшей на землю подпорки для виноградной лозы. Перекинув автомат через плечо, обратил лицо к небу: «Bismillahir-rəhmanir-rəhim. Əlhəmdü lillahi rəbbil ələmin ər-rəhmanin-rəhim... О, всемогущий Аллах, слава тебе, дал мне возможность исполнить свою мечту. Если в чём-то виновен – прости, о Всевышний. Аллах мой, прими мое шехидство. Да здравствует Родина!»

Топот ног приближался. Опасаясь быть схваченным, он взялся за автомат. Ещё оставалось несколько патронов. В этот момент пули, выпущенные врагом, угодили Мубаризу в левый бок и в голову. Он перевернулся на спину. Только и смог выгово-

ритель: «Да здравствует Родина!» Ему эхом вторили горы: «Да здравствует Родина!»
Двадцать тысяч шехидов, забрав героическую душу Мубариза, покинувшую его
бренное тело, вознеслись в небо.
Медленно, как бы нехотя, рассветало. Наступало утро.

Утро Мубариза

...Рано утром зазвонил телефон. Агакерим взглянул на экран, номер был незнакомый. Нутром почуял что-то неладное. Учащенно забилося сердце: – О, Аллах, помилуй нас! – прошептал он.

В трубке послышался властный голос:

– Салам!

– Алейкумассалам!

– Агакерим-киши?

– Да.

– У вашего сына в селении нет возлюбленной?

– Нет, а в чём дело?

– А может, есть враг?

– Нет, он и мухи не обидит. А что случилось?

Человек в телефоне, чуть помедлив, промолвил:

– Аксакал, ваш сын, забрав из воинской части оружие, покинул окоп.

Агакериму всё стало ясно: «Он переборол меня, сделал то, что задумал».

– Ищите его на передовой... – коротко ответил он.

...Спустя час телефон вновь зазвонил. Агакерим быстро схватил трубку.

– Да, слушаю...

В трубке раздался голос:

– Приносим свои соболезнования, ваш сын стал шехидом!!!

В один миг Агакерим словно превратился в согбенного старца. «Вот и достиг своей мечты, сынок. Шехидом стал. Шехид!»

По побледневшему лицу Агакерима Шамама всё поняла:

– Джан, дитя мое, сынок мой – шехид, – причитая, разрыдалась она.

Агакерим, не теряя времени, отправился в зону боевых действий, где служил сын.

...Сам не знал, как проехал этот путь в четыре-пять часов. Когда добрался до воинской части, первое, что увидел, были скорбные лица солдат и офицеров. Все они стояли с опущенными головами, словно провинившиеся, стыдясь посмотреть ему в глаза. Кто-то подошел к нему:

– Мы просим прощения у вас, – услышал Агакерим. – С утра задали вам столько лишних вопросов... Поздно нашли письмо, вначале не поняли...

– Какая тут ваша вина... Если солдат ночью покидает окоп... – голос предательски задрожал. Как ни силился он не расплакаться перед солдатами и офицерами, но сдержать слёз не смог. Наконец, сделав над собой усилие, произнёс: – Пусть здравствует Родина! Стать шехидом было мечтой моего сына. Вы ни в чем не виноваты... Если уж я не сумел удержать его от этого шага, то как я могу требовать этого от вас. Божья воля!

Командир скорбно склонил голову:

– Царство ему небесное... Тело Мубариза находится на вражеской стороне, пока не можем забрать.

Агакерим поднял на командира глаза, полные горя:

– Хотя тело и находится на вражеской стороне, всё равно оно лежит на родной земле. Единственным утешением для меня является то, что мой сын достиг своей мечты, отомстил врагу, приняв шехидство. Для меня он не умер.

– И для нас тоже.

– Да, командир, душа шехида бессмертна, – Агакерим, распрощавшись со всеми, покинул воинскую часть.

Он прижал письмо Мубариза к сердцу. Еще от него остался на память телефон. Всю дорогу в его памяти звучал голос Мубариза: «Дорогие мои – отец и мать. Не скучайте по мне. Иншаллах, встретимся в раю. Молитесь за меня денно и ночью. В такой тяжелый час для Родины я больше не в силах терпеть. Я должен это сделать во имя Аллаха. Буду сражаться с этими бесчестными до тех пор, пока не стану шехидом. Если стану шехидом – не плачьте. Напротив, радуйтесь тому, что ваш сын удостоился такой чести. Усердно служите Всевышнему. Раздавайте пожертвования. Я должен это сделать как потомок святых сейидов. Аллах всемогущ. Да здравствует Ветен – Родина! Ваш сын Мубариз. Благословите меня».

Когда Агакерим добрался до своего дома, все в селении говорили о Мубаризе. По телевизору и радио передавали информацию о ночных событиях. Утешая Шамаму, Агакерим сказал: «Всякое горе надо принимать стойко. Нет, конечно, можешь плакать, но мать Мубариза должна быть достойна своего сына!»

...На следующее утро Агакерим явился в школу, в которой в своё время учился Мубариз, и попросил директора школы, чтобы тот отдал ему флаг Азербайджана из своего кабинета.

– На что тебе флаг? – удивился директор.

– Разве твой ученик Мубариз не стал шехидом?..

Слова Агакерима смутили директора. Он ещё раз выразил соболезнование Агакериму и вручил ему флаг.

Агакерим шел по селению к своему дому, держа флаг над головой. Чувствовал на себе удивленные взгляды односельчан. Но он шел твердой поступью, не обращая внимания ни на кого. Войдя во двор, потребовал лестницу. Приставив лестницу к стене, взобрался по ней наверх и водрузил флаг на воротах.

– Этот флаг поднят Мубаризом, – сказал он. – Да здравствует Родина!

Святылище Мубариза

...Доехав до селения Алиабад, я спросил у прохожих, где находится дом Мубариза. «Пройдите чуть вперёд, там на воротах увидите флаг», сказали мне. Пройдя по сельской дороге, я, наконец, добрался до указанного дома, на воротах которого развевался трехцветный флаг Азербайджана.

Ворота были открыты. Снаружи стояло множество машин. Несмотря на раннее утро, во дворе толпился народ. Представившись отцу Мубариза, я сообщил ему о цели своего визита – я хотел написать о его сыне. «Мы вас заочно знаем, – сказал он. – У нас есть ваша книга «Фред Асиф».

Наша беседа с Агакеримом длилась около трёх часов. Я был восхищён его стойкостью, широтой души, идейной убежденностью. Невольно подумалось: именно у таких отцов должны быть такие сыновья-герои, как Мубариз.

Все время, пока я был в доме у Агакерима, сюда нескончаемым потоком стекались люди, приехавшие из разных уголков Азербайджана для выражения соболезнования семье героя. Стоя у доски почета с фотографиями Мубариза, люди, минутой молчания почтив его память, уходили не сразу. Это место, бывшее в свое время святилищем их предков – «Йел оджагы», теперь превратилось в святилище Мубариза...

... Я рассматривал фотографии Мубариза, его боксёрские перчатки. Полистав памятную книгу, прочитал всё, что было написано о нашем герое. Все эти слова переполняли меня чувством гордости.

Решив посетить могилу Мубариза, я спросил у Агакерима, где находится сельское кладбище.

– Далеко, – сказал он, затянувшись сигаретой.

Слова Агакерима словно встряхнули меня. Я вспомнил, что армяне до сих пор не вернули Азербайджану тело Мубариза...

– Простите меня, – извинился я перед Агакеримом. – Видимо, забылся. Всё равно, Мубариз живет в наших сердцах. Его душа вечно будет с нами.

– Это так, – сказал он.

– Остались ли его изображения хотя бы на видео?

– Есть его четырехминутное изображение, снятое на видео со свадьбы соседа. Друзья танцуют, а он хлопает. Не любил ходить на свадьбы, танцевать. Очень серьезный был парень.

– А голос его как, сохранился?

– Нет, – сказал он.

По моей просьбе принесли телефон Мубариза. Я хотел узнать круг его интересов. Мы послушали сохранившиеся в памяти телефона записи. В конце прозвучал азан – призыв к молитве. Мы безмолвно слушали. Азан закончился. Я выключил телефон. Поднялся. Подойдя к доске с фотографиями Мубариза, склонил голову.

Выразив соболезнования Агакериму, я распрощался с ним.

Я отправился в Билясувар. Шёл по улице Мубариза Ибрагимова. Одна из самых широких улиц города была названа его именем.

Везде, куда бы я ни шёл, меня встречали фотографии Мубариза. Стены домов, ворота, витрины магазинов, машины, словом, всё кругом было украшено фотографиями Мубариза. Билясувар превратился в город Мубариза.

Возвращался в Баку вечером. Передо мной ехала машина, на заднем стекле которой были приклеены две фотографии Мубариза. Я не мог оторвать от них взгляда. В эту минуту мне показалось, что это он, Мубариз, ведёт меня, указывая мне дорогу...

17–21 августа 2010 года

От редакции

Лишь 6 ноября после долгих переговоров армянская сторона вернула тело Мубариза Ибрагимова Азербайджану. На следующий день Мубариз Ибрагимов был похоронен на второй Аллее Почетного захоронения в Баку.

Седьмого февраля 2017 Национальному герою Азербайджана исполнилось бы 29 лет.

Allah rəhmət eləsin!

НАИЛЯ БАННАЕВА

Сказка о доброй королеве

**Королевством маленьким
Правит королева.
Расточает милости
Направо и налево.**

**Рука ее дающая
Щедра, полна, легка...
Слава королеве!..
Слава на века!**

**Владенье информацией –
Вот секрет успеха.
Шепот сплетен по дворцу
Тревожно носит эхо.**

**Нет ни сна, ни отдыха
Болтливым языкам...
Слава королеве!
Слава на века!**

**Рыженькая фрейлина
Тайно нашептала:
«Ох, ваше величество,
Я о таком узнала...»**

**И тут же негодующий
Указ строчит рука...
Слава королеве!
Слава на века!**

**С плахи разлетаются
Осиновые крошки.
Рыженькая фрейлина
Хихикает в ладошку...**

**Изгнание заговорщикам,
Смерть еретикам!
Слава королеве!..
Слава на века!..**

**Кавалер напудренный
Преданный короне,
Томно изгибается
В изысканном поклоне.**

**Министр-инквизитор –
Персона велика...
Слава королеве!
Слава на века!..**

**А другой – наряженный,
С завитою гривой,
Ручку королевскую
К губам поднес игриво,**

**Пальцами дрожащими
Сжал ее слегка...
Слава королеве!
Слава на века!**

**Перезвон бубенчиков –
Словно гром небесный.
То идет дворцовый шут,
Грубиян известный.**

**Все ему позволено –
Что взять с дурака?..
Слава королеве!
Слава на века!**

**Почему всемогущен шут?
В чем же тут причина?
За ответом загляни
Под его личину –**

**Глядит король развенчанный
Из-под колпака...
Слава королеве!
Слава на века!**

**Фонари не зажжены,
Хоть стемнело быстро.
У беседки близ пруда
Шут стоит с министром.**

**Ветерком доносится
К ним издалика:
«Слава королеве!..
Слава на века!»**

**Скоро зашатается
Кресло в тронном зале.
Королеву добрую
Забудут как и звали...**

**А пока – беснуйся, чернь,
На лозунги легка:
«Слава королеве!..
Слава на века!..»**

Простая женская молитва

**Ах, что же мне делать с любовью моей?
Господь, помоги мне забыть поскорей
Мужчину, который был дорог как жизнь,
С которым дороги внезапно сошлись...**

**С которым хотелось на этом пути
До самого края, обнявшись, идти.
И даже туда, где конец бытию,
Любовь донести –
 словно знамя в бою...**

**Но те небеса, что, казалось, вовек
Не сможет обнять никогда человек,
Вдруг стали тесны мне, когда не со мной
Пошел тот мужчина дорогой одной...**

**Нет, я не прошу взять меня в облака –
Туда все успеет. Мне – рано пока...
Тому, кто оставил, проклятий не шлю:
То ль сил не осталось, то ль сильно люблю...**

**Не стану просить громового огня
Для той, что его увела у меня.
И даже забвенья, хоть сердце как лед,
Не стану просить – пусть само заживет...**

**Прошу только сил, чтобы двинуться в путь,
Твердя, как заклятье: «Прости и забудь!»
И чтобы однажды на этом пути,
Где будет так трудно порою идти,**

**Смогла бы я встретить другого – и с ним
Увидеть весь мир совершенно другим.
И чтобы в глаза его глядя, любя,
Увидела я не его, а тебя...**

Хокку россыпью

*** * ***

**Говорят, что за счастьем нужно
Взобраться по склону Фудзи...
А мне и здесь хорошо.**

* * *

Скромность твоя
Борется с самомнением.
Побеждает искренность.

* * *

Охотник растерзан.
Пока гонялся за лисом,
Не заметил тигра...

* * *

Разрушил прическу!
Довольна жена самурая:
Бьет – значит, любит.

* * *

Ладно, дождемся ночи.
Разбуди меня, если усну
С другою...

* * *

Нет, не любит меня!
Слезу хвостом утираю.
Одинокий кицунэ...¹

Хокку для кота

Пей молоко...
А мне бы ликера глоточек!
Пустой холодильник.

* * *

Игра – наркотик.
Вновь бросает судьба
Фигурки сёги...²

* * *

Потемнело в глазах.
Так жизнь –
 это только прелюдия?..
Занавес открывается.

¹ Японское название лисы.

² Японская настольная логическая игра шахматного типа

Бабушка

**Моя русская бабушка:
Взгляд – огонь,
 нрав – кремень...
В сковородке – оладушки,
За окном – новый день.**

**Веретенцем снует она
И поет день-деньской
Как по Дону разгуливал
Да казак молодой.**

**Занавеска трепещется
Под будильника звон.
В речи бабушки плещется
Тихий Дон, вольный Дон...**

Вальс

**Когда мой клубок разматается
И выйдет отпущенный срок,
Что Вам от меня останется?
Пара рифмованных строк...**

**В них то, что сказать пытаются
Душа моя, ввысь уходя.
Что Вам от меня останется?
Слезинка в капле дождя...**

**Боюсь, Вы едва ль догадаетесь,
Что все это было о Вас.
Что Вам от меня останется?
Вот этот хроменький вальс...**

**Не в ритм и не в рифму танец тот,
В нем сердце, любя, дрожит...
Что Вам от меня останется?
Осколок моей души...**

РАФИК ГАШИМОВ

РАССКАЗЫ

Перевод Али САИДОВА

Гнездо

– Позвони братьям, сестрам, пусть придут. Невестке скажи, чтобы приготовила постель с изголовьем к Мекке и пусть разогреет баню, хочу помыться...

Сказав это, она с веранды прошла в выделенную для нее двенадцать лет назад после переезда в большой город небольшую комнатку, к которой никак не могла привыкнуть, – с маленьким окошком с выходом на стену, а стекла там дребезжали от потока машин. Вынула из сундука чистую одежду. Потом, подставив под умывальник тазик, совершила омовение...

Сын был в растерянности. Он никогда не видел мать такой суетящейся. Казалось, она действует под чью-то диктовку, чисто механически. Некогда абсолютно здоровая, статная, с гордой походкой, тетя Фатма после переезда из села, расположенного у подножья седых гор с ледяными родниками, густыми лесами, с лугами, усеянными цветами, от запаха которых кружилась голова, в шумный, чумазый, закоптелый город, полный людей с непроницаемыми лицами, заметно сдала. Последнее время часто жаловалась на здоровье. Была молчаливой; слова, сказанные за день, можно было пересчитать по пальцам. Поэтому сын, обеспокоенный, в замешательстве прошел к ней в комнату. Она в это время совершала намаз...

– Мама, у тебя что-то болит? Может, врача вызвать?

– Нет, сынок, не надо. Делай то, что я сказала. Потом будет поздно. Я чувствую, что время пришло.

Мухаммед, не зная, что делать, рассказал обо всем жене. Позвонил братьям и сестрам. Пока женщина мылась, небольшая городская квартирка уже была полна людей... Старушка поочередно поцеловала внуков, поручила младшей невестке отвести их к соседям, а сыновей попросила выйти. Дочь и невестка помогли ей надеть чистое белье. Она легла в постель.

– Дети, Мухаммед, подойдите поближе, у меня для вас завещание. Я хочу, чтобы вы благословили мои труды. Я вами очень довольна и хочу благословить вас. А завещание у меня такое. Похороните меня в нашей деревне, рядом с вашим отцом. Понимаю, что это трудно, дороги закрыты, дома разрушены врагом. Но ради Аллаха похороните меня там. Здесь тоже наша родина. Но не смогла я жить в этом скворечнике. Отвезите меня в деревню. Каждую ночь вижу ее во сне, дыхание спирает. Детей сильно не наказывайте, а то я обижусь на вас. И сами не плачьте!..

Прошло немного времени. Младшая невестка, оставив детей у соседней, вернувшись, услышала рыдания, которые уже были слышны на улице...

Мухаммед был старшим сыном, фактически заменил всем отца. Поэтому он

решил посоветоваться с аксакалами. Однако утром уже надо было хоронить мать. Все были в растерянности, не знали, что делать. Как можно было выполнить такое завещание?!

Мухаммед вдруг вспомнил, что на границе с Арменией, неподалеку от их села, в Грузии живет его друг. «Поеду туда, поговорю с ним, пусть отправится в Армению, как-нибудь уговорит их (в крайнем случае, предложим денег), потом отвезем гроб».

Свое решение он озвучил присутствующим, но не получив ответа – никто не верил в реальность этого, – сказал младшему брату:

– Найми машину, едем в Грузию.

Границу перешли нормально. Пограничники, увидев в грузовой машине гроб с телом, со словами «Да упокоит Аллах ее душу!», не спрашивая документов, проводили их на сопредельную сторону. К грузинской деревне у подножья горы они подъехали на рассвете. Скрип открывающихся в кромешной тьме ворот вселил в них надежду. На счастье друг оказался дома. Мухаммед рассказал ему все как есть.

– Нодар, ты знаешь, что я говорю по-армянски. Возьми у кого-нибудь близких паспорт с фотографией, немного похожей на меня, отвезем гроб в деревню. В крайнем случае не торгуйся, заплатим. Это завещание матери, и я должен его выполнить!

Нодар на мгновение задумался:

– Что-нибудь придумаем. У меня по ту сторону горы есть знакомый, который регулярно покупает у меня керосин. Ты ведь знаешь, что ни у нас, ни у них света нет. Поедем и похороним, не беспокойся.

Они должны были похоронить мать ночью, таково было условие. От грузинской деревни до его родного села было два поста. Кажется, предложенная сумма удовлетворила знакомого Нодара. Проезжая каждый пост, Нодар на армянском что-то говорил солдатам, потом они ехали дальше. Было очень темно, но, будто от знакомого воздуха, гор, холмов он все вокруг видел.

Вот и деревенское кладбище. Некогда с этой стороны свет ламп в деревне, лай собак заставляли спешить домой. Теперь со стороны деревни горел всего один прожектор. «Еще один пост, наверное», – подумал Мухаммед и взглянул на гроб. До него вдруг дошло, что в нем лежит его мать. «Ты посмотри, куда мы забрались, мама! Похоронили бы там, чтобы могли посещать твою могилу. А как мы будем ездить сюда?», – с горечью подумал он.

Он с трудом нашел могилу отца. Кладбище было практически разрушено армянами. Когда Мухаммед увидел изрешеченный пулями портрет отца на покосившемся надгробии, у него подкосились ноги и он зарыдал, как ребенок.

Вся жизнь проходила перед глазами Мухаммеда, как кинолента. Люди, события...

Отец работал в колхозе. Его детство выпало на военные годы, так что образования у него не было. Поэтому отец день и ночь трудился, чтобы дать образование детям. Особенно был требователен к сыновьям. По мере возможности он ничего не жалел для них, однако не дай Бог, если они не выучат уроки...

Однажды учитель встретил на улице отца и посетовал на то, что дети стали хуже заниматься. Войдя во двор и увидев Мухаммеда с младшим братом, кормящих голубей крошками хлеба, он так разозлился, что, собрав всех птиц в плетеную корзину, отвез к озеру за тридцать-тридцать пять километров и там их выпустил. Когда Муса ночью вернулся домой, он увидел сыновей за столом, уткнувшихся в книжки.

Утром Мухаммед, выбежав во двор на голос матери, очень обрадовался, заме-

тив голубей на дереве, словно спрашивающих разрешения сесть на землю.

Вспомнив эту историю, он расстроился, переживая те же чувства, что и тогда. Он только теперь стал понимать смысл много раз вычитанных и не раз услышанных слов «мать», «родина», но теперь производные от них выражения звучали для него в новом качестве. В то же время чувства, вызванные потрясением, заставляли его задуматься, уводили его в прошлое, в воспоминания. Он понимал, что тот день, когда он вынужден был покинуть эту землю, где он родился, был концом его жизни; он сознавал, что на самом деле он жил лишь до того, как ушел отсюда. Оказывается, человек не всегда понимает, что означает земля под его ногами, но он сознавал, что человек для того и умирает, чтобы понять, откуда он и для чего создан! Вспоминал, понимал и плакал.

1988 год... В селе началось массовое переселение. Каждый день из каких-то источников поступала различная информация. «Соседнее село переселяется», «Сказали, пусть азербайджанцы уезжают по-хорошему», «Есть месяц времени, если хотят, пусть обменяют дома с нашими соотечественниками, которые живут в другой стране, в противном случае пусть обижаются на себя»... И так далее, и тому подобное...

Люди были в панике. Нервы натянуты как струна, в глазах безысходность, все смотрят друг на друга с надеждой. Будто каждый знает больше другого, но скрывает... С каждым днем состояние безнадежности лишь усиливалось. Мухаммед тогда решил, что если они завтра начнут переселяться, он соберет птиц в картонную коробку и увезет с собой. Ночью в деревне витало тревожное беспокойство, а Мухаммед лежал на спине, заложив руки за голову, и думал о голубях. «Если будем уезжать, как повезу хохлатую самочку, высиживающую яйца, и самца? Они же по очереди высиживают яйца. Странно, но птицы более справедливы, чем люди!».

Вся деревня готовилась к переселению. Мухаммед с матерью должны были на несколько дней задержаться в деревне для подготовки документов к обмену. Соседи помогали друг другу. Мухаммед рассыпал зерно, но голуби не хотели спускаться с дерева. Всегда воркующие на земле, они теперь сидели на ветках и безразлично глядели по сторонам. И только пара голубей была занята своими делами. Мухаммед принес коробку, чтобы положить в нее хотя бы эту птичью пару, но его остановила мать. «Сынок, скоро вылупятся птенцы, они погибнут в коробке, оставь», – сказала она.

Когда машина выехала со двора, мать прошла в опустевший дом. А на деревянных ступеньках лестницы остался Мухаммед и голуби на ветках.

Он никогда не забудет сон, который приснился той ночью. Он видел, как карабкается вверх по голой, извилистой, скользкой скале. Одной рукой он прижимал к груди младенца, в другой был Коран. Была опасность в любую минуту сорваться в пропасть, и он удивлялся, почему это не случается. На очередном уступе он увидел карабкающегося друга. Протягивает ему Коран и говорит: «Ты понеси хотя бы это, я уже не могу». А сам, прижимая младенца, смотрит в пропасть...

Утром, проснувшись, Мухаммед вышел во двор и увидел мать, сидящую на ступеньках. Голубь, высиживающий яйца, прохаживался вокруг нее. Взяв кусок хлеба, Мухаммед накрошил его и стал созывать голубей. Но их не было видно. Их не было еще несколько дней, пока они оставались в деревне.

– Светает, нельзя терять время, – послышался голос Нодара.

Мухаммед словно очнулся ото сна. «Может, мне вернуть обратно гроб? Аллах знает, когда мы еще вернемся сюда. И вернемся ли?». За весь вчерашний день он только теперь начал раздумывать над завещанием матери. «Почему Аллах создал

нации? Почему он им дал разные языки, разные религии? Разве люди не понимают, что конец у всех одинаковый – уйти в землю? Интересно, почему душа у людей так слепа?! Ведь за короткую жизнь можно столько хорошего сделать, так почему люди воюют друг с другом?».

На все жаловался Мухаммед: на землю, небо, и первый раз за всю жизнь усомнился в существовании Всевышнего. «Если ты есть, почему терпишь такую несправедливость?!».

Нодар стал копать могилу. Хруст в коленях друга звоном отдавался в ушах Мухаммеда. Он забрал лопату у Нодара. Привезенную с собой доску приспособил у изголовья:

«Ибрагимова Фатьма Алескер кызы: 1943-2000.

Для человека хороша Родина.

Для одежды хороша холстина.

Погулять хорошо на чужой стороне,

А умереть – все же на Родине.

Память от сыновей».

Поднял покосившийся камень на могиле отца. Полил воду и на его могилу: «Царствие вам небесное». Только теперь до него дошло, что такое быть сиротой. До сего дня он не ощущал, что такое быть беженцем. Теперь понял, что смерть человека начинается тогда, когда родители покидают этот мир. Оказывается, человек, сам того не зная, умирает, еще не уйдя в могилу. Оказывается, жизнь – это длинная смерть!..

Светало.

– Пойдем, Нодар. Спасибо тебе. Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал. Но у меня к тебе просьба. На сороковой день ты опять меня приведешь сюда...

Через сорок дней Мухаммед со своим другом вновь поехали на могилу. Опять ближе к рассвету. Между двумя могилами было гнездо голубей. Один из них сидел, не двигаясь, другой беспокойно ходил вокруг гнезда. Мухаммед подошел ближе. Взял голубя. Другой тут же сел в гнезде на яйца...

Навозный жук, или Вспоминая «Миф о Сизифе» Альбера Камю

...Он скучал в городе. Каждый раз, когда для него все теряло всякий смысл, он из города сбегал. Далеко – в деревню, туда, где на берегу озера у леса прошло его детство. И это детство, чистое, как сказка, прозрачное, как вода горной реки, тогда беспечное, а теперь полное различных деревенских бытовых дел, каждую неделю манило его.

Он начал приобщаться к городской жизни с пятнадцати лет. Но с самого начала понимал, что в этом большом городе, хоть и привлекательном, но – застроенном высокими, пугающими зданиями, заполненном машинами, норовящими буквально залезть друг на друга, и людьми, незнакомыми, вечно куда-то спешащими, – в этом городе ему будет нелегко. Но надо было учиться... В деревенской восьмилетней школе библиотека была небольшой и он прочел практически все книги. Правда, много позже он понял, что делал это бессистемно. Но если бы кто-нибудь ему сказал об этом тогда, он бы его просто не понял. «Учиться, учиться и учиться», – эти слова были лозунгом – в дополнение к фразе, которую как-то произнесла его бабушка. «Мой внук выучится и станет большим человеком».

Странно, но по истечении многих лет он понял, что учиться нужно просто для того, чтобы стать человеком. Причем не просто учиться, а делать это правильно! Возможно, для того, чтобы стать большим человеком, создана некая формула. А для того, чтобы стать человеком, быть частью природы, ощущать каждый листочек, камень, землю, цветы, людей, надо правильно учиться!

«Мой одноклассник наверняка радуется, глядя на высаженные год-два назад на небольшом участке перед домом, но уже вымахавшие в высоту фруктовые деревья. На примере фруктов, купленных на базаре, он увлеченно объясняет детям, какие плоды дадут эти деревья», – думал он, шагая по дороге, ведущей в деревню.

Он вспомнил, как в детстве они бегали в лес, поминутно оглядываясь и трясясь от страха, что их застукает лесничий, быстро набивали пазухи и карманы дикими абрикосами и персиками, а потом мчались в деревню. Какие хорошие были дни!

«А другой наш друг, который жил в противоположном конце деревни, уходил с раннего утра и возвращался только за полночь. А что оставалось делать, семья-то большая. Каждый раз, когда я приезжал в деревню, эти простые, чистые, сохранившие детскую наивность люди искренне радовались мне. Наверное, и они возвращались в детство», – подумал он, подходя к повороту, от которого дорога шла уже напрямую.

Сколько он косил траву на этих полях, сколько пас скот, сколько гонял мяч... Хорошие были времена! Но не вернуть того, что было. Хорошо сказано.

«Сколько мне лет, что я впадаю в воспоминания? Слишком рано постарело наше поколение. Чего только мы не видели за последние годы. Война, агрессия, гражданское противостояние, события, о которых мы читали только в книгах и смотрели в фильмах. Посмотрев вечером по телевизору военный фильм, мы с утра, прихватив самодельные деревянные пистолеты, а некоторые «крутые» – и автоматы, делились на два отряда и играли в войну. Гвалт, который мы устраивали, был слышен на другом конце деревни. Тах-тах-та, вью-вью, та-та-та... Все старались издавать звуки, максимально похожие на те, что в фильмах. Потом крики: «Я тебя убил первым! Нет, я тебя, не спорь...». И как все войны, наша тоже заканчивалась миром».

...А вот и знакомые ворота. Кликнул друга... Еще раз... «Жарко очень, наверное, спят». Открыв калитку, он вошел во двор. «Странные у нас нравы. Мы строим такие высокие заборы, что даже дома не видно». Во дворе царил тишина. Пес Малыш лениво поднял голову, глянул на него – узнал гостя по голосу, потом, почесав лапой за ухом, опять задремал.

Услышав скрип двери на веранду, он понял, что друг проснулся. «Все такой же, не изменился. Живет тихо, правильной жизнью. Ждет, когда вырастут посаженные им деревья, дети женятся и выйдут замуж. Ждет, надеется, так и живет».

Надо жить верой, надеждой. Иначе жизнь превратится в муку. «Вера рождается от большой любви», – вспомнил он одного из великих русских писателей. Его друг любит свою семью, детей, сад, деревья, деревню. Он порадовался за друга. «Так лучше. Что ему нужно, Аллах все дает. Иногда, правда, жалуется, что тяжело, но надежды не теряет. Каждодневные дела не позволяют ему потерять надежду».

А он? Что любит он, на что надеется? Сколько ни думал над этим, так ни к чему не пришел. В детстве верил в будущее. А когда оно наступило, все осталось позади. У него даже в дневнике запись появилась: «Чтобы увидеть будущее, достаточно оглянуться в прошлое». Возможно, поэтому он часто возвращается в места, где бегал в детстве, гулял один по полям и горам, у берега озера. Возвращается в будущее. Как

знать, все может быть!

– Опять заскучал в городе?

– Как дела, как дети?

– Спасибо, все хорошо. Живем. Как ты, что у тебя нового?

– Слава Аллаху, все по-прежнему.

– Спасибо за фильм. Смотрели. Впечатляет. Что-нибудь новое снимаете?

– Да, хотим про детей беженцев фильм снять.

– Жениться не собираешься?

– Давай пока принесут чай, сыграем в партию домино.

– Сыграем. Доченька, Айтен, принеси нам чай, – сказал друг и пояснил: – В этом году в школу пойдет, а уже по-взрослому матери помогает.

– Пока от поворота я шел к вам, столько вещей вспомнил. Но многое ты знаешь. Однако одну историю я тебе не рассказывал. Помнишь озеро в ущелье, которое мы называли «соленным»? Так вот, там вода была такой соленой, что даже не умеющий плавать не смог бы утонуть. В тот день была наша очередь пасти овец. С раннего утра я пригнал отару туда. Там места более безлюдные. Кроме того, от запаха полыни воздух свеж и приятен. Овцы разбрелись по поляне, а я, расстелив отцовскую стеганку, раскрыл книжку и стал читать. Овцы все время меняли место, следом за ними следовала и моя стеганка. Когда в очередной раз я поднял голову, чтобы взглянуть на овец, мое внимание привлек черный навозный жук, который упершись передними ногами в землю, усиленно толкал в гору навозный катышек, который был больше него в несколько раз. Я как замороженный смотрел на жука. Не помню, сколько времени прошло, но судя по солнцу, которое время от времени пряталось за облаками, был уже полдень. Жук упорно продолжал свою работу, но через метр катышек вновь скатывался и он опять продолжал его толкать. Эта картина так увлекла меня, что я не заметил, как наступил вечер. Пару раз я, заложив страницу закладкой, поднимался, чтобы пригнать далеко отошедших овец. Потом, собрав свою «постель» и взяв подмышку книгу, я направился в деревню. Как жаль, что в школе я плохо изучал зоологию. Ни тогда, ни после я так и не узнал, чего хотел тот жук.

– Пей чай, стынет. Узнаешь, еще есть время.

– А ты научился, хорошо играешь в домино.

– Слушай, а давай сходим на кладбище.

– Пойдем. Давно я бабушку не навещал.

...Ему несколько полегчало. Кладбище всегда помогало ему жить. Каждый раз, когда он приходил сюда, его одолевали странные мысли. Казалось, надгробия придавали ему силы, надежду, легкость на душе и разрушали мучившие его сомнения.

...И снова утро. «Кто же придумал эти серые пяти- и девятиэтажные каменные коробки? – думал он, устало пересчитывая ступени лестничного пролета. – Откуда было советскому человеку знать, что строя высокие заборы и дома ввысь, к Аллаху ближе не будешь».

Он вошел в свою маленькую, похожую на купе поезда, комнатку. «И все равно, какой бы она ни была маленькой, нет ничего лучше моей комнаты, моего стола», – подумал он. Стопки книг, сахарница, пепельница, ручки и еще не начавшие жить листы белой бумаги. Он положил на стол свою барсетку. Нажал на кнопку магнитофона, стоявшего на комод. Музыка Малера превратила всё в фантазию. Странно, но музыка, которая была написана более ста лет назад, ставила под сомнение реальность всего: настоящего, камней, комнаты, стола и даже его самого.

Он посмотрел в зеркало. Вспомнил фразу, когда-то записанную в дневнике: «Если обратная сторона зеркала не будет черной, в него нельзя смотреться».

Он закурил, присел за стол. Дневник, в который он вчера со слезами на глазах записал слова Толстого из «Воспоминаний» Горького, так и лежал раскрытым. «Ты тоже постареешь, а когда увидишь, что все осталось как есть, будешь рыдать сильнее меня». Он закрыл дневник. Затянувшись сигаретой, оглядел комнату, где в беспорядке, штабелями лежали книги. Три года назад он купил их по дешевке у одного еврея, который уезжал из страны. Иногда ему казалось, что книги обижены на него. Последнее время они не разговаривали с ним. Встал, не глядя взял одну из них. Альбер Камю «Миф о Сизифе»...

Он прошел в другую комнату. Здесь отец, умиленно глядя на своего внука, сына его младшего брата, который еще не разговаривал, играл с ним. Отчего-то ему показалось, что разговаривают два старика. Он вернулся в свою комнату, машинально прилег на кушетку. Закрыв глаза, стал слушать их разговор.

– Деда, я тебя очень люблю.

– Я тоже.

Судя по звуку, дед поцеловал мальчика.

– Жаль, что я пока не умею разговаривать. Аллах пока не дал мне речь.

– Как же ты прекрасно разговариваешь!

– Я очень люблю твои седины.

– А я гляжу на твои черные кудряшки и думаю: неужели и они поседеют?

– Деда, а почему ты такой грустный?

– Наверное, оттого, что ты такой смешливый.

– Скажи, ты любишь жизнь?

– Не знаю.

– А меня?

– Тебя да.

– Ты хочешь, чтобы я жил?

– Не знаю.

– Но ведь ты знаешь.

– Нет, малыш, я даже тебя не знаю!

– Я твой внук, деда!

– Да, это я знаю.

– Вот видишь, а говоришь, не знаешь.

– ...

– Я буду большим человеком.

– Я тоже, когда был маленький, так думал. А теперь смотрю на тебя и думаю: «Почему я повзрослел?».

– Почему, деда? Разве это плохо?

ТАРЛАН ДЖАФАРОВ

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР И МИРЗА АЛЕКПЕР САБИР

*Откроем мир Азербайджану и
Азербайджан – всему миру.*

Гейдар АЛИЕВ

Вопрос взаимодействия и взаимовлияния национальных культур стал находить свое отражение в литературе, философии, лингвистике, религии, по сути, еще с начала XX века. Академик Н.И.Конрад в своем труде «Запад и Восток» неоднократно отмечает, что историческая и духовная жизнь тюркских народов связана не только с Востоком, но и Западом. Изучая различные источники, можно обнаружить схожесть мышления гениальных творцов, вне зависимости от того времени, в котором они жили.

На филологических факультетах в наших вузах преподается предмет «История мировой литературы». И одним из важнейших принципов здесь является проведение аналого-аналитической параллели между литературными событиями, имевшими место в мировой литературе на различных исторических этапах, и литературными событиями в азербайджанской литературе, а также выявление сходства и различия между ними. В этом смысле весьма актуальной является тема «Творчество Уильяма Шекспира и азербайджанская литература».

Многие годы мы занимаемся изучением творчества М.А.Сабира, и удивительное сходство его художественного мышления с мышлением Уильяма Шекспира обратило на себя наше внимание и заставило задуматься... Мы решили поделиться результатами этих размышлений.

Тема «Уильям Шекспир и азербайджанская литература» долгое время находилась в центре внимания литературоведов, занимающихся изучением литературных взаимосвязей, в самое разное время по данной проблематике велись интересные исследования, писались статьи, высказывались мнения и суждения. В данном исследовании мы впервые попытаемся показать схожесть художественного мышления таких на первый взгляд далеких друг от друга как с точки зрения времени и пространства, так и темперамента творцов – гения XVI века Уильяма Шекспира и азербайджанского гения XX века Мирза Алекпера Сабира. В нашем литературоведении такие попытки предпринимались в плоскости сопоставления Низами Гянджеви и Уильяма Шекспира (Н.Пашаева, Ф.Гулиев, Гусейн Гашымов, Шахин Халилли, Темур Керимли и др.). А профессор Горхмаз Гулиев провел такую аналогию в своей статье «Смеющаяся трагедия и плачущая комедия: Шекспир и Мамедгулузаде».

Внесем ясность в виде краткого обзора в следующие вопросы:

- с каких пор Уильям Шекспир стал известен азербайджанской культуре;
- каким образом сформировалось отношение к его личности и творчеству;
- какие исследования были проведены в этом направлении.

Знакомство с Шекспиром в Азербайджане тесно связано с развитием отечественного театра и школы перевода. Все этапы подъема нашего театра и литературы с XIX века и по сегодняшний день связаны с именем Шекспира. Произведения Шекспира имеют большое значение для обогащения художественно-эстетического вкуса азербайджанских читателей и зрителей.

Уильям Шекспир, один из выдающихся представителей европейского Возрождения, в своем творчестве проповедовал идеи гуманизма, народности, жизнелюбия, был глубоким знатоком тайн человеческой души и всегда оказывал большое влияние на читателей.

Все произведения Шекспира тесно связаны со своей эпохой.

Эта же особенность является главной сущностью и сатир М.А.Сабира.

У.Шекспир жил в ярчайший и наисложнейший период Европейского Возрождения. Это была «эпоха, которая нуждалась в титанах, и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености» (Ф.Энгельс. «Диалектика природы»). Ученые этой эпохи знали по несколько иностранных языков и блистали как в теоретической, так и в практической областях науки. Выступавшие против авторитета религии гуманисты высоко ценили свободу и независимость мысли индивидуума, пытались спасти его от всяческого морального и нравственного давления, оков догматизма. Это, в свою очередь, приводило к тому, что и художественное творчество достигало новых, ранее недостижимых высот. Это время характеризуется расцветом искусств в Италии, возникновением новой гуманистической литературы нового типа во Франции, Германии, Нидерландах, появлением первых образцов классической литературы в Англии и Испании.

Эстетика данной эпохи носит оптимистический характер; в искусстве преобладают мысли о красоте и совершенстве, открываются законы красоты природы, мастера искусства путем обобщения и типизации дают толчок развитию реализма. Всё это послужило основой для развития всевозможных жанров художественного творчества, все виды искусства вступают в эпоху невиданного прогресса, активно развиваются области искусства, способные наиболее полноценно и действенно выразить гуманистические требования.

Когда в ранний период эпохи Возрождения появилось требование изобразить внешнюю красоту человека, то, преимущественно в Италии, предпочтение было отдано живописи, рисованию, особенно жанру портрета. Впоследствии на передний план выступило желание проникнуть во внутренний мир человека и показать его во всей сложности и противоречии, и в Англии и Испании на передний план выступил театральный жанр. Взамен стандартных сюжетов, отражающих широко распространенные в литературе средних веков легендарные события, главенствующее место стали занимать произведения, отображающие реальную жизнь и ее острый драматизм, общественные и политические события, живые человеческие судьбы, внутренний мир человека и его неоднозначный характер.

В Азербайджане интересные и оригинальные мнения о творчестве Шекспира высказали такие исследователи, как М.Рафили, А.Султанлы, Дж.Джафаров, А.Агаев, У.Бадалбейли.

Уильям Шекспир – английский поэт и актер, один из самых прославленных драматургов мировой литературы, автор по меньшей мере 17-ти комедий, десятков исторических пьес, 11-ти трагедий и цикла великолепных сонетов, один из гениальных представителей Европейского средневекового Возрождения, прожил всего 51 год, но остался в вечности благодаря своей гениальности.

Шекспир родился 26 апреля 1564 года в английском городе Стратфорд. В 1585-1592гг. жил в Лондоне и работал в театре «Глобус», построенном на средства труппы актеров. После пожара в театре 29 июня 1614 года Шекспир вернулся в родной город Стратфорд, где и скончался спустя три года, 23 апреля 1616г.

Основные свои произведения Шекспир написал в 1590-1612-е годы. Он считается одним из редчайших драматургов, сумевших завоевать равный успех как в жанре комедии, так и трагедии. Такие его драмы как «Гамлет», «Отелло», «Ромео и Джульетта», «Макбет», «Король Лир» являются редчайшими жемчужинами мировой литературы. Произведения Шекспира, отличающиеся сюжетным, языковым, жанровым богатством и разнообразием, оказали огромное влияние на развитие европейской литературы и театрального искусства. Многообразие и красочность человеческих характеров, созданных им в его драмах, оставили в тени произведения, переполненные безжизненными и монотонными образами, широко распространенными в европейской литературе той эпохи.

Когда речь заходит о драматургии античной эпохи, первыми на ум приходят Эсхил, Еврипид, Софокл, Аристофан, а на вершине драматического искусства эпохи Возрождения бес-

спорно называется имя выдающегося английского драматурга Уильяма Шекспира. Творчество Шекспира, основу которого составляют человеческое достоинство, нравственная высота, гуманизм, глубокая жизненность, святость и чистота любви, является такой духовной вершиной, что стирает географические границы, этническое разнообразие, рамки национальной психологии и противостоит Времени. Любовь, ревность, самопожертвование, обман, коварство, – все это по сей день является неотъемлемой частью человеческой жизни...

Сонеты Шекспира – вершина поэзии эпохи Возрождения в Англии и поворотный этап в истории мировой поэзии. Ложные эпитеты чужды его поэтике. Любовь и дружба, верность и измена, искренность и лицемерие в гениальной шекспировской лирике – это качества, порожденные человеческой натурой, губительное время не властно над ними. Красота в сонетах Шекспира реальна, естественна, и всегда властвует над смертью.

В развитии азербайджанского театра постановка шекспировских пьес сыграла исключительную роль. Выдающиеся азербайджанские писатели и драматурги переводили его трагедии и комедии (некоторые неоднократно) на азербайджанский язык. Большая часть переводов была сделана с русского, меньшая часть – с английского оригинала. Переводились и сонеты.

Все этапы развития нашего театра с его зарождения и по сей день перекликаются с именем Шекспира. На произведениях Шекспира воспитывался и обогащался художественно-эстетический вкус азербайджанских читателей и зрителей.

Шекспир видел падение нравов в обществе, потерю человечности, нежелание ценить красоту и душевную чистоту, и отражал всё это в своих произведениях. М.А.Сабир так же выступал против всех изъянов общества и своими сатирами пытался излечить его от пагубных недугов. По сути, М.А.Сабир своим острым пером сражался с болезнями общества не на жизнь, а на смерть, во имя национальных интересов, что, в свою очередь, родило носителя ренессансного сознания – азербайджанского поэта XX века с классиком эпохи ренессанса XVI века У.Шекспиром.

Вопросы, нашедшие отражение в творчестве Шекспира, высказанные о жизни истины, взаимоотношения характеров остаются актуальными даже по прошествии столь длительного времени, звучат современно. Поднятые в сатирах М.А.Сабирова проблемы тоже сохраняют свою острую актуальность по прошествии времени. Будучи великим мастером, М.А.Сабир, как и Шекспир, вникая на первый взгляд в незначительные в событиях, выявлял их глубинные причины и общечеловеческую значимость. Творчество этих великих мастеров слова, перешагнув границы своей эпохи, остается актуальным во все времена. Каждое общество, каждый народ, каждый человек вне зависимости от возраста и статуса, всякий раз соприкасаясь с шекспировскими произведениями, учились у него чему-то новому. Именно поэтому даже после 400-летних исследований литературоведам удается найти в них что-то новое, ранее незамеченное. Современник Шекспира Бен Джонсон сказал о нем: «Он не принадлежал эпохе – он на все времена». В современном нам мире не сыскать такого культурного народа, который бы не знал в оригинале или в переводе на свой родной язык слов «быть или не быть?» из знаменитого монолога в «Гамлете». Фразу Бена Джонсона о Шекспире можно отнести и к М.А.Сабиру. Исследователи творчества М.А.Сабирова тоже приходят к тому мнению, что «он не принадлежал эпохе — он на все времена».

Оба поэта жили в яркий, сложный и переломный период истории своих стран. Двух этих гениев разделяют века, однако их волновали схожие общественно-социальные, литературно-эстетические проблемы. Концепции, выдвинутые в произведениях этих поэтов, глубоки и общечеловечны, поэтому, вполне естественно, перекликаются друг с другом, такие же аналогии специалисты находят и в произведениях Низами Гянджеви и Уильяма Шекспира.

В эпоху Возрождения перед человеком, сбрасывающим тиски феодализма, открываются бескрайние горизонты, зарождается несгибаемая вера в собственные силы и он начинает проявлять интерес к жизни, знаниям, творчеству. В эпоху Возрождения человек навсегда расстается со средневековыми байками о загробной жизни, все свои надежды он связывает с реальным миром, именно здесь ищет и рай, и ад. Зарождается интерес к естественным и гуманитарным наукам. Такое же процесс начинался и в Азербайджане в конце XIX-начале XX

веков. Пробуждается общественное сознание, зарождается национальная интеллигенция, на арену выходят идеи просветительства и М.А.Сабир, как и его современники, своими произведениями активно участвует в этом процессе.

В своей «Диалектике природы» Энгельс раскрывал сущность эпохи Возрождения следующим образом: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах, и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености». Именно в эту эпоху азербайджанского ренессанса появились такие гении, как Мирза Джалил, У.Гаджибейли, М.А.Сабир, Алибек Гусейнзаде, А.Хагвердиев, Ф.Кёчарли и др. Систематические обращения Алибека Гусейнзаде, Гашым-бека Везирова, Ахмед-бека Агаева в журнале «Фиюзат» к западной литературе, в том числе к личности и творчеству Уильяма Шекспира, их статьи и переводы, конечно же, были в центре внимания Мирзы Алекпера Сабир, и пробудили в нем интерес к личности и творчеству английского поэта.

Проходя лечение в Тбилиси, М.А.Сабир посмотрел в Тифлисском театре трагедию Шекспира «Отелло», которая, очевидно, ему понравилась. Эту трагедию Шекспира на азербайджанский язык перевел Гашым-бек Везиров. В воспоминаниях об этой постановке, записанных театроведом Аббасом Гаджиевым, читаем:

«...Наш великий поэт Мирза Алекпер Сабир, лечившийся в ту пору в Тбилиси, тоже стал зрителем «Отелло» и оказался под большим впечатлением от увиденного...Он был болен, но, несмотря на это, досидел до конца. Остался очень доволен спектаклем, и даже обнял и расцеловал нескольких актеров...»

Этот спектакль стал большим историческим и литературным событием того времени – гениальный Шекспир впервые зазвучал на азербайджанском языке. Это было первым шагом. Впоследствии делались и другие переводы произведений Шекспира. Литераторы, рискнувшие переводить Шекспира, тщательно работали над адекватной передачей творений великого поэта и тем самым внесли большую лепту в развитие отечественного искусства перевода. Постановки в азербайджанских театрах пьес Шекспира, переведенных на высоком художественном уровне, сыграли определенную роль в развитии отечественного сценического искусства. Начиная с XIX века Шекспира переводили Г.Везиров («Отелло»), Г.Сабри («Отелло», «Король Лир»), И.Халил («Макбет»), С.Рахман («Ромео и Джульетта»), Азиз Шариф («Отелло»), Дж.Джаббарлы («Гамлет», «Отелло»), Ахмед Джавад («Отелло», «Ромео и Джульетта»), Абдулла Шаиг («Макбет»), Г.Назарли («Макбет»), М.Ибрагимов («Король Лир», «Двенадцатая ночь», «Много шума из ничего»), А.Сабри («Укрощение строптивой»), Т.Эйюбов («Гамлет», «Два веронца», «Зимняя сказка», «Сонеты»), Хидаят («Всё хорошо, что хорошо кончается»), Анар («Буря»), И.Исмаилзаде («Комедия ошибок»), С.Мустафа («Сонеты», «Ромео и Джульетта», «Отелло», «Гамлет», «Король Лир», «Макбет»).

Произведения Шекспира на азербайджанском языке систематически публиковались в нашей республике в журналах, выходили отдельными книгами. Последним по времени стало издание собрания сочинений Шекспира на азербайджанском языке Госиздатом Азербайджана в 1962 году и книга переводов произведений поэта издательством «Язычы» в 1980 году. Трагедии, вошедшие в первый том нынешнего издания произведений Шекспира («Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет») даны в переводе Сабир Мустафы.

Первый переводчик У.Шекспира на азербайджанский язык Гашым бек Везиров был педагогом, журналистом, издателем, переводчиком, драматургом. Прадед Гашым-бека Мир Имамверди был визирем Гарабахского хана. Гашым-бек придавал большое значение учебе и образованию. Сам он получил образование в Иреванской Учительской Семинарии, по окончании которой работал учителем в селении Бёюк Веди. По протекции императора Николая Александровича в Шуше основывают «мусульmano-русскую» школу и Гашым-бека приглашают на должность директора этой школы. Наряду с работой в школе он был избран адвокатом в Муниципальное управление. Кроме этого он активно занимался и общественной деятельностью. Г.Везиров – автор комедий «Не стучись в мою дверь – постучатся в твою», «Жениться – не воды напиться», «Хан-хан». Трагедию «Отелло» он перевел с русского языка. Спектакль был поставлен в Шуше в 1904-м году. Почетный пригласительный билет на этот спектакль, в ко-

тором переводчиком и постановщиком, а также исполнителем одной из ролей выступил Гашымбек Везиров, ныне хранится в экспозиции Театрального Музея.

В периодике той эпохи писали, что Г.Везиров, переводя «Отелло» Шекспира, допустил ряд промахов. М.А.Сабир выразил собственное отношение к по данному вопросу и написал несколько жесткую эпиграмму. По нашему мнению, эта жесткость послужила причиной разрыва личных отношений между этими двумя азербайджанскими просветителями начала XX века, о чем немало написано и в сабиrowедении (см. тексты А.Заманова, М.Мамедова, А.Байрамоглу и автора этих строк).

Эпиграмму «Перевод такой, что...» М.А.Сабир опубликовал за 3 месяца до своей кончины в 10 номере журнала «Молла Насреддин» от 9 марта 1911-го года, в дальнейшем она вошло во все его книги. В эпиграмме читаем:

*Увы! Таков твой перевод, что тень Шекспира, зарыдав
С душой Отелло о себе, заклокотала, как гроза,
И, плюнув молнией, она вскричала: «Что за перевод!»
А ты зажмурился: видать, плевков попал тебе в глаза!*

(М.А.Сабир. «Хопхопнамэ». Баку, 1960, стр. 279)

У нас нет конкретных фактов о знакомстве М.А.Сабир с сонетами Шекспира. Но нашему литературоведению известно, что А.Саххат, Г.Джавид, А.Шаиг в начале XX века писали стихи в жанре сонета (академик Иса Габиббейли). Значит, можно предположить, что М.А.Сабир, возможно, имел некое представление о сонетах Шекспира...

Сонеты Шекспира на азербайджанский язык переводили М.Мушвиг, а позже Алиага Кюрчайлы, Адиль Бабаев и др.

Как мы уже говорили, в начале XX века искусство в Азербайджане, так же, как и в Европе шекспировской эпохи, переживает невиданный доселе расцвет, возникает гуманистическая литература нового типа, начинается этап расцвета романтизма и критического реализма. Именно поэтому проявляется сходство в литературном процессе и мышлении. Возможно, сила драматизма, характеров и типов в творчестве М.А.Сабир исходила именно от эстетических требований эпохи. Думается, трагедия женщин в пьесах Шекспира не столь уж отличается от «трагедий тысяч Ханбаджи» в сатирах М.А.Сабир. Злоключения Дездемоны, общество, ведущее к гибели Джульетту, схожи с трагедиями азербайджанских «Дездемон», молодых азербайджанских «Джульетт», самоотверженных азербайджанских «Беатриче», описанных в сатире М.А.Сабир «Вот он идёт» и других сатирах. В отличие от шекспировской Дездемоны, рядом с которой был Отелло, а у Джульетты – Ромео, героини Сабир одиноки, они только-только начинают пробуждаться, и, покрывая стены своих лачуг кизяком, мучительно пытаются осмыслить суть своей трагической жизни. Женские образы, созданные М.А.Сабиром, отчасти схожи с шекспировскими, описанными строками «Ты сам свой злейший враг, готовый все сгубить». Однако, Шекспир использовал эти строки в ином значении, мы же вырвали их из контекста. Азербайджанская женщина приносит себя в жертву семье, «бородачам», а в наше время «откормленным жлобам» при деньгах, и М.А.Сабир восстает против такого положения женщины: «Он чудище, урод, вот он идёт!» – бьет в набат поэт!

Одним из образов, к которому Шекспир часто обращается в своих «Сонетах», является «зеркало». Он прибегает к «зеркалу» потому, что оно отображает реальность без искажений. К примеру, 3-й сонет прекрасно иллюстрирует нашу мысль:

*Прекрасный облик в зеркале ты видишь,
И, если повторить не поспешишь
Свои черты, природу ты обидишь,
Благословенья женщину лишишь.¹*

¹ Здесь и далее сонеты Шекспира приводятся в переводе С.Маршака.

Или вот что пишет поэт в 62-м сонете:

*Когда же невзначай в зеркальной глади
Я вижу настоящий образ свой
В морщинах лет, – на этот образ глядя,
Я сознаюсь в ошибке роковой.*

Здесь Шекспир создает эффект зеркала, пытается побудить своего лирического героя увидеть «зеркальную истину», постичь ее, сделать выводы.

М.А.Сабир тоже создает подобный «эффект зеркала» в своей сатире: «Отчего ж глаза свои тарачишь ты, / Иль в зеркале узрел свое уродство ты?» – тем самым призывая читателя смириться с реальностью, осмыслить и познать себя.

У Шекспира ребенок, дитя является продолжением жизни. Его 6-й сонет завершается следующим образом:

*Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторенный,
И вправе будешь в свой последний час
Торжествовать над смертью покоренной.*

*Ты слишком щедро одарен судьбой,
Чтоб совершенство умерло с тобой.*

Проблема ребенка, продолжателя, наследника также является одной из главных линий и в творчестве М.А.Сабира. Однако у М.А.Сабира эта проблема решается в контексте идей просветительства. М.А.Сабир выступает против мнения «бедный мой ребенок», «это мой сын, не отдам учиться, отстаньте», ратует за воспитание ребенка, наследника семьи грамотным («Школьная песня», «За школу»). Он поднимает тезис «Дитя мне дорого, но его воспитание и образование еще дороже» до уровня просветительской идеи.

Мне думается, что главный критерий эстетической ценности творчества М.А.Сабира – это человек! Т.е. относиться к человеку как к человеку, уважать, принимать за личность вне зависимости от социальной принадлежности. Такие его сатиры как «Рабочий», «Сеятель», «Нищий» явное тому доказательство. Строки «Рабочий, неужели и ты считаешь себя за человека, / Мужчина без денег, думаешь так уж просто быть человеком?» отражают многие современные реалии, проясняют и освещают многие темные устремления, выводящие человека из круга человечности.

Философия отношения к человеку как к личности – основная эстетическая линия и в сонетах У.Шекспира. В 21-м сонете поэта читаем:

*Не соревнуюсь я с творцами од,
Которые раскрашенным богиням
В подарок преподносят небосвод
Со всей землей и океаном синим.*

*В любви и в слове – правда мой закон,
И я пишу, что милая прекрасна,
Как все, кто смертной матерью рожден,
А не как солнце или месяц ясный.*

*Я не хочу хвалить любовь мою, –
Я никому ее не продаю!*

Здесь У.Шекспир выступает против лжевосхвалений и в то же время считает сравнение

человека с луной, солнцем, звездами, цветами в поэзии искусственным. Он выдвигает необходимость представления человека в художественном произведении именно как человека – призывает к постижению философии, выраженной максимой «Он тоже, как другой, рожден человеком». Поэт заявляет о превосходстве реальности, реального отображения, реализма в искусстве.

М.А.Сабир тоже сторонник показывать «кривду – кривдой, правду – правдой», что, по сути, составляет принципы критического реализма. В XX веке М.А.Сабир заявляет «Видят глаза, а ум понимает». А в XVI веке У.Шекспир говорил «Глаза запечатлевают лишь то, что видят». По сути, перед нами явление двойной идентификации (термин, которым пользуются в западном литературоведении).

Любовь к искусству, вера в силу слова, поиск прибежища в вечности искусства являлись моральным правом и высшей идеей всех великих творцов. В особенности «сила слова» всегда признавалась в восточной литературе, в том числе азербайджанской поэзии. К примеру :

*Вот перо начало свой разбег
И открылись очи мирозданья.*

*Словом создана природа вся,
Словом поставлена печать на шариат.*

Низами Гянджеви
(Подстрочный перевод)

*Внемли мне: слово – есть душа
Вместилище его – есть небеса*

*Шесть толкований у слова одного,
Слово – суть божественной вселенной.*

Имадеддин Насими
(Подстрочный перевод)

*Слово – лик того, кто говорит,
Слово венчает стену сокровенного.*

*Слово надобно говорить так,
Чтобы природу не обидеть.*

Сеид Азим Ширвани
(Подстрочный перевод)

*О слово, назвать хочу тебя солнцем небес,
Все частицы получают от тебя сияние.*

*Ты – сияние истины, созданное Творцом,
Чтобы ты подарило будущему человечеству цветник.*

*Я слово солнцем назову – других сравнений нет!
И впрямь ведь, слово, ты даешь всему живому свет!*

*Ты истиной сотворено, ты правды смелый луч,
Ты рождено, чтоб сонмом благ осыпать белый свет.*

Мирза Алекпер Сабир

Признавая столь непоколебимую мощь искусства слова, его божественную силу,

М.А.Сабир сказал о себе: «Похож я на древнюю гору, что выситя в море». По сути, это означало глубокую, большую любовь к искусству, и в то же время взывательность.

У.Шекспир тоже испытывал схожие чувства и настроения, находил надежду, славу и свободу в слове и искусстве и знал, что его поэтическое предназначение выше положения правителя – «Ни мрамор, ни позолоченные монументы/государей не переживут этих могучих стихов» (55-й сонет) сказал поэт, а 29-м сонете написал следующее:

*Когда в раздоре с миром и судьбой,
Припомнив годы, полные невзгод,
Тревожу я бесплодную мольбой
Глухой и равнодушный небосвод*

*И, жалуясь на горестный удел,
Готов меняться жребием своим
С тем, кто в искусстве больше преуспел,
Богат надеждой и людьми любим, –*

*Тогда, внезапно вспомнив о тебе,
Я малодушье жалкое кляню,
И жаворонком, вопреки судьбе,
Моя душа несется в вышину.*

*С твоей любовью, с памятью о ней
Всех королей на свете я сильнее.*

Говоря о сонетах У.Шекспира, исследователи подчеркивают лиризм, как средство философского познания любви, философского познания на западный манер. Конечно, в сонетном жанре есть такая доминирующая линия. Однако, перечитывая сонеты У.Шекспира, мы уловили деталь, ускользнувшую от внимания шекспироведов. Эта деталь – ирония в сонетах поэта, умение иронической окраской показать недостатки общества, изъяны человеческого характера. Причем Шекспир, пусть изредка, но писал и сатирические сонеты (видимо до нас дошел не весь корпус его сонетов). Его 66-й сонет архетипически полностью совпадает с литературно-эстетической линией сабировской сатиры:

*Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,*

*И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,*

*И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.*

*Все мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!*

Вообще, с этой точки зрения между сатирами Сабирова и сатирическими сонетами Шек-

спира наблюдаются удивительная параллель, схожие мотивы. У обоих социальная функция лирического «я» близка друг к другу и протестует против порабощения, рабства, жалкого смирения и связывает наличие такого состояния с покорными людьми. Ибо покорные – трусливы, лишены духа борьбы. Там, где такие составляют большинство, говорить о свободе и независимости не стоит.

У.Шекспир «повсюду видит фальшь», но не решается оставить любимую в одиночестве, лицом к лицу с этим ужасным миром, мучительно раздумывает о том, «почему, отчего в этом фальшивом мире» вынуждена жить подобная чистота и красота.

М.А.Сабир тоже предавался подобным размышлениям об уродствах общества, фальши, затхлости и невежестве, поэт страдал, порой задумывался о смерти, но вновь брал себя в руки, не сгибался, продолжал свою борьбу.

Вот как выглядит в аналогической призме схожесть чувствований и мышления гениев и, на наш взгляд, само это является божественной закономерностью искусства. Это трансформация сознания одного гения через века в сознание другого или, говоря восточной терминологией, теджелла¹, слияние мысли с мыслью – сцепка сознания.

В литературе эпохи Ренессанса взамен стандартных сюжетов, отражающих широко распространенные легендарные события, основное место занимают произведения, отражающие реальную жизнь и ее острый драматизм, общественные и политические события, живую человеческую судьбу, его внутренний мир, богатый характер. Так и Сабир в свою эпоху отделился от классической эстетики газели и мерсийе, оплакивающих и воспевающих «розу и соловья», и перешел к сатире – жанру, бичующему реалии своего времени.

Удивительно, что у Шекспира и Сабира есть перекликающиеся стихи, выступающие против застоя классического стиля описания. У.Шекспир еще в XVI веке выступал против искусственности, надуманности, фальшивого украшения, статичного мышления в поэзии и творчестве, ценил превыше всего естественность, видел превосходство описываемого и воспеваемого лирического характера в его естественности. В 68-м сонете Шекспир пишет:

*Его лицо – одно из отражений
Тех дней, когда на свете красота
Цвела свободно, как цветок весенний,
И не рядилась в ложные цвета,*

*Его лицо приветливо и скромно.
Уста поддельных красок лишены.
В его весне нет зелени заемной
И новизна не грабит старины.*

*Его хранит природа для сравненья
Прекрасной правды с ложью украшенья.*

В 84-м сонете Шекспир видит вечность искусства в отражении действительности, говоря нынешними понятиями, в реализме, правде жизни:

*Пересказав, что сказано природой,
Он создает правдивый твой портрет,
Которому бесчисленные годы
Восторженно дивиться будет свет.*

*А голоса тебе любезной лести
Звучат хулой твоей красе и чести!*

Здесь выдвигается эстетический постулат верности творца правде жизни, поясняется,

¹ Богоявление, манифестация божества в мире.

что слава, мастерство писателя и поэта зависят от привнесения правды жизни в стихи – «пересказав, что сказано природой». Поэт уподобляет слагателей фальшивых похвал – тех, кто приносит украшения в изначальную красоту – хулителям красоты и чести. «Повсюду фальшь зовется красотой, / не осталось следа от естественных красок», сожалеет поэт, и при чтении этих строк возникает мысль, что он написал их, будто бы зная все реалии нашей современности. С этой точки зрения обратим внимание на 127 сонет Шекспира:

*С тех пор как все природные цвета
Искусно подменяет цвет заемный,
Последних прав лишилась красота,
Сльвет она безродной и бездомной.*

*Вот почему и волосы, и взор
Возлюбленной моей чернее ночи, –
Как будто носят траурный убор
По тем, кто краской красоту порочит.*

*Но так идет им черная фата,
Что красотой стала чернота.*

Нам следует сказать, что здесь творческие принципы двух гениальных поэтов совпали.

А теперь вспомним знаменитую сатиру М.А.Сабира, созвучную с идеями М.Ф.Ахундова, – стихи, начинающиеся строкой «Твой лоб – луна, лицо – солнце, брови – лук стрелы!» – сатиру, выступающую против догматических «эпитетов» восточной поэзии, против фальшивого, неестественного и даже превращающего красавицу в чудовище изображения. Эта сатира была впервые напечатана в журнале «Молла Насреддин» (26 июля 1909, №30) и подписана псевдонимом «Абунеср Шейбани». Она включена во все издания поэта. В первых двух изданиях озаглавлена «Подражание нашим поэтам», а в третьем и четвертом изданиях «Дильбяр».

*Твой лунный лоб пленит меня, тревожа и маня,
Джейраньи страстные глаза твои полны огня.*

*И, как колодцы в знойный день, две ямки на щеках,
И губы – мед, и тело – лен, и брови – тетива.*

*И шея блещет, как графин, и стан с чинарой схож,
И с плеч спадает ливень кос, как за змеей змея.*

*И, как пшеничное зерно, веснушка у виска...
Ха-ха! Ты чучела смешней, красавица моя!*

(«Пародия на лириков».

М.А.Сабир, Хопхопнамэ, в 2-х томах, т.1, Баку, 2004, стр. 229)

В подобном представлении, и вправду, «бытие ущербно», до странности смешно. Карикатура, нарисованная выдающимся художником Шмерлингом на эту сатиру, по сути, дополняет смысл и значение сатиры, делает ее выразительнее. Эта сатира была протестом великого поэта против статичного, застывшего, догматического мышления, против «фальшивых, искусственных эпитетов», она остается современной, актуальной и по сей день.

130-й сонет английского гения XVI века Уильяма Шекспира тоже носит ту же эстетиче-

скую идею, и схожесть идеалов искусства двух великих гениев вызывает изумление:

*Ее глаза на звезды не похожи
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.*

*С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.*

*Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.*

*И все ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.*

И даже в философии «быть или не быть», о которой мы писали выше, присутствует момент, когда Шекспир и Сабир чуть ли не сливаются. Шекспир хочет умереть: «Все мерзостно, что вижу я вокруг... / Но как тебя покинуть, милый друг!». М.А.Сабир тоже восклицает: «Я жажду смерти, а она всё убегает от меня!».

Литературоведы считают Шекспира в какой-то мере новатором в сонетной поэзии. Он сделал форму сонета более подвижной, необычной по сравнению с классической итальянской. «Шекспировский сонет» – совершенно особенная, отличная от классического сонета форма.

М.А.Сабир тоже изобрел новый сатирический жанр в метроритмике древнего аруза и создал школу «сабировского стиха» – школу сатирического жанра на всем Востоке. И этот жанр распространился на Ближнем и Среднем Востоке, Средней Азии, Восточной Европе, стал объектом внимания литераторов, переводчиков, исследователей и продолжает им оставаться.

Согласно эстетическим положениям Шекспира в несчастном обществе счастье отдельных индивидов невозможно. Этот горький вывод, к которому пришел поэт, потряс весь его внутренний мир, его оптимизм сменился пессимизмом. Сабир же отчаянно и беззаветно боролся против всего этого.

Можно провести много параллелей в аналогическом ключе между творчеством гения XVI века Шекспиром и гением XX века Сабиром. Это наша первая попытка, расширение исследований в данной сфере – дело будущего.

АЛЕКСЕЙ САПРЫКИН

РАССКАЗЫ

Эпитафия

Ласковая морская волна лениво набегала на сверкающий под лучами ещё жаркого жадного солнца песок. Полутороговая девчушка с двумя забавными хвостиками, торчащими из панамки, весело плескалась у самого берега. Отец внимательно следил за ней, готовый в любую минуту прийти ей на помощь. Но девчушка сдружилась с ласковым южным морем, и отец мог быть спокоен. Солнце поднялось выше, пора было возвращаться. Отец подхватил Принцессу на руки и пошёл к машине. Мама вытерла девчушку полотенцем, отец сел за руль, и они поехали домой. Белый «Фольксваген» Жук резво бежал по грунтовке, поднимая столбы пыли. Минут через десять они подъехали к симпатичному двухэтажному домику. Мама понесла уснувшую дочь наверх. Отец Принцессы заговорил со встретившей их хозяйкой:

– Ма, а неплохую машинку вы отхватили. Движок работает как часы, и вообще, как новенький.

– Это всё твой папа. Я хотела новую машину из салона, а он утверждал, что нужно взять подержанную.

– И он прав. Учиться лучше на подержанной.

– Вот его друзья и нашли эту машину. Хорошо ещё, что они нашли белую, потому что бежевую или кремовую, как я хотела, не сумели найти.

– Такой цвет найти весьма проблематично. Это надо было ещё найти «Жука».

– А вот это уже твой папа хотел. Какая-то девушка получила его в подарок от родителей на восемнадцатилетие, сделали обкатку, а потом ей эта машина разонравилась и ей купили другую. А эту решили продать.

– Чувствуется, что машина свежая. Отец хоть научился нормально ездить?

– Это я занималась с инструктором, а твой папа пару раз поездил по пляжу, да и то ночью, и забросил это дело.

– Твой муж!

– Твой отец! Нет, ты скажи, как тебе наш домик? Нравится?

– Здорово! Нам понравился. А что там, на старом месте?

– Туда продолжили бульвар. Теперь он доходит почти до Академии наук. А на месте нашего дома возвели несколько высоток. Ну, а мы построили вот этот домик.

– Я помню, вы мне показывали его проект и фотки.

– Ну, вот. Нам повезло, мы нашли по дешёвке участок в шесть соток. С забором и воротами. Чуть больше двух месяцев фирма возводила дом, ещё и с подвалом. Потом папа занялся солнечными батареями. Ты ведь помнишь его затею, он договорился с Доцентом, и тот рассчитал и установил с ребятами какие-то суперские солнечные батареи. Так что государственным светом мы практически не пользуемся.

Мы... – повторила она, – ... теперь только я... – и растерянно задумалась.

Любила ли она его? Наверное, да. Собственно, не наверное. Любила. Ведь не могут люди прожить более сорока лет вместе, не любя друг друга. Но она всегда была Лидером! Всегда и во всём. Лидером. Не зря он называл её «Фельдмаршалом». И он всегда ей уступал, а ей очень хотелось, особенно в последнее время, почувствовать себя женщиной. Просто женщиной. Ханум. Хотелось, чтобы он брал на себя ответственность. Решал любые проблемы. Но после истории с переломами своей «бриллиантовой» ноги он плавно самоустранился от всех этих проблем.

– Мам, ты чего? Всё будет хорошо, – проговорил сын, стараясь отвлечь её.

– Хорошо... А будет ли это... хорошо?

Они подошли к кустам роз и она встрепенулась:

– Когда я начинала говорить о цветах и грядках, он всегда подшучивал надо мной:

«Чем ближе мы подходим к вечности – тем больше нас тянет к земле!»

– Посмотри на этот оазис. И виноградная лоза, которую мы привезли со старой квартиры, прижилась, и у меня всё время есть листики для твоей любимой долмы.

Она обернулась к нему и продолжала:

– Он очень ждал вас. И был на седьмом небе, когда у него родилась внучка. Он постоянно говорил, как будет с ней возиться, гулять, рассказывать сказки, заботиться о ней. Не дождался...

– Но ты же знаешь, что мы не могли раньше приехать. Она ведь родилась в октябре.

– Сыночка, я никого не обвиняю. Я всё прекрасно понимаю. Так уж сложилось. В последнее время он очень сдал. Всё время шалило сердечко, да и нога постоянно беспокоила. Особенно реагировала на смену погоды. Да ещё его военные болячки, молчавшие до поры до времени, с каждым годом всё больше и больше напоминали о себе. Что ни говори, а это правда: когда человек выходит на пенсию, у него уже ни на что не остаётся сил. Ты же знаешь, как он любил «морозить»! А в последний раз я приготовила ему костюм, а он простоял около костюма довольно долго, поглаживая его, приладил бороду, усы, простоял перед зеркалом. Потом снял всё и грустно сказал мне:

«Всё, Малыш, приехали. Поезд ушёл! Деда Мороза больше нет!»

– Потом он запаковал костюм в чехол и спрятал в самый дальний угол шкафа. Вот тогда я поняла, что это всё. Честно говоря, я думала, что он сломается. Писать он стал всё меньше и меньше. Порой долго сидел молча, попыхивая своей трубкой. В какой-то момент он стал писать сказки. Для Принцессы. Но теперь он уже не давал их читать, хотя, как ты помнишь, он всегда жаловался тебе, что я не читаю то, что он написал. У него в столе лежит синяя папка, куда он складывал написанные сказки. С надписью «Моей Принцессе».

– А какой был его последний день?

– Это были первые весенние дни. Солнечно, но ещё прохладно.

– Мне очень жаль, но ты же знаешь, я физически не мог приехать.

– Я понимаю: гастроли, заморские страны. Тебя наконец-то пустили в Канаду.

Ты не мог бросить работу, лететь через океан. Ты бы всё равно не успел. Я тебя ни в чём не виню. Просто весной всегда бывает обострение. Так было и в тот день. Он почти бросил курить. Во всяком случае, выкуривал всего три-четыре трубки в день. Он устроился в кресле около ёлки, укрыл ноги пледом, раскурил трубку и попросил

сварить ему чашечку кофе. С ёлкой – это отдельная история. Буквально на второй день после переезда, ещё коробки не были разобраны, он вдруг с утра куда-то уехал, ничего мне не сказав. Часа в два подъехала грузовая машина. Из кабины вылез твой папа, довольный, как слон после купания. Двое рабочих начинают разгружать груз и вытаскивают пушистую трёхметровую ёлку. Живую. С корнями. Место он нашёл быстро, и буквально через час ёлка красовалась перед домом. Мы обсуждали с ним этот вопрос, но я не думала, что он сделает это столь быстро. Уж как он за ней ухаживал – это надо было видеть. Перед Новым годом, вооружившись стремянкой, он развешивал игрушки, мишуру. Украсил лампочками дверной проём, от него протянул гирлянду с лампочками и опутал всю ёлку. Тридцать первого декабря, в начале двенадцатого, он надел костюм Деда Мороза, зажёл ёлку и приготовил бутылочку шампанского. При первых ударах курантов он разлил шампанское и вспомнил одно из своих приветствий. Ты не поверишь! Едва он произнёс последние слова, как сразу стих немного неловкий робкий ветерок. Стало тихо-тихо. Ни малейшего движения воздуха. Сверху беззвучно стали планировать снежинки. Большие, средние, маленькие. Одни таяли, едва достигнув земли, другие основательно устраивались везде, где только можно было. И музыка Чайковского из «Щелкунчика»! Это была самая настоящая Новогодняя Сказка! Такого чуда я не видела никогда! Он был как маленький ребёнок, попавший чудом в волшебную Новогоднюю Сказку.

Она ненадолго замолчала, а потом продолжила:

– Через несколько минут я принесла кофе и поставила на столик около кресла.

Он сидел, откинувшись, в кресле и, казалось, дремал. В руке дымилась трубка.

«Твой кофе! – сказала я ему, но он не отреагировал, – хватит прикидываться. Симулянт! Дезертир!»

Он не ответил. Я потрясла его за плечо. Дымящаяся трубка выпала из его руки. Я попыталась прощупать пульс. Пульса не было.

Легионер

Гроза надвигалась лениво и неуверенно. Пересохла саванна. Ветер закручивал пыльные смерчи. Горизонт затянуло чернотой, и блистало небо вдали. Далеко-далеко слабо громыхал гром. Но дождя не было. Ах, как бы он подставил лицо крупным каплям тёплой африканской грозы. Но не будет её. Будет и завтра изнуряющий зной, будет горячий ветер с мелкими песчинками. Будет бескрайняя выжженная саванна. Он лежал, глядя в потолок, и в памяти всплыли строки Сент Экса:

«На дворе буря. Ветер с чудовищной быстротой хлопает моими «ставнями». Это сигналы Морзе или позывные каких-то духов. Пытаюсь расшифровать их, но это мне не удаётся. А ведь так хотелось бы понять их язык!»

Погода навевала определённое настроение, и ему взгрустнулось. Он рос домашним мальчиком. У него всегда всё было: лучшие педагоги, лучший тренер, лучший ВУЗ. Он выбрал Сорбонну, благо в совершенстве владел тремя языками. Да и учёба давалась легко. Компания подобралась интересная – толковые, умные ребята-сокурсники, беседы на самые разные темы, от микробиологии до астрофизики и астрологии. Интересные гипотезы, обсуждаемые за бутылочкой доброго вина, культурные программы, встречи с интересными людьми. И всё было бы хорошо, но на третьем курсе он вдруг увлёкся идеями анархистов, а тут ещё и хиппи появились.

И всё встало с ног на голову. Какие-то митинги, акции протеста, драки, стычки с полицией. В одной из таких стычек он «несильно» толкнул полицейского, тот «неловко» упал... и умер. Ему повезло – его не задержали, но полиция стала его разыскивать. Друзья посоветовали ему на время скрыться и вступить в иностранный легион. И вот уже скоро год, как он в Африке. Первое время ему было чертовски трудно, но человек привыкает ко всему, и, как выяснилось, он не зря занимался спортом. И он привык ко всему... Почти. Больше всего его напрягало бритьё. Он педант и привык бриться каждый день. А здесь с этим часто возникали проблемы. То одного не было, то другого. Но он приноровился и к этим условиям. Он всегда таскал с собой небольшое зеркальце и одноразовый бритвенный станок. И когда во время выхода с базы выдавалась свободная минутка, он первым делом начинал скоблить свою физиономию, порой в ущерб сну или приёму пищи. Первое время к нему кто-нибудь, да пытался приколоться, но после проведённой «разъяснительной работы» от него отстали. Зато на базе он «отрывался» по полной. Это был целый ритуал: он долго и тщательно расставлял все принадлежности в определённом порядке и только убедившись, что ничего не забыл, вытаскивал зеркало. Он приобрёл его на одном из «блошинных» рынков. Это было походное зеркало одного из важных вельмож, живших лет двести назад. Этот резной, инкрустированный перламутровыми пластинками футляр красного дерева, напоминающий этюдник художника, нужно было, установив на ровной поверхности, нажимать в определённой последовательности на скрытые кнопки. Щёлкали пружины и крышка открывалась. Но чтобы добраться до зеркала, нужно было произвести ряд манипуляций со шторкой. И только тогда можно было увидеть круглое зеркало. Шторка оставляла скрытыми от глаз углы зеркала. Очевидно, мастер, сделавший это приспособление, верил в то, что в углах старых зеркал прячутся тёмные силы. Во всяком случае, так ему объяснил старик, продавший это зеркало. И самое интересное было в том, что, не веривший поначалу во все это, он со временем стал ощущать в зеркале чьё-то присутствие. И чем дольше он вглядывался в это зеркало, тем сильнее чувствовал, что он не один в помещении. Он стал проводить перед зеркалом больше времени, ожидая чего-то, но в последний момент, когда все чувства обострялись донельзя, и зеркало начинало то ли вибрировать, то ли изменяться, он всё-таки закрывал шторку. Чёрт его знает, почему. Ему припомнилась Сорбонна, посиделки до утра за бутылочкой доброго вина, разговоры о зеркалах, пирамидах, искривлении времени и пространства. Вспомнилось, как трое французских альпинистов, вопреки просьбам и запретам местных монахов, пытавшихся убедить их, что нельзя идти на восхождение по внешнему склону Кайласа, поскольку ещё никто не возвращался оттуда живым, все же послушали их. Хотя альпинисты знали, что Кайлас – это пирамида, которая старше и больше египетских пирамид и этот зеркальный склон вогнут, они всё равно пошли. Им повезло – они вернулись через некоторое время. Но вернулись заметно постаревшими, и меньше чем через год все трое скончались от старости! Было о чём подумать.

Он воевал не хуже других. Во всяком случае, честно выполнял эту свою работу. Какой бы грязной она ни была. Когда приходилось зачищать какую-нибудь территорию от аборигенов, он старался не принимать происходящее близко к сердцу. Но однажды...

Деревня догорала. Чёрный жирный дым поднимался к побледневшим, моргающим от ужаса бриллиантовым звёздам. Легионеры добивали оставшихся жителей. Вот тогда ему на глаза и попался этот пацан лет двенадцати. Его огромные глаза

ярко бело-голубого?! цвета горели ужасом. Они как будто излучали какой-то заполняющий всё свет. Глаза этого мальчика заставили его остановиться. Ну, не бывает глаз такого цвета у африканцев. Он то ли слышал, то ли читал, что подобные глаза были замечены у одного китайского подростка. Он запомнил это потому, что предполагалось, что этот подросток мог принадлежать к новой человеческой расе, поскольку, обладая такими глазами, он видел ночью так же, как видят представители семейства кошачьих! И что, вроде, он обладает способностью к телепатии, и что таких детей уже замечали в разных уголках земного шара. Может быть, и этот негритёнок из той компании? Он почувствовал, что этот взгляд начинает брать его под контроль.

«Что это? Он хочет влезть ко мне в мозги? И что он хочет со мной сделать? Чертовщина какая-то!»

Его руки стали наливать свинцом. Ещё чуть-чуть, и он не сможет удержать оружие. Да и с головой что-то стало происходить. Что-то непонятное...

Пока все эти мысли путались у него в голове, подскочил сержант и длинной очередью срезал этого пацана.

– Не спать! Вперёд! Вперёд!

Он «выключил» мозги и бросился догонять легионеров. Через полчаса всё было кончено, и они, погрузившись в ожидавшие их грузовики, вернулись на базу. Обычно после операции он всегда первым делом приводил в порядок свой «Булл-пап». Но сегодня он небрежно прислонил его к стене и залез под душ. Он тупо стоял под тугими струями воды и ощущал внутри себя полную пустоту. Ни мыслей, ни эмоций – ничего. Он улёгся на койку, закрыл глаза и постарался заснуть. Но сна не было. Ничего не было. Как будто его отключили от всего. Просто щёлкнул выключатель – и пустота. Прошло немного времени, и тяжёлая липкая чернота вдавила его в койку. Он попытался шевельнуть рукой или ногой. Никакого эффекта. И только неопиcуемый ужас обволакивал его всё больше и больше. И тут неизвестно откуда всплыли яркие бело-голубые глаза убитого паренька. Ему казалось, что эти глаза прожигают его насквозь. И ему стало больно. Очень больно. Ещё чуть-чуть и – вспыхнет вся комната. Глаза росли и заполняли собой всё его существо. Неимоверным усилием он собрал все свои силы в кулак, и ему всё-таки удалось встать. Он плеснул в стакан «Бурбона», разлил большую часть. Клацая зубами о край стакана, сделал большой глоток и попытался отвлечься от происходящего. Затем трясушимися руками достал сигарету и закурил. Сделав несколько жадных затяжек, почувствовал, что ему вроде становится полегче. Он не видел глаз, но ощущал этот взгляд. Сделав несколько больших глотков прямо из бутылки и закулив очередную сигарету, он постарался думать о чём-то другом. Но мыслей в голове не было. Никаких. Вообще. Он сделал ещё несколько глотков. Стало тоскливо – не просто тоскливо, зелёная тоска заливала его изнутри и затягивала во что-то страшное и непонятное. И тут он внезапно понял: это – «кафар». В иностранном легионе прекрасно знали, что это такое. Практически все прошли через это. Когда легионер говорил, что у него «кафар» – он освобождался от всех дел в легионе. Даже если это заявление звучало перед боевым выходом, человек освобождался от него. Без всяких разговоров. Не зря в легионе были штатные психологи. Он допил остатки «Бурбона». Вроде стало немного полегче. Он прилёг на койку, закрыл глаза и постарался отключиться. Кажется, ему это удалось. Он проспал больше суток без всяких сновидений. И когда казалось, что всё уже закончилось, ему приснился сон. Из тех, которые снятся перед пробуждением и лучше всего запоминаются. Ве-

¹ *Bullpup* – вид стрелкового оружия.

сёлая компания друзей-школяров неслась в кабриолете по улицам ночного города. Он сидел за рулём и точно знал, что это Париж, хотя ничто на это не указывало. На одной из узких улочек, прямо на проезжей части, ниоткуда возник человек небольшого роста. Водитель что есть сил стал давить на тормоз и на клаксон. Человек не шелохнулся, а машина и не думала тормозить. В последний момент стало понятно, что на дороге стоит тот самый негритёнок с яркими бело-голубыми глазами и, не мигая, смотрит на него. Потом удар. Полёт в темноте, и яркие бело-голубые хрустальные осколки, заполнившие всё подобно звёздному дождю. Неимоверным усилием он заставил себя очнуться и резко сел на койке, закрыв глаза, то ли пытаясь унять боль, то ли поймать все эти хрусталики. Но хрусталики растаяли, а с ними прошла и боль. Он ещё немного посидел так, затем открыл глаза и огляделся. Африка, его комната, оружие, вещи, пустая бутылка «Бурбона». Он прислушался, внутри всё было спокойно. «Кафар» прошёл. Он потёр подбородок и пришёл в ужас. Он же не брился! И уже не один день. Свои ритуалы надо выполнять. Сегодня он всё делал очень долго и придирчиво. Почему-то. Долго и тщательно расставлял бритвенные принадлежности. Затем долго устанавливал на раковине футляр с зеркалом. Долго и тщательно выбривал каждый сантиметр кожи своего лица. Закончив наконец это священнодействие, он освежил лицо лосьоном и продолжал смотреть в зеркало. Через какое-то время ему показалось, что в зеркале промелькнула какая-то тень. Но это не насторожило его, а заставило вглядываться с ещё большим вниманием. Потом зеркало будто задышало. Сердце забилося чаще. Ему казалось, что это дыхание зеркала начинает втягивать его куда-то далеко-далеко. В середине зеркала возникли яркие бело-голубые глаза. Они росли, с каждым мгновением увеличиваясь в размерах. И когда они заполнили всё зеркало, что-то грохнуло. И – тишина.

Наутро сержант долго стучал в дверь его комнаты. Не дождавшись ответа, он приоткрыл дверь, заглянул внутрь. Затем распахнул дверь и тихо вошёл. Первым делом ему в глаза бросилось повисшее на раковине искривлённое зеркало. Оно напоминало часы с картины Дали «Постоянство памяти». Сержант долго смотрел на это, не понимая, как зеркало могло принять такую форму. Он опустил глаза и увидел тело легионера. Тот лежал на полу, на спине, широко раскинув руки. Лицо было спокойным. Но это было лицо глубокого старика с густой седой щетиной. Пол вокруг тела был усыпан яркими бледно-голубыми хрустальными осколками.

ПЯРВИЗ ГУСЕЙНОВ

Пярвиз Гусейнов – выпускник художественного училища и Инженерно-строительного института (архитектура градостроительства). Он и его жена Ирина Гундорина являются основоположниками в Азербайджане куклы, как арт-объекта. Участники и призеры многих международных выставок авторской куклы.

Но сегодня я хотел бы представить другую ипостась кукольного мастера. К своим ироничным, добрым и интеллектуальным текстам Пярвиз Гусейнов не относится серьезно, но, возможно, эта публикация в журнале «Литературный Азербайджан» заставит его задуматься о возможной альтернативе. Творить куклы и творить литературные типы – это в общем одна и та же метафизика, только материал – не металл и материя, а слово.

«Работа с куклами требует такого терпения, что нас за глаза называют «каменными задницами», – говорит мне Пярвиз, но и работа со словом также требует сопротивления – их «гнут» не для забавы, а для придания единственной и абсолютной формы.

Творить – значит выражать то, что есть в тебе. Прочитайте тексты Пярвиза Гусейнова и вы поймете – ему есть что сказать всем нам.

Марат Шафиев

Записки кукольного мастера

Лето как перебесившаяся, скандальная женщина. Уходит. Уходит громко. Хлопая дверью. Ненадолго. Потом возвращается. Спокойно как кошка. Не понимая, что любовь закончилась.... Душа уже требует морозного утра и запаха потухшего камина. А еще умных книг и горячего чая с лимоном. И только маленькая заноза в осознанности того, что все только начинается.... Ибо круг еще не замкнулся. И карусельные лошадки будут продолжать свой путь согласно купленному билету. Билету, который мы сами себе выбрали.

В Баку осень. Надеюсь, не последняя. Мысли ушли куда-то вбок и налево. Появилось ощущение, что ничего главного больше нет. Есть только покой и пустота. Пустота, как затянувшаяся пауза перед открытием занавеса. В оркестровой яме музыканты уже лениво и невпопад начинают настраивать инструменты. Новый спектакль. Новые актеры, новая пьеса. И только старый режиссер, лукаво улыбаясь, знает, кого будут вызывать на бис, и кто получит цветы. А значит, будут слезы. Слезы обид, несбывшихся надежд. Нужно пережить. Пережить и трансформироваться в нечто *над*. Над сценой. Над осветительными приборами. Над крышами. И лететь. Лететь горизонтально земле и ощущать легкое сопротивление влажного ветра кожей. Лететь туда, где свет и тепло. Туда, где родители еще живы. Где они боги. Добрые боги. И ты защищен. Ибо по-настоящему ты защищен только тогда, когда тебя любят. Любят и надеются, что именно тебя вызовут на бис и ты получишь цветы. А пока нужно лететь. Лететь и понимать, что на данном этапе этого спектакля ты тоже бог. И твои близкие живут твоей защитой. И ты должен соответствовать. Соответствовать свету и теплу. Это несложно. Совсем несложно. Нужно просто быть. Как бывает жизнь и все в этой жизни.

Волна не виновата в своих бесконечных набегах на берег. Она не самостоятельна в своем упорстве. Но даже ветер не вправе распоряжаться волной. Он всего лишь продукт конфликта. Конфликта между теплом и холодом души. Господи, когда же всё это кончится? Когда же опять мы будем животными? Чистыми и неподсудными? Ибо в чем судимо животное? Оно и в миллионной доле не создает тех кошмаров, которые создаем мы. Господи, что ты сотворил? Забери свой ужас назад. Где и как понимать твое «по образу и подобию»? Да затопи ты эту гадость. Сожги всё. После того ада, который ты называешь жизнью, хочется просто издохнуть в небытие. И пусть будет пустота. Я согласен. Ибо пустота гораздо милосердней твоей жизни. Жизни, где постепенно мой разум сходит с ума. С ума от бессилья, докричаться до небес. Жизни, где каждая власть от тебя. Жизни, где собственно нет жизни. Есть только волна, в своих бесконечных набегах на берег. Конфликтная и не распоряжающаяся собой.

Господи, а воздух-то какой свежий, чистый, и главное, живой. И я живой. И пока я живой, нужно успеть сделать многое. Очень многое. Например, научиться говорить. Говорить правду. Нет, нет, не свою... И не чужую, конечно, а ту, что когда-то однажды была произнесена мною от души. В тот момент душа была еще чиста и не заполнена всяким мусором. Это было давно. В день моего Рождения. Мало кто знает, но рождение бывает всего один раз.... А не каждый год в одно и то же время. Точно так же, как и смерть. Они вообще одновременны в пространстве. Если быть точным, почти одновременны. Ну право же, не будете вы отмечать каждый день или год похода в школу, потом на работу, потом на лавочку в скверике, совершая при этом бессмысленные и совершенно ненужные физические и, как нам кажется, умственные упражнения. Потому что жизнь – это секунды, иногда доли секунды. Не верите? А вы посчитайте, сколько времени необходимо для того, что бы успокоить заплаканную девчонку, не сдавшую экзамен в институт? Ну сколько? Столько, чтобы сказать, что это ей совершенно не нужно и от этого она будет всю жизнь несчастна душой. А так она скоро встретит парня, который полюбит ее на всю жизнь. И... у них будут замечательные дети. Сколько времени необходимо, чтобы подать платок только что переехавшему в другой район мальчишке, которого избил старожилы, чтобы остановить кровь из носа? Сколько? Вы считали? Может быть, дни или недели? а может быть, годы? Нет, други мои. Для этого нужны секунды. Как нужны они для того, чтобы секундально нажать на дверной звонок, одинокой старушке, и вручить ей пакет с продуктами, якобы от какой-то организации. Сколько времени вам необходимо, чтобы открыть сумку и отдать кусочек колбаски вон, к примеру, тому маленькому коту или, что еще лучше, собачке? Может, десятилетия? Нет же, конечно. Секунду для принятия решения. Именно из таких секунд и состоит человеческая жизнь. А еще необходимо научиться слушать. Нет, не несчастного, закомплексованного и завистливого начальника, которого недолюбили, и который наивно полагает, что власть, случайно ему даденная, заставит всех его слушать. Нет, конечно. Необходимо научиться слушать дождик, стучащий по карнизу. Шорох листьев и смех детей до четырех лет. А еще слушать взгляд. Не натянутую маску с бездушной улыбкой, а взгляд. Настоящий взгляд. Взгляд как голос, понятный любому человеку. Не немцу или французу. Не японцу или русскому. Не азербайджанцу или грузину. Нет. Человеку. Голос, сообщающий нам, что жить осталось всего-то, если повезет, минуту-две. А значит, нужно спешить. Время пошло.....

Весна пришла в срок. Планово. Как солдат на побывку. С повышением в звании и с петличкой о ранении. Ранении легком. По касательной. С элегантной перевязью, в локте левой руки. Весна пришла. Тем самым показав, что никто не вправе отнимать время года, назначенное мирозданием в срок. И уже, нахлобучив фуражку, младший брат Весны, под завистливые взгляды «соседских мальчишек», гоголем вышагивает по двору. А за большим «родительским столом» уже слышна речь Весны – «А вот случай был! Зима, снег, на двоих один рожок и граната!» И Летние девчонки от ужаса жмурят глаза, а старики с пониманием, как равному, уважительно кивают ему в ответ.... Весна пришла... Она должна была прийти. Слишком долго мы ее ждали. Двадцать лет. Пора возвращаться. Пора возвращаться в Черный Сад. Пора возвращаться домой.... Туда где Тепло... Где скоро лето...

Осеннее утро. Неспешно стучат молотки, укрепляя чью-то крышу. Абстрактно, как звуковой фон. Уже не доверяю утру. Не верю, что будут люди. Спешащие и сверяющие свой быстрый шаг с Главным флюгером. Умеющие любить и ненавидеть. С зонтом и непокрытой головой. Вечно желающие и требующие. Подчиняющиеся заводской бумаге с водяными знаками и окрыленные обрывком, с надписью «Я тебя люблю». Люди. Счастливые люди, имеющие свою Субботу и Воскресенье. Каждому по его вере. Я выбираю Мир. Мир и Время. В них и верю. Ибо в этом Мире бывает всё. А Время, как хорошая выдержка, дает виноградной лозе Славу. Доброе утро, Мир. Время пошло...

Всё должно быть на контрасте. Если на улице дождь, в душе должна быть весна. Все ошибки в этом мире происходят в покое и спокойно. Бойтесь дождя на улице и дождя в душе. Не приемлите весны в душе и весны на улице. Только когда на улице весна, а в душе дождь, вы – личность. Только когда на улице дождь, а в душе весна, вы – суть всех вещей. Потому что на самом деле нет ни весны, ни дождя. Есть только история. Вечная история мотылька и свечи. И полная темнота вокруг.

Осень оказалась чужая. Не то чтоб мачеха, а так, обнявшая сумки и уткнувшаяся в окно, попутчица в автобусе. Да и сам автобус едет теперь по другому маршруту. Господи, как же хочется крикнуть водителю – останови! Выйти, и после душного автобуса вдохнуть полной грудью свежий холодный воздух. Выйти и попробовать поискать свой дом. Самое чудовищно больное, это то, что ты понимаешь, что дома больше нет, но ты всё равно его ищешь. И идешь. Все больше уходя в себя, потому что это единственный способ подойти вплотную к горизонту. Там. За горизонтом. Будет твой новый дом. Нужно просто идти. Идти и обязательно приветствовать всех, кто идет к тебе навстречу. Потому что в спину не приветствуют. Я это знаю. Это то небольшое, что я успел вынести из старого дома.

МАРАТ ШАФИЕВ

ИРОНИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Поэт

1

На моей щербатой клавиатуре
не хватает знаков
А меня называют
постмодернистом...

2

Поэт бредет с авоськой –
хлеб в ней и молоко
какой же это поэт?..
поэты в магазины не ходят
питаются амброзией

Вечером

Чай с бергамотом
фильм Бергмана
пачка «Пегаса»
желтый томик Басё...

Жизнь на экране погасла –
вот и всё.

После жизни

В небе ни облачка,
воды текут,
райские яблочки
всюду растут.

Всего-то и надо
свернуть за углом
к чугунной оgrade
в аду городском.

Солнечное затмение

Вдруг наступил
полный Малевич...

Диалектика

Вы ищите выход
я поищу вход...

Вопрос

И если жизнь –
это биохимия,
а мысль – форма энергии,
остается самый последний вопрос:
зачем нам эта Любовь?..

